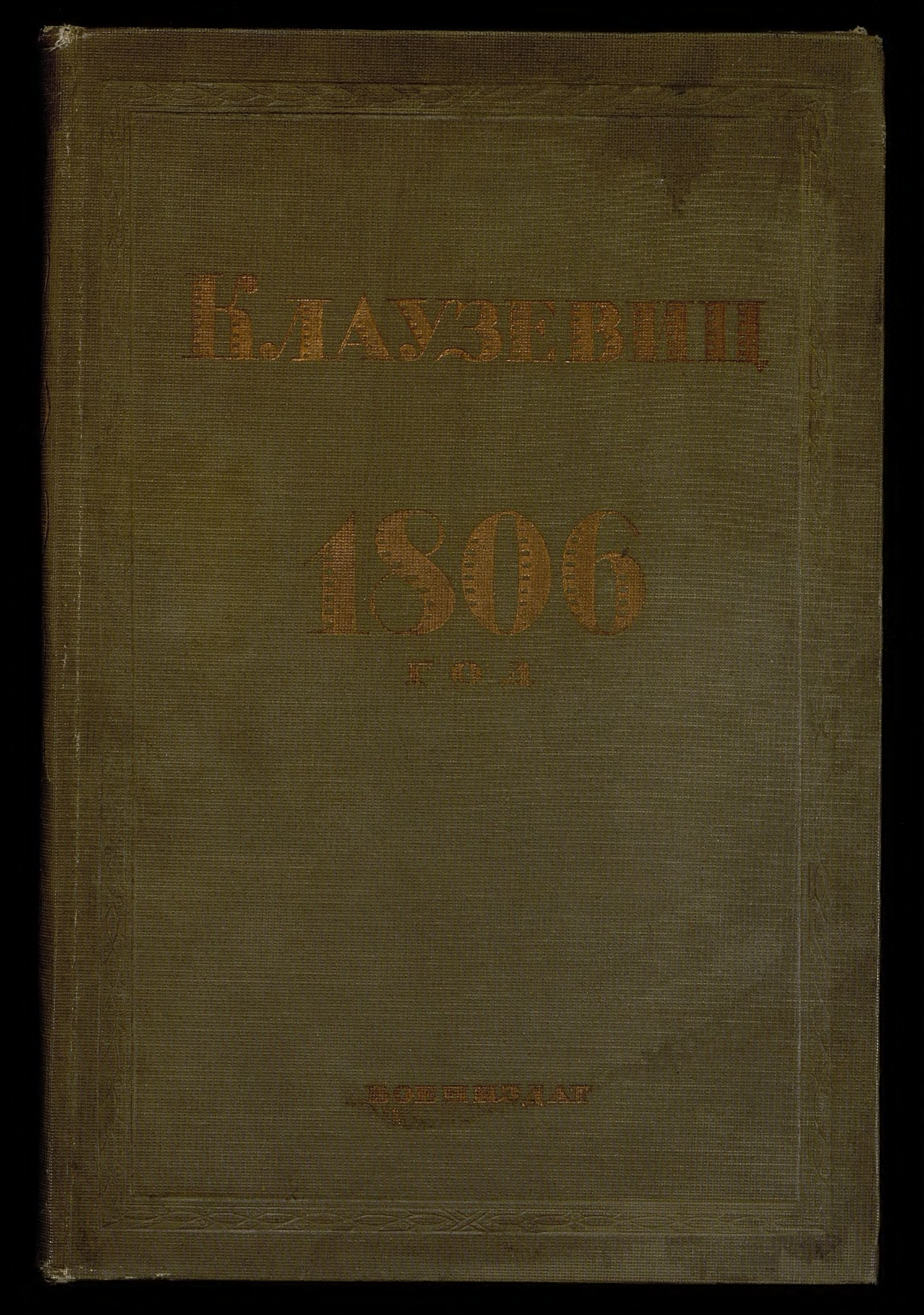
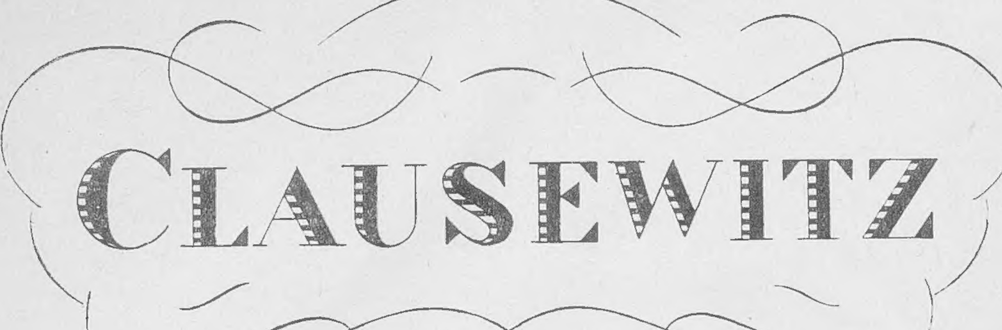
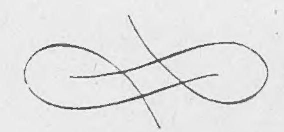

КЛАУЗЕВИЦ
1806
ГОД
ВОЕНИЗДАТ

ВОЕНИЗДАТ

CLAUSEWITZ

PREUSSEN IM JAHRE 1806

BERLIN

КЛАУЗЕВИЦ

1806 ГОД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА 1937

Проверено
1954 г.
Проверено
1961
Проверено
Проверено

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Клаузевиц (1780—1831 годы) широко известен как теоретик войны благодаря своей капитальной работе «О войне». Менее известен Клаузевиц как историк, хотя его перу принадлежит целый ряд работ по истории войн (итальянские войны конца XVIII века, включая походы Суворова; 1806 года; 1812 года). Одной из наиболее интересных его исторических работ является «1806 год» — исследование войны Наполеона против Пруссии в 1806 году, закончившейся катастрофическим разгромом Пруссии.

Война 1806 года привлекала внимание исследователей не только потому, что в ней блестяще проявился полководческий талант Наполеона, но и по более глубоким причинам — как столкновение обветшалого прусского феодализма и его прославленной фридриховской военной системы с силами, развязанными французской буржуазной революцией и создавшими военное искусство Наполеона.

Результат этого столкновения известен; этот результат исторически обусловлен. Это понимал и Клаузевиц. Уже в начале своей работы «1806 год» (стр. 15) он пишет: «В настоящее время кажется вполне нормальным, что такая мощь (мощь прусского королевского войска.— **Ред.)** не смогла устоять перед разбушевавшейся стихией революционной войны». Клаузевиц тут правильно нащупывает основную причину поражения Пруссии, но понять ее полностью, во всей ее глубине, он как идеалист не может. Слабость Пруссии в этом столкновении двух систем Клаузевиц сводит к «духу народа», к порокам государственного устройства Пруссии и недостаткам ее государственного аппарата, который он

считает «пришедшим в упадок организмом, совершенно несоответствовавшим требованиям эпохи и данного момента, а дух народа был чужд великим событиям и отвык от больших усилий» (стр. 21).

Клаузевиц, непосредственный участник войны 1806 года, лично пережил позор разгрома Пруссии. Он был свидетелем развала прусской военной системы, бездарности военачальников, равнодушия и пассивности народных масс, которые вовсе не были воодушевлены желанием добыть победу своему королю. Обо всем этом Клаузевиц пишет резко, прямо, зачастую с гневом. Понятно поэтому стремление прусского генштаба, издавшего работу Клаузевица с большим запозданием, смягчить тон Клаузевица всяческими примечаниями, объяснить этот тон тем, что, якобы, Клаузевиц при жизни не закончил, не отредактировал свой труд, что он переделал бы его, если бы печатал при своей жизни.

В самом деле, разве могло соответствовать «видам» реакционного прусского генштаба следующее место у Клаузевица, в котором он говорит о настроении масс: ...«мы на следующее утро прибыли в Ораниенбург, где почтмейстерша, не знавшая принца в лицо, спросила, правда ли, что вся гвардия в плену. Когда принц ответил на это только мрачным взглядом, она воскликнула: «Ах, боже мой, хоть бы всех поскорее взяли в плен, чтобы это кончилось» (стр. 152).

О вождях прусской армии Клаузевиц был очень невысокого мнения. Чего стоит одно полное едкой иронии его замечание по адресу генерала Рюхеля, по поводу того, что тот считал возможным со старофридриховской армией «разгромить все силы, порожденные противоречащей воинскому духу французской революцией» (стр. 27).

Меткие, безжалостные характеристики Клаузевица, несомненно, оживляют его исследование войны 1806 года, исследование, сделанное с присущей ему обстоятельностью и глубиной.

Работа Клаузевица в настоящем издании дополнена выдержками из записок Наполеона, касающихся событий 1806 года. Несмотря на беглый и мемуарный характер этих записок, они дают ряд ценных дополнений, не говоря уже о том, что они интересны оценкой событий, данной Наполеоном.

Пруссия в 1806 г.

ГЛАВА I

МОРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ АРМИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА

Все непредубежденные люди, наблюдавшие за Пруссией до 1806 года и в этом году, высказали о ней суждение, что она погибла из-за своих форм государственного устройства.

Безмерное, с примесью тщеславия, доверие к этим формам заставило упустить из виду, что они уже лишились своего духовного содержания. Было еще слышно, как стучит машина, и поэтому никто не спрашивал, исполняет ли она свою работу.

Дух порядка и бережливости Фридриха Вильгельма I *, творческая сила Фридриха Великого давно уже покинули эти формы, приданные государству, главным образом, **ими**, суть исчезла, взоры правительства были обращены только на внешнюю форму.

Генеральная директория, представлявшая собой в царствование Фридриха Вильгельма I настоящее министерство, с которым он лично работал, была в то время вполне способна придать управлению необходимое единство; теперь же она превратилась в мертвое учреждение, которое служило предметом насмешек и которое министры очень редко или никогда не удостаивали своим присутствием.

От старой, более простой организации управления небольшим государством оставались еще провинциальные министерства. Жиз-

* Фридрих Вильгельм III был таким же большим сторонником порядка и бережливости, как и его прадед, но был лишен в этом отношении страстности и энергии последнего.— *Прим. автора.*

ненная потребность привела к тому, что со времени Фридриха Вильгельма I среди них выросло, до известной степени наподобие сорняков, несколько определенно деловых министерств. Даже больше, считалось нужным в таких государствах, где провинциальных министерств вообще нет, иметь, например, лесное, горное, почтовое министерства и т. д. Однако, этому велению природы не хотели следовать, а сохраняли в целом старую организацию.

Эти провинциальные министерства, по природе своей склонные вызывать борьбу различных интересов и взглядов, администрировали каждое само по себе; они не имели между собой никакого единения, кроме переписки, и не были направляемы единой волей к общей цели. Если дело доходило до конфликта, каждый министр считал своей непременной обязанностью отстаивать специальные интересы своей провинции, с которыми он зачастую смешивал свои собственные интересы, вытекающие из его взглядов и положения.

Если за 11 лет правления Фридриха Вильгельма II израсходовали 70—80 миллионов из казны и сделали еще на 30 миллионов долгу , то успокаивали себя убеждением, что это простое следствие военных кампаний на Рейне и в Польше и неоднократной мобилизации армии; никому не приходило в голову искать причины в бесхозяйственности. Впрочем было бы трудно сказать, кто, кроме самого короля, должен был бы задуматься над этим: министр Курмарки (Бранденбурга), министр Силезии или министр косвенных налогов.

При своем вступлении на престол Фридрих Вильгельм III передал графу Шуленбург-Кенерту генеральный контроль над финансами. Но и эта вновь созданная функция была пристегнута к более старому учреждению — высшей счетной палате — и стала только филиалом последней, что никак не могло не привести к чему-нибудь другому, кроме мелочного вмешательства без большого успеха.

Новый свод законов, появившийся на свет в царствовании Фридриха Вильгельма II, считался идеалом, не допускающим никаких улучшений, так как он был первым и единственным в Европе, имевшим форму систематического кодекса. Будучи вполне убежденными в его превосходных качествах, думали только о том, чтобы дополнять его все новыми налогами, а вовсе не о непрерывной проверке его и подготовке к пересмотру в большом масштабе. Считалось достаточным иметь специальную законодательную кол-

легию только на том основании, что эта коллегия состояла из компетентных лиц, но никому не приходило в голову, что эта коллегия нуждается в руководстве со стороны выдающегося ума, который способен был бы стать законодателем нации; поэтому коллегия вырабатывала законы, как какую-нибудь заказанную фабричную продукцию. Каждая хотя бы кратковременная потребность вызывала появление нового закона.

Но еще в худшей степени, чем администрация и законодательство, выродилась в мертвые формы организация армии. Вся сила исчезла из одряблевших мускулов. Впрочем в дальнейшем нам еще придется говорить об этом подробнее.

Само правительство, то есть высшее руководство государственной машиной, было так называемым «кабинетным» правительством*. Оно было введено, главным образом, Фридрихом Великим. Его отец еще работал с министрами, но сам Фридрих Великий мало общался с ними, так как, будучи диктатором в самом широком смысле этого слова, он редко нуждался в советах своих министров. Свои решения он в большинстве случаев сообщал им в письменном виде. Но решения эти заключались в немногих словах и принадлежали только ему; а для этого он не нуждался в советниках: ему достаточно было простого писца; поэтому в его царствование не было и речи о кабинетных советниках.

Кабинетное правительство, руководимое энергичным самостоятельным государем, несомненно, является самой энергичной, быстрой и живой формой ведения дел. Поэтому, а также ввиду того, что оно было одобрено Фридрихом Великим, полагали, что, сохранив его формы, обеспечивают себе все его преимущества.

Однако, государство выросло почти вдвое, разнообразие и сложность общественных отношений сильно увеличились, и не всякий мог так править, как Фридрих Великий. Его преемники — Фридрих Вильгельм II и Фридрих Вильгельм III — считали, что они сами руководят государством и управляют им энергично и справедливо, если по примеру своего великого предка лично разрешают мелкие и крупные дела специальными указами. Таким образом, и здесь форму приняли за сущность.

Фридрих Вильгельм III, с юношеских лет отличавшийся серьезностью и строгостью своих принципов, слишком недоверчиво

---

* Клаузевиц в выражение «кабинетное правительство» вкладывает содержание: «личная канцелярия короля». — *Ред.*

относился к собственным силам и силам других людей, слишком был проникнут тем северным, холодным духом сомнения, который подрывает всякую предприимчивость, охлаждает энтузиазм и затрудняет всякое творчество. Его здоровый разум и острую наблюдательность эта непреодолимая склонность к сомнениям направляла только на человеческие слабости и несовершенства, которые он быстро раскрывал. Это усиливает его недостаток доверия к людям почти до степени презрения. При таких личных свойствах короля кабинетное правительство является наименее пригодной формой правления. Министры не имеют власти, не пользуются доверием, не несут настоящей ответственности; они не смеют выступить с новой, большой идеей, с проектом широкого размаха; они только стараются кое-как тянуть дела с соблюдением принятых форм и удерживаться на своих постах. Кабинетные советники по внутренним, по иностранным и по военным делам (последний - так называемый генерал-адъютант-экспедитор) неспособны занять места министров; для этого им недостает власти, престижа, доверия. Они являются полусекретарями, полусоветниками короля, но отнюдь не теми высшими представителями власти и начальниками, которые должны руководить государственным аппаратом.

Даже при лучших намерениях их влияние на государственные дела неустойчиво, так как оно не является закономерным; то они решают дела деспотически, не ознакомившись с вопросом во всем его объеме, то они делают вид, что являются лишь механическими выразителями воли монарха; министры же со своей стороны также держатся по отношению к кабинетным советникам то слишком гордо, то слишком униженно. Кабинетные советники еще гораздо менее, чем министры, были способны провести в жизнь какую-нибудь большую идею, так как они должны были бы немедленно передавать ее осуществление в чужие руки. Худшей стороной кабинетного правления является то, что оно так же облегчает и вызывает ничегонеделание монарха, как и министерство с премьером во главе, не имея при этом преимуществ последнего. Премьер-министр более или менее становится на место монарха и может быть хорошим или плохим, как и сам монарх, но государство, по крайней мере, никогда не будет лишено главы, в руках которого объединяется все, и который может направлять руль в зависимости от обстоятельств.

Правда, кабинетное правление внешне требует от монарха большой работы, и на первый взгляд утверждение, будто оно приводит

к ничегонеделанию, кажется парадоксом; однако, разве эта чисто внешняя, кажущаяся деятельность может создать что-нибудь великое, если отсутствует творческий гений?

Монарх, работающий со своими министрами, должен уметь лично отстаивать свою точку зрения, так как здесь недостаточно, как при кабинете, говорить «да» или «нет», а приходится вести к своей цели группу людей, обычно не держащихся одного мнения. При этом монарх должен ясно сознавать, чего он хочет, и не вступать во внутренние противоречия с самим собой; он должен проводить господствующую идею, он должен быть тверд в этом и готов отвечать на возражения. Все это является естественным требованием такого рода деятельности. Совсем иначе обстоит дело при кабинетном режиме, при котором вся деятельность монарха сводится исключительно к вопросам и ответам и к принятию отдельных решений. Но и ответы, и решения могут с таким же успехом исходить от кабинетного советника, как от самого монарха, и если последний из-за недостатка самодеятельности или из неверия в свои собственные способности склонен предпочесть предоставлять решение дел другим, то он очень скоро перестанет действительно править. Он будет осуществлять лишь своего рода надзор за управлением, а не само управление. Он будет много работать со своими кабинетными советниками, то есть казаться деятельным, но на самом деле будет, быть может, делать очень мало или ничего не делать. Фридрих Вильгельм III отличался быстрым, практическим взглядом, большой проницательностью, а также серьезностью и чувством долга. Трудно представить себе, чтобы такой король, окруженный хорошо подобранным министерством, не пришел бы к самостоятельной деятельности, к ясному пониманию своего положения и не сумел бы найти средства предотвратить опасность или достойно встретить ее. Но для кабинетного образа правления король обладал наихудшим из всех свойств, а именно неверием в собственные силы, а это очень скоро привело к бесплодной пассивности как во внутренних, так и во внешних делах. Таким образом, это несоответствующее своему назначению кабинетное правление немало способствовало тому, что Пруссия все больше погрязала в рутине бездушных мелочей.

Только в одном отношении это кабинетное правительство отличалось общей и постоянной линией поведения, а именно в отношении известного либерализма: свобода и просвещение в том смысле, в каком их обычно понимали в то время, были для следо-

вавших один за другим кабинетных советников по внутренним делам важнейшей задачей. Они считали себя как бы народными трибунами, поставленными возле трона, чтобы держать в узде аристократический дух дворянского министерства и направлять правительственную власть в прогрессивном духе времени. Эта роль давалась им без труда, так как они сами были людьми, не принадлежавшими к аристократическим фамилиям и поэтому не имевшими прирожденных аристократических чувств; они заранее ожидали от демократизирующего просвещения только выгоды, а не ущерба для себя. Они полагали, что, плывя таким образом по течению, они лучше всего избегнут напора этого течения. Они рассчитывали предотвратить этим политическую грозу, собиравшуюся с 1789 года в Париже.

Правда, само по себе довольно странно, хотя и не без исторических прецедентов, что абсолютный король, царствующий над страной, в которой еще господствует феодальная система, эволюционизирует в демократическом направлении; между тем со времен великого курфюрста прусская правительственная власть носила именно такой характер. Здесь чаще, чем где бы то ни было, лица незнатного буржуазного происхождения или даже иностранцы, не имевшие ни состояния, ни прочных корней в стране, призывались на посты первых советников и министров короля. Нельзя отрицать, что это обстоятельство причиняло большой ущерб местной родовитой аристократии, которая всегда неизбежно возникает при таких общественных условиях; оно не позволило ей утвердиться впоследствии. Однако, этот либерализм прусского кабинета, который можно считать, как угодно, последовательным или непоследовательным, был по существу лишь поверхностной позолотой, вежливой уступкой духу времени во второстепенных делах. Существенные же государственные устои не претерпели никаких изменений и не были подготовлены к будущим изменениям; в сущности, этой демократической повадкой кабинета не достигли ничего, кроме мелочной гордости средних сословий, в особенности буржуазного чиновничества, которое отказывалось считать себя стоящим хотя бы на дюйм ниже дворянства.

Я уже говорил, что военное ведомство больше, чем все остальные отрасли государственного управления, погрязло в рутине традиционной мелочной формалистики. Мы затрудняемся, с чего начать, чтобы показать гнилое состояние всего этого здания. Со времен великого курфюрста Пруссия придавала преимущественное

значение военному ремеслу и в военном отношении играла более значительную роль, чем это можно было бы объяснить ее размерами и могуществом. Этого можно было достигнуть только благодаря своеобразным установлениям. Важнейшим из них, сохранившимся и до нашего времени, является более строгая, чем в других государствах, обязанность подданных нести военную службу: так называемая «кантональная система». Во главе угла прежнего прусского кантонального устава находится принцип всеобщей воинской повинности; правда, большое число законных исключений и изъятий и столь же большое число изъятий незаконных, допускавшихся по обычаю и вследствие злоупотреблений, ограничивали всеобщность этой повинности; однако, она все же была по тем временам пружиной необыкновенной силы, и со времени Силезской войны Пруссия справедливо считалась государством, имевшим лучшую военную организацию в Европе. Необычайно большая армия из собственных подданных дополнялась проводимой с величайшей энергией системой вербовки иностранцев. Вооружение, снаряжение, выплата денежного довольствия, обмундирование — все это было предусмотрено с величайшей точностью, над всем царил дух педантического порядка и строгой дисциплины; таким путем в период, предшествовавший революционным войнам, этому второклассному государству удалось в области военного дела не только выдвинуться в число первоклассных государств, но даже занять среди них первое место. В Средние века военная мощь была в руках дворянства и аристократии; за последние столетия она стала собственностью монархов, базирующейся на их финансовой и административной системе; в новейшее время она стала показателем всей национальной мощи. Совершенно очевидно с первого взгляда, что военная мощь за время первых двух периодов подвергалась гораздо большим ограничениям и зависела от иных условий, чем за последний период. Такой королевской военной мощью, притом в самой высшей степени, была и прусская в царствование Фридриха Великого. В настоящее время кажется вполне нормальным, что такая мощь не смогла устоять перед разбушевавшейся стихией революционной войны. Но следует также отметить, что в 1792 году прусская военная мощь была уже не той, какой она была при Фридрихе Великом. Генералы и командиры были уже не прежними, поседевшими на войне, а изнеженными и одряхлевшими за период мирного времени; военный опыт был в большинстве случаев утрачен. Над армией в целом уже не царил дух Фридриха II;

материальная часть армии, вследствие сохранения старого бюджета и повышения цен на все предметы довольствия, была недостаточна и пришла в негодность. В берлинском арсенале артиллерия содержалась так тщательно, что в запасе имелось все до последней веревки и последнего гвоздя, но и веревки, и гвозди одинаково никуда не годились. Оружие солдата было всегда вычищено, ружейные стволы прилежно полировались шомполами, приклады ежегодно лакировались, но ружья были худшими в Европе. Солдат всегда исправно получал жалованье и обмундирование, но жалованья нехватало на то, чтобы даже утолить голод, а одежда не покрывала наготы. Конечно, требуется очень большое искусство для того, чтобы довести военную мощь до высшей степени и в течение полувека мирного времени поддерживать ее на этом уровне в обученном и боеспособном состоянии. Для этого недостаточно простого соблюдения строго ограниченного бюджета и непрерывной скупости и экономии в мелочах.

Хорошим механиком должен быть тот, кто захочет судить об исправности очень сложной машины в состоянии покоя; для этого нужно не только проверить, все ли части налицо, но и испытать конструкцию каждой части. Но какую же машину можно сравнить по сложности устройства с военной мощью? Дух Пруссии оказался не в состоянии предотвратить незаметный упадок.

Король Фридрих Вильгельм II занимался армией, потому что так было заведено, но не проявляя личного интереса. Фридрих Вильгельм III был молод, не знал войны и в то время еще не обращал своих взоров на организацию других государств, так как в силу его воспитания в нем не была развита свободная пытливость ума. Поэтому он не доверял своим силам. Кабинетный режим ставил во главе всех военных учреждений кабинетного советника по военным делам, именовавшегося генерал-адъютантом-экспедитором, так как через его руки проходили все доклады, предложения, распоряжения и т. д. Так называемая военная коллегия, ведавшая всей материальной частью армии, имела, правда, несколько знатных председателей (герцога Брауншвейгского и фельдмаршала фон-Меллендорфа, первого в качестве председателя, второго — вице-председателя), но эти должности были чисто почетными, созданными для этих людей, и не имели реального значения. В числе членов этой коллегии находился и министр, так называемый военный министр; однако, в 1806 году последний ведал только одной отраслью, а именно продовольственной частью, а не стоял во главе

всей армии; таким образом, эта коллегия была по своему делопроизводству настоящим министерством, однако, по своему положению она могла считаться только органом, подчиненным генерал-адъютанту-экспедитору. К тому же она сплошь состояла из старых, отживших людей, которые в молодости отличались от своих товарищей усердием к чтению и письму, а в старости — физической дряхлостью. От такой коллегии, конечно, нельзя было ожидать ничего, кроме добросовестной рутины.

Генерал-адъютант обычно назначался из среды тех офицеров, которые, кроме хорошего знания службы и армии, обладали некоторой бойкостью пера, знанием французского языка и известной ловкостью и лоском манер. При этом нельзя было требовать большого жизненного опыта, широкого кругозора, таланта и оригинального ума, так как такие люди редко удовлетворяли остальным условиям. Таким образом, уже личные свойства людей, занимавших эту должность, не позволяли ожидать от их деятельности чего-нибудь крупного, нового, оживляющего. Само их положение еще увеличивало затруднения. Они, правда, оказывали непрестанное влияние на всю машину, но влияние только отрицательного порядка. Чтобы провести какую-нибудь новую крупную организацию, нужна большая власть, так как нововведения повсюду наталкиваются на сопротивление, а власти-то они никакой не имели.

Они должны были бы завоевать доверие короля к их проектам и осуществлять их, опираясь на его авторитет. Но в этих делах король в специалистах видел своих естественных советников, против которых он должен был применять свою власть, т. к. они, будучи сторонниками рутины, естественно, должны были противодействовать ему.

Далее, чтобы пуститься в трудные предприятия, требуется, как говорят французы, из ряда вон выходящее честолюбие. Но, как правило, такое честолюбие пробуждается только в предвкушении удовлетворения, которое будет наградой за успешное проведение дела. Такие же предприятия, от которых можно ожидать только умножения ответственности, только потери своего места в случае неудачи, но никакой славы, никакого имени в случае успеха, естественно, не могут разбудить в человеке сообразительность, изобретательность и энергию. Таким образом, здесь больше, чем в какой-нибудь другой области, кабинетное правление при монархе, который принципиально подчинял свое мнение мнениям других людей, должно было тормозить осуществление всех крупных и существен-

по важных проектов. Все непрерывно связывалось с волокитой, и ради соблюдения и сохранения формы совершенно упускалась из виду суть вопроса.

В этом заключался главный источник зла. Если бы имелся военный министр с соответствующими полномочиями, и если бы хоть немного поискали выдающегося человека для занятия этой должности, то, вероятно, можно было бы ожидать, что он сумел бы приобрести доверие короля, убедительным образом растолковать ему свои намерения и, благодаря собственной ответственности, с одной стороны, и уверенности — с другой, укрепить волю монарха. Тогда была бы обнаружена болезнь, а с нею и лекарство. Тогда поняли бы, что система долгосрочных отпусков, правда, в то время необходимая, все же таила в себе в высшей степени гибельное начало, а именно непреодолимую любовь к миру, с которой надо было бороться иными средствами. За исключением младших офицеров, в армии не было ни одного человека, которого война наполовину не лишала бы его жизненных интересов без надежды на какой-нибудь выигрыш; тогда поняли бы, что система вербовки иностранцев хороша в удачной войне, но непригодна для обороны Фермопил против персов; тогда убедились бы в том, что государство, готовящееся вести борьбу не на жизнь, а на смерть, нуждается в больших запасах оружия для пополнения убыли, что для армии в 230 000 человек один завод, изготовляющий не более 10 000 ружей в год, — все равно, что ничего; а убедившись в негодности старых ружей, не стали бы планировать производство новых на 30-летний срок, когда уже нельзя было наверняка рассчитывать и на 30 дней мира.

Я не могу вдаваться в подробное рассмотрение всех ошибок, которые можно найти за последнее время в нашей военной организации и которые произошли отчасти оттого, что система этой организации больше не соответствовала изменившимся условиям, оторвалась от своего фундамента, обнаруживала разрывы и трещины, отчасти уже оттого, что вся она заржавела и пришла в упадок; мне приходится ограничиться лишь упоминанием этих недостатков, которые я и приведу здесь в сжатом виде.

Высшее руководство военными делами было лишено живого духа, старший командный состав до штабс-капитанов включительно был весь старым и бракованным. Солдаты сами были частью слишком старыми, так как поденщик, уже 40 или 50 лет несущий бремя жизни (а они должны были служить 25—30 лет, прежде чем могли

быть признаны инвалидами), приносит с собой на войну только истощенные моральные и физические силы. Вооружение было худшим в Европе; материальная часть артиллерии, за исключением самих орудийных стволов, была не в лучшем состоянии; питание и обмундирование солдат были весьма скудными; снаряжение было рассчитано на ведение войны по-старинке, то есть перегружено предметами, излишними для требований нового времени; дух войск был в высшей степени невоинственным, обучение — односторонним, в чисто прусском духе, без интереса и внимания к тому, что делалось в других государствах, без учета новейших военных достижений; упражнения были несоответствующими; и при всем том наблюдалась чрезвычайная самоуверенность, которая усыпляла даже естественную заботу о безопасности.

Даже при самой тщательной проверке автор не может вычеркнуть ничего из сказанного им здесь. Он вырос в прусской армии. Отец его был офицером, участником Семилетней войны, исполненным предрассудков своего звания; в отцовском доме автор видел почти исключительно офицеров, притом отнюдь не самых образованных и разносторонних; 12 лет от роду он сам стал солдатом, проделал походы против Франции в 1793 и 1794 годах и за весь первый период своей службы до 1800 года впитывал в себя исключительно распространенное в армии мнение о безусловном превосходстве прусской армии и всей ее организации. Таким образом, в авторе с самых юных лет н а ц и о н а л ь н о е и даже к а с т о в о е чувство укоренилось так прочно, как оно может укорениться только в результате воспитания, определяющего всю жизнь человека. Кроме того, автор должен отметить, что в прусской армии все для него всегда складывалось удачно сверх всякой меры и сверх заслуг, а при таких условиях суждения автора безусловно не заслуживают того, чтобы на них смотрели с недоверием, словно они сложились вследствие несправедливого отношения, досады, озлобленности и т. п. Автор был прусским офицером в полном смысле слова, и если он вскоре начал думать о прусских военных делах иначе, чем большинство его товарищей, то это было исключительно результатом размышлений. При всем естественном большом предпочтении, которое он отдавал своему отечеству и своему сословию, многое казалось ему очень несовершенным. Позднее, начиная с 1806 года, общение с людьми, видавшими на свете больше, чем он, еще больше раскрыло ему глаза на слабые стороны отечественной военной организации. Тем не менее он навсегда

сохранил в душе чувство большой любви к своей армии, но чем сильнее и глубже было это чувство, тем сильнее была в авторе потребность откровенно вскрыть ее слабые стороны, тем сильнее он ощущал необходимость того, чтобы нашлись оживляющий творческий ум, энергичная рука, которые заново перестроили бы здание, прежде чем оно окончательно развалится. В юности автор видел войну, правда, не понимая ее, но все же от нее осталось у него общее впечатление. Каким же образом ему, при известном размышлении, могла бы не притти в голову мысль по поводу упражнений во время потсдамских и берлинских осенних маневров, что на войне, которую мы перед тем вели, ничего подобного не делалось? Самое же тяжелое впечатление произвело на автора то обстоятельство, что даже лучшие люди армии, как Меллендорф и Рюхель, занимались этим задолго подробно обсужденным, точно предписанным, заранее показанным на месте очковтирательством со всепоглощающей серьезностью, с увлечением, которое граничило с ребячеством.

Автор упоминает об этом, чтобы показать, как в нем пробудилось сомнение, что поколебало его веру и чем был вызван дух непредубежденного суждения.

Пусть это послужит для читателя мерилом доверия, с которым он может отнестись к этому суждению.

Рассмотрение прусской армии отвлекло нас от государства в целом; во избежание превратного понимания мы должны бросить еще один взгляд на это государство.

Упадок, о котором мы говорили, был преимущественно упадком правительственного аппарата, а не всего общественного уклада. Народ в то время, несомненно, чувствовал себя вполне довольным. Торговля и наука процветали, умеренное и либеральное правительство предоставляло каждому отдельному лицу большую свободу; вся деятельность народа спокойно развивалась в направлении повышения благосостояния.

Если это благосостояние наступало не так быстро, как это было бы возможно при более либеральной организации граждан, которая лучше способствовала бы этому, то это было таким несовершенством, которое едва ли ощущалось, так как мало кто догадывался о нем. При таких условиях в прусском государстве не могло быть серьезного недовольства, и действительно, за исключением польских провинций, его нигде нельзя было обнаружить. Таким образом, если северные германцы в силу мрачной серьезности своего

характера часто жаловались на трудные времена, а умничающие политические философы посмеивались над существующими установлениями, то все же в общем нельзя было отрицать привязанности к государству. Если бы Пруссия могла продолжать вести свой растительный образ жизни при прочно обеспеченном мире, никто никаких недостатков и не почувствовал бы.

Но так как крупный общественный организм должен не только спокойно существовать сам по себе, но также и действовать вовне в качестве государственного целого, то тут на первый план выступают два важнейших условия, которые при простой спокойной жизни мало заметны.

Первым является правильное функционирование правительственного аппарата, благодаря чему множество граждан преобразуется в единый организм, а вторым — дух народа, придающий жизнь и нервную силу этому единому целому.

Как мы подробнее говорили выше, правительственный аппарат был высохшим, пришедшим в упадок организмом, совершенно несоответствовавшим требованиям эпохи и данного момента, а дух народа был чужд великим событиям и отвык от больших усилий: иначе и не могло быть. Чистая монархия, в которой гражданин не призывается к политической жизни путем участия в общественных учреждениях, должна время от времени вести войны или правительство должно, по меньшей мере, смело действовать в воинственном духе, выступать с честью и успехом, внушать страх и почтение, пользоваться доверием своей клиентуры, чтобы льстить гордости и самолюбию обывателя. Прусский народ не имел налицо ни того, ни другого. Кампании 1778, 1787, 1792, 1793 и 1794 годов как на Рейне, так и в Польше вовсе не способствовали росту воинственности в армии, а через нее и в народе; наоборот, они даже отчасти ослабили доверие обывателей к вооруженным силам своего государя и только дали пищу для заумных рассуждений политических философов. Политика же Пруссии со времени Базельского мира была как-раз обратной тому, чем она должна была бы быть, чтобы подготовить народ к серьезной борьбе: она заключалась в постоянном закрывании глаз на опасность, в вечном восхвалении мира и нейтралитета. Большего и не потребовалось, чтобы при существующей организации армии сделать народ и армию невоинственными и малодушными.

Если меня теперь спросят, какие же последствия могла иметь другая организация правительственного аппарата и могла бы она

уберечь Пруссию от катастрофы 1806 года, я отвечу на это следующим образом.

За столь краткий и ограниченный промежуток времени вряд ли можно было ожидать крупных и существенных перемен в законодательстве и конституции; было бы даже очень рискованно вызывать большими переменами недовольство. Время уже не могло бы успокоить это недовольство, и оно должно было стать опасным в обстановке, когда нуждаются в поддержке со стороны всех сословий и классов.

Но если бы король выбрал себе в министры подготовленных, осведомленных, энергичных людей, чтобы обсудить с ними государственные дела, а следовательно, и опасность, угрожавшую государству, то, вероятно, все пришли бы к убеждению, что бесстрастная созерцательность во внешних делах и спокойное плавание по течению во внутренних делах не способствуют отражению этой опасности в будущем. Поняли бы необходимость лучше организовать армию в соответствии с новым характером войны и с предстоящим в ближайшее время началом войны. Следовало бы базировать армию, а с ней и войну не на нескольких тоннах золота в государственной казне, а на всей национальной мощи. Провели бы подготовку к чрезвычайным мероприятиям и усилиям; заранее придали бы духу народа это направление; на самые ответственные административные должности назначили бы людей с характером и решимостью, одним словом, покрепче нажали бы все пружины, чтобы проявить себя большой Спартой.

Во внешней политике поняли бы необходимость либо договориться с другими державами, чтобы отбросить Францию за ее прежние границы, либо, если бы предпочли опасную игру в откладывание решения до последней минуты, посредством укрепления внутреннего положения приобрели бы мужество, необходимое для того, чтобы всегда держать себя с достоинством, говорить честным и резким языком, не дошли бы до того, чтобы обманывать себя и народ самыми худшими софизмами, не лишились бы всякого уважения у европейских государств и во всем остальном мире и, наконец, независимо от исхода совершенно неизбежной борьбы, с честью устояли бы в ней или с честью погибли бы.

ГЛАВА II

ХАРАКТЕРИСТИКА ОТВЕТСТВЕННЕЙШИХ ЛИЦ

Герцог Карл Брауншвейгский за последние годы Семилетней войны, в течение которых он почти ни в чем не имел удачи, был несколько вытеснен из своей героической роли в положение умного и ловкого светского человека. Он был остроумен, отличался своими знаниями и военным опытом, но бодрости духа и гордого равнодушия к превратностям судьбы в нем не было и следа. Он был бы способен благодаря своей ловкости и уму счастливо вывести страну из тяжелого положения, если бы у него хватило мужества взяться за руль. На самом же деле его репутация была окончательно подорвана, и он, подобно другим, совершенно погряз в мелочной игре интересов и еще более мелочном занятии парадами.

Говорили, что Фридрих Вильгельм III не любит герцога; однако, при той искренности, с которой король желал добра, и при той репутации, которую герцог имел как полководец и государственный деятель, это вряд ли могло бы послужить препятствием к тому, чтобы он стал во главе всего государства, если бы только он имел необходимое для этого честолюбие или, вернее, мужество. Он был единственным человеком, имевшим авторитет в прусской армии, старейшим ее фельдмаршалом, он был хорошо осведомлен в европейских делах, известен при всех дворах, пользовался хорошей славой как мудрый правитель своего маленького государства, был в родстве и свойстве с прусским королевским домом, был племянником и питомцем Фридриха Великого. Его маленькое государство лежало среди прусских провинций; разве у кого-нибудь могло быть больше прав на первую роль в госу-

дарстве, чем у этого человека, столь выдающегося по своим личным качествам и по своему положению? Правда, можно сказать, что именно эти слишком большие права являлись, быть может, препятствием, так как молодой король мог опасаться, что он сам сойдет на-нет, если вручит бразды правления такому человеку. Однако, Фридрих Вильгельм не слишком сильно испытывал подобное чувство ревности, что доказывается той ролью, которую впоследствии играл князь Гарденберг; к тому же герцог Браун-швейгский не был таким человеком, который мог бы внушать подобные опасения. Я убежден в том, что только от самого герцога зависело стать премьер-министром Фридриха Вильгельма, так как он не был лишен ума и ловкости, необходимых для того, чтобы стать им даже до некоторой степени вопреки желанию молодого короля. Но для этого у герцога безусловно нехватало мужества. Он был слишком умен, чтобы не оценивать трудностей, повсюду возраставших с течением времени; он чувствовал, что не в состоянии справиться с ними, и вместо того, чтобы с глупой чванливостью считать себя способным на все и вечно говорить только о слабости тех, которые не устояли перед событиями, как поступали и поступают ограниченные и неумные люди,— он, вероятно, в тиши благодарил небо за то, что его не призвали к более активной роли, чем та, в которой он выступал.

Его несчастная кампания в 1792 году и не имевший успеха поход 1793 года еще больше подорвали его веру в свои силы. Поэтому он не был склонен ни взять в свои руки кормило правления, ни вообще навязываться со своими мнениями в совете.

Таким образом, он не принимал решающего участия в важных государственных делах, и его характер, от природы склонный к умственной изворотливости, совершенно измельчал. Он до карикатурности усвоил себе характерные манеры обходительного придворного. Эта мелочная ловкость, эта преувеличенная гибкость не позволяли ему властно повелевать людьми и обстоятельствами, а так как он не мог повелевать, то при существующих условиях он уже не смог с успехом командовать армией. Но, как военный, он до сих пор был бы очень подходящим для этого человеком. Больше, чем кто-либо другой в прусской армии, он не отставал от времени и достаточно хорошо знал перемены, происшедшие в характере войны, чтобы действовать в соответствующем духе. Большой опыт в вождении войск, боевой опыт, личная храбрость, живой ум, спокойствие в минуту опасности — все эти свойства, в со-

четании с прирожденной ловкостью, при обыкновенных условиях дали бы превосходного командующего. Но для главнокомандующего всей армией требуется уверенность в себе и полнота власти; первой он сам лишил себя, вторую не сумел вырвать у других.

В 1806 году король поставил его во главе всей армии, но только номинально. Король не только сам выступил с армией, что всегда является препятствием для главнокомандующего, но он еще взял с собой фельдмаршала Меллендорфа, генерала Цастрова и полковника Пфуля — людей, которые раньше не состояли при его особе и только теперь были приближены к нему. Этим король показал, что нуждается в их советах. Герцог не был таким человеком, чтобы упразднить (аннулировать) эти лишние величины. Князь Гогенлоэ получил командование над половиной армии, и хотя он был подчинен герцогу, как главнокомандующему, но совершенно очевидно все это было потому, что иначе не считали возможным удовлетворить его честолюбие. Такое совершенно необычное разделение сил, действовавших на одном и том же театре, на две армии было уже само по себе большим злом и должно было еще ослабить и без того слабое командование и привести к опасному нарушению единства действий. В качестве генерал-квартирмейстера при князе Гогенлоэ состоял полковник Массенбах, беспокойный характер и неуравновешенный ум которого еще более усугубляли дурные последствия этого большого зла.

Генерал Рюхель, бывший издавна определенным врагом герцога, командовал третьей — небольшой — армией и в силу своего влиятельного личного положения также был склонен вести себя довольно независимо.

Таким образом, герцог Брауншвейгский принял главное командование, не пользуясь непререкаемым авторитетом и полнотой власти. Бесконечные щепетильные соображения парализовали его решения, несогласия затрудняли их, а неповиновение лишало всякой действительности все то, что от них еще оставалось.

Оказавшись в плену у всех этих обстоятельств и после всякого рода ошибок и путаницы, довольно счастливо появившись на поле сражения под Ауэрштедтом, где во главе 50 000 человек встретился с французским корпусом силой в 25 000 человек и где его военный опыт мог беспрепятственно проявиться в своей стихии, он в самом начале сражения был поражен пулей в глаза и нашел столь же мучительную смерть, как и трагический конец.

Фельдмаршал Меллендорф. В отличие от герцога Брауншвейгского, он внешне не приобрел гибких манер царедворца, а отличался серьезными, подобающими военному манерами, которые очень соответствовали его высокой, сильной фигуре и достоинству его восьмидесятилетнего возраста, не подорвавшего, впрочем, его жизненных сил. Они придавали всей его внешности импонирующий и внушающий доверие вид. Но по существу он ни на волос не был меньше царедворцем, чем герцог, и так как бесконечно уступал последнему в смысле ума, знаний и жизненного опыта, то его мнения и деятельность в государственных делах равнялись нулю.

Во время Семилетней войны он в чине штаб-офицера гвардии служил с большим отличием, основывавшемся, вероятно, главным образом, на личной храбрости и твердой решимости. Но продолжавшийся 31 год период мирного времени — с 1763 по 1794 годы,— когда он командовал на Рейне, и полное отсутствие систематического образования и умственной деятельности мало-помалу ослабили в нем эти качества, а многолетнее соприкосновение с придворным миром подорвало природную силу его характера.

В качестве полководца он выступал только однажды, а именно в кампании 1794 года; во время ее он действовал в духе псевдонаучной теории горной войны, которая господствовала и до этого и против которой он впоследствии часто высказывался, — верный признак того, что он шел на поводу у других и не был на высоте положения.

Этот человек от природы был очень хорошо одарен всеми теми качествами, которые необходимы для военного ремесла, и он мог бы стяжать себе большую славу. Но в боевой жизни, полной крупными событиями, он опустился до роли просто хорошего статиста на военных празднествах.

Генерал Рюхель. Очень подвижный ум без привычки к мышлению, живость характера, напоминающая стремительный поток, в высшей степени поверхностное образование, честолюбие, которое могло бы быть пылким, если бы не переросло в тщеславие, легкомысленная самоуверенность, при всем том отличная храбрость перед лицом противника, открытый характер, не лишенный способности к энтузиазму, — таковы были его внутренние свойства, которым неплохо соответствовали маленькая, приземистая фигура, курчавые, преждевременно поседевшие волосы, высокий лоб, блестящие глаза, повелительный тон, решительные манеры и какое-то солдатское кокетство.

Фридрих Великий нашел в решительном, пылком характере молодого офицера хорошие задатки и в последние годы своей жизни отличал его. Это и дало молодому Рюхелю главный толчок. Через каждые два слова на устах у него был Фридрих Великий, и дух, который старый король вдохнул в свою армию после заключения мира и который он сам внушал в Потсдаме, а именно известная строгость и пунктуальность, которая иногда придирается к мелочам, чтобы показать, что ничто не ускользает от нее, известное мечущее громы и молнии солдатское красноречие — были доведены Рюхелем почти до карикатуры. Он не был лишен поверхностного образования, читал все появляющиеся в свет замечательные книги, выхлопотал себе назначение начальником кадетских корпусов, стал членом основанного Шарнгорстом военно-научного общества и во всем, что писал, отличался большим воображением и энергичным красноречием. Но упорядоченное и глубокое мышление было так чуждо ему, что почти во всех своих писаниях он был смешон. Он не сумел разумно оценить изменений, происшедших в военном деле, и был убежден в том, что при достаточном мужестве и энергии можно с прусскими войсками и тактикой Фридриха Великого разгромить все силы, порожденные противоречащей воинскому духу французской революцией. Однако, под тактикой Фридриха Великого он понимал не что иное, как то, что можно было воспитывать посредством строевых занятий, парадов и осенних маневров, правда,— и это было, несомненно, лучшее в его идеях,— оживляя эту выучку пылкой и дерзкой решимостью. Генерала Рюхеля можно было бы назвать концентрированным раствором прусского духа. Он был инспектором гвардии и потсдамским военным губернатором (комендантом), в качестве такового любил, чтобы с ним считались, время от времени вмешивался в военные и гражданские дела; но в сущности он не искал широких великих дел. Так как в молодости его отличил Фридрих Великий, то его привыкли считать любимым учеником последнего, быстро продвигали по службе, и, таким образом, ему еще в необычно молодых летах довелось несколько раз самостоятельно командовать на Рейне, причем он отличился своей юношески бодрой деятельностью и предприимчивостью. Если бы он был несколько проще по характеру, из него мог бы выйти вполне способный генерал; но занимать более высокое положение, руководить всей войной он никогда не был бы способен.

Генерал фон-Цастров. В течение долгого времени он был генерал-адъютантом-экспедитором у короля и считался чрезвычайно разумным, осмотрительным и знающим человеком, почему король и не счел возможным обходиться без его советов.

Действительно, он был в высшей степени осмотрительным и ловким, но отнюдь не обладал выдающимся умом, а его знания сводились к тому, что он приобрел путем чтения и за свою бюрократическую службу, то есть он был обыкновенным человеком с обыкновенными взглядами, без знакомства с тем, что делается в других странах. По характеру он не считался добродушным и простым.

Полковник фон-Клейст. Будущий фельдмаршал Клейст фон-Ноллендорф был в то время генерал-адъютантом-экспедитором короля, то есть в некотором роде государственным секретарем военного ведомства. Это был очень сердечный, в высшей степени порядочный человек, который несколько возвышался над общим уровнем мелочных службистов-педантов и притом обладал отличным светским образованием и держался с большим достоинством. Он не отличался ни широким умом, ни обширными познаниями, а его жизненный опыт не намного выходил за пределы обычного.

Он мог со знанием дела и добросовестно исполнять свои обязанности, не внося в дела особенного прогресса или регресса. Но для такого момента, как 1806 год, этого было недостаточно, и поэтому он оказался свидетелем полного разгрома, даже не подозревая того, что он является одним из его виновников, и не имея ни малейшего представления о том, каким образом можно было до полного завершения катастрофы хотя бы немного исправить дело. Один знакомый автора рассказывал ему, что в Силезии был получен из Штеттина королевский указ с разрешением одному офицеру жениться. В Штеттине король был проездом в то время, когда он спешил в Восточную Пруссию, чтобы собрать имеющиеся еще там силы для нового сопротивления; следовательно, у него тогда были дела поважнее; но исполнять старые дела в раз заведенном порядке и отличаться своей пунктуальностью — в этом заключался дух нашей тогдашней администрации, а вне этого круга привычных дел была полная пустота.

Князь Гогенлоэ. Он еще более известен своей капитуляцией в Пренцлау, чем проигрышем сражения под Иеной; но если бы кто-нибудь вывел отсюда заключение, что ему недоставало чувства чести или мужества, тот очень ошибся бы.

Князь Гогенлоэ был очень добродушным, бодрым, деятельным человеком, главной отличительной чертой которого было честолюбие. К сожалению, последнее подкреплялось только известным воодушевлением и личной храбростью, но отнюдь не выдающимся умом. Он много читал, но так и не выработал в себе способности самостоятельно мыслить. К тому же ему было лет под семьдесят, что хотя не окончательно стерло его хорошие природные качества, но все же ослабило их. Он с отличием командовал на Рейне отчасти потому, что как князь получил свой высокий чин в более молодые годы, а отчасти потому, что его личные свойства делали его очень способным к войне.

Но с тех пор он учился и воспитывался только на парадах, что при заурядном уме не могло привести ни к какому иному результату, как к убеждению, будто хорошо наступающими уступами боевого порядка и поочередной стрельбой батальонов можно разбить любого противника.

Еще на Рейне под его командой служил в качестве офицера генерального штаба известный Массенбах; с тех пор они сохранили связь. В 1806 году Массенбах стал его начальником штаба и увлек его вместе с собой в водоворот своих путаных идей и чувств.

Гогенлоэ был создан для того, чтобы исполнять приказы и повиноваться вышестоящему начальству; Массенбах внушил ему, что они оба являются опорами монархии и должны играть первые роли, и таким образом подстрекнул честолюбивого Гогенлоэ к неповиновению; Гогенлоэ сам по себе попытался бы мужественно пробиться, но Массенбах убедил его своими сбивчивыми теориями и под Пренцлау втянул его в свое собственное умственное банкротство.

Тому, что он был разбит под Иеной, удивляться не приходится, и лучшего полководца постигла бы та же участь: у него было 50 000 человек, а против него был Бонапарт во главе 120 000. Но если он капитулировал под Пренцлау, то это можно объяснить только его 70-летним возрастом, который уже не мог выдержать такого напряжения и таких волнений, а, кроме того, как уже сказано, умственным банкротством того человека, на которого он слишком полагался.

П р и н ц Л у и П р у с с к и й. Это был прусский Алкивиад. Некоторая распущенность нравов не дала возможности вполне созреть его разуму. Словно перворoдный сын Марса, он обладал не-

истощимым богатством отваги и смелой решимости; и подобно тому, как владельцы майоратов, гордые своим богатством, пренебрегают всем остальным, так и он мало сделал для получения серьезного образования и для развития своего ума. Французы называли его «храбрый вояка»; если они хотели выразить этим, что он был безрассудным сорви-головой, то это суждение было очень ошибочным. Его мужество было не тупым равнодушием к жизни, а истинной жаждой величия, подлинным героизмом. Он любил жизнь и даже слишком наслаждался ею, но и опасность была для него жизненной потребностью. Она была подругой его юности; если он не находил ее на войне, он искал ее на охоте, на больших реках, в скачках на бешеных лошадях и т. п. Он был в высшей степени умен, утонченно воспитан, остроумен, начитан, обладал разнообразными талантами, между прочим и в музыке, так как он мог считаться виртуозом на фортепиано.

Ему было около 30 лет; он был высок ростом, строен, хорошо сложен, имел тонкие и благородные черты лица, высокий лоб, чуть с горбинкой нос, маленькие голубые глаза с дерзким взглядом, хороший цвет лица, белокурые курчавые волосы. У него были благородные манеры, твердая походка и привычка так выпячивать грудь и носить голову, которая показывала, что в нем ровно столько гордости и уверенности в себе, сколько подобает иметь принцу и необузданному вояке.

Рожденный с такими превосходными качествами и в таком высоком положении, он безусловно должен был бы сделаться большим полководцем, если бы продолжительная война воспитала его для этой роли или если бы большая серьезность характера, менее беспечная беззаботность в мирное время позволили ему более глубоко задуматься над крупными жизненными явлениями и изучать их. В отличие от большинства личностей, которых нам приходится описывать здесь, ему не остались неизвестными новейшие явления в области военного дела и государственного управления; он не цеплялся в слепой вере за убеждение, будто прусский дух неизбежно стоит превыше всего и что ничто не может устоять перед прусской тактикой. Великие мировые события живо занимали его, новые идеи и явления, которые впитывались его подвижным умом, бродили у него в голове; он насмехался над мелочностью и педантичностью, с которыми хотели творить великие дела; он искал общения с самыми выдающимися умами во всех областях, но... в его жизни не оставалось ни одного свободного часа на серьезное, спо-

койное, самостоятельное размышление, а следовательно, в нем не было собственной крепкой, здравой мысли, не было твердого убеждения, ведущего к последовательным действиям. Общение с выдающимися умами скорее вредило ему, чем приносило пользу, так как он поверхностно заимствовал их идеи и питал ими свой ум, не создавая ни одной собственной идеи. При этом преобладавшее в нем чувство — мужество — придавало ему ложную уверенность. Поэтому-то он и о войне, как и о других вещах, не имел ясного представления; приемы, которыми следовало вести ее в данное время, все же оставались ему чуждыми, и он, когда ему пришлось действовать, в конце концов не сумел сделать на Заале ничего лучшего, чем то, чему он научился на плацах в Берлине, Потсдаме и Магдебурге. При этом, как и можно было ожидать, он слишком переоценил влияние своего личного мужества; он захотел невозможного. Он был сломлен железной необходимостью, так как хотел противиться ей не рассудком, а только сердцем. Он нашел здесь свою смерть, так как, подобно Тальботу *, он не хотел уступить ни пяди земли, служившей полем сражения, как тот, не пожелал оставить свой щит,— и это является последним и неопровержимым доказательством справедливости его притязаний на славу и величие.

Еще во время революционных войн принц Луи, хотя ему едва исполнилось 20 лет, в чине генерала отличился, сражаясь во главе бригады, и если в то время он не достиг гораздо большего, то это объясняется только осторожной системой ведения войны Дауном и Ласси ** и обывательской манерой, с которой велись все прочие дела. Если бы сумели искусно использовать природные способности этого молодого льва, то еще тогда государство извлекло бы из них величайшую пользу, и тех трех лет было бы совершенно достаточно, чтобы заложить хорошее прочное основание для всей последующей жизни этого принца.

Молодой, красивый генерал, принц, племянник Фридриха Великого, отличавшийся отчаянной смелостью в опасности и необузданностью в жизненных наслаждениях, он вскоре стал кумиром солдат и молодых офицеров, но старые осторожные господа в длиннополых камзолах с сомнением покачивали головами над столь юным начальником и полагали, что от этих ярких способностей

* Английский военачальник и политический деятель, убитый под Кастильоном в 1453 г. — *Прим. перев.*

** Австрийские фельдмаршалы. — *Прим. перев.*

нельзя ожидать ничего путного, пока они подобающим образом не подчинятся всей мелочной формалистике строевой службы. Во Франкфурте принц постарался вознаградить себя за педантичность, в плену которой его пытались удержать в армии, и его энергия нашла себе выход за игорным столом и в усиленной погоне за светскими развлечениями.

После войны он в чине генерал-лейтенанта стоял со своим полком в Магдебурге, не занимая никакой другой командной должности и не имея других занятий. Он имел все права на должность инспектора пехоты, он мог бы с большим успехом стоять во главе инспекции конницы, так как он был одним из самых отважных кавалеристов королевства, — но все это не соответствовало бы духу бюрократизма. Такому распутному и легкомысленному молодому принцу нельзя было ничего доверить, даже того довольно отдаленного надзора, который генерал-инспектор осуществлял над своими полками. Правда, во время войны ему вверили было бригаду, то есть жизнь нескольких тысяч человек, но при этом предполагалось, что во время сражения он просто будет послушно исполнять распоряжения своего начальника. Сделать его вдруг кавалеристом было бы чем-то еще более необычным, и, таким образом, в королевстве прусском не нашлось возможности так или иначе использовать или занять столь выдающегося молодого принца.

Итак, он продолжал вести веселый образ жизни, делал большие долги, растрачивал свои силы на одни только наслаждения, вращался при этом не в самом лучшем обществе и, однако, несмотря на все, не опустился, а, как хороший пловец, держал голову высоко и мыслями пребывал всегда в высоких сферах, так как его всегда привлекали важные дела государства и отечества, и он жаждал славы и почета. С самого начала XIX века Франция стала дерзко давать чувствовать свое превосходство всем прочим европейским державам, а в Пруссии также начали понимать, что политическую роль, которую играло правительство с Базельского мира, нельзя назвать ни очень почетной, ни очень умной и осторожной. Это мнение укреплялось с каждым годом и достигло своего апогея в 1806 году, когда австрийцы объявили Франции войну. Правда, и в Пруссии раздавались разные голоса; принц Луи принадлежал к тем, которые считали борьбу с Францией неизбежной и полагали, что разумнее начать эту борьбу раньше, чем позже. Его чувство чести как прусского принца и племянника Фридриха

Великого, его необузданное мужество, даже его беспечное легкомыслие должны были толкать его в этом направлении.

Если более спокойные люди с более серьезным характером и более глубоким мышлением держались того же мнения отчасти по более разумным соображениям, то это не помешало им заключить с ним тесный союз, и таким образом он оказался до известной степени во главе той партии, которая считала войну с Францией самой насущной необходимостью.

Когда в 1805 году французы при своем движении против Австрии с пренебрежением нарушили прусскую территорию в Франконии, это настроение дошло до экзальтации. Принц Луи усердно действовал в этом направлении, правда, без определенного плана, и результатом было только то, что он стал неудобен для правительства. Король и без того не особенно его долюбливал. Серьезному по характеру королю претила распущенность нравов; он также приписывал принцу необузданное честолюбие, которое, естественно, всегда внушает королям известное подозрение, а блестящие способности казались склонному к сомнению королю недостаточно солидными. Главным результатом единства взглядов самых выдающихся людей столицы был сам по себе незначительный, но неслыханный в истории Пруссии взрыв. По общему мнению, нерешительной политикой Пруссия была обязана исключительно министру Гаугвицу и кабинетным советникам Бейме и Ломбарду. Поэтому принц Луи и его политические единомышленники решили представить королю политическую записку, которая побудила бы его удалить этих трех людей и высказаться против Франции. При этом, как всегда бывает в таких случаях, расчет был построен на том, что не столько обоснования, сколько подписи влиятельных лиц побудят короля сменить свое министерство и изменить свою политику, если вообще можно так назвать то и другое. Записка была составлена знаменитым историком Иоганнесом фон-Мюллер, находившемся в близких отношениях с принцем Луи, и подписана братьями короля принцами Генрихом и Вильгельмом, зятем короля принцем Оранским, принцем Луи, его братом принцем Августом, генералом Рюхелем, который впрочем находился не в Берлине, а в армии, генералом графом Шметтау, министром бароном фон-Штейн и полковниками Пфулем и Шарнгорстом. Как и следовало ожидать, король очень рассердился на эту записку, основательно выбранил некоторых из подписавших ее, немедленно отправил принцев в армию и оставил записку без ответа. Этот

случай не способствовал усилению расположения короля к принцу Луи. Последний немедленно выехал в армию и принял командование над авангардом армии, находившейся под командованием князя Гогенлоэ и пребывавшей в Силезии.

Генерал-лейтенант граф фон-Шметтау. Он приобрел известность превосходной топографической работой — картой Мекленбурга, но еще более очень смелой критической историей кампании 1778 года; вместе с тем он навлек на себя немилость Фридриха II. Это побудило его выйти в отставку, и с тех пор он как состоятельный человек жил в Берлине и был ближайшим товарищем принца Фердинанда, брата Фридриха Великого. Он в течение долгого времени был адъютантом у этого принца. Так как ему было всего лет 60, что в то время можно было назвать молодым возрастом для генерала прусской армии, и был физически крепок и бодр, то в конце концов ему, как большинству людей в его положении, надоело горделивое уединение, и он опять попросился на службу. Он был принят на службу с чином генерал-лейтенанта и в сражении под Ауэрштедтом командовал дивизией, во главе которой он был смертельно ранен. Он имел несколько старомодное образование, и хотя, вообще говоря, он как большой критик перерос когда-то идеи и обычаи своего времени, однако, он так прочно остановился в своем развитии, что для нового времени он оказался отсталым и был не особенно склонен признать это. Но это был ясный и определенный человек со спокойным, твердым, решительным характером, который мог еще быть отличным солдатом.

Генерал-лейтенант фон-Гойзау. Он был начальником Генерального штаба и инженерного корпуса, инспектором всех крепостей и главой военной коллегии. Это был 70-летний старик, о котором мы вспоминаем только из-за той должности, которую он занимал, не выполняя связанных с ней функций. Это был маленький, толстый, живой человек, прилежный, аккуратный, добросовестный работник, не без внутренней подвижности и по-старинному хорошо осведомленный (образованный), но совершенно неспособный проводить большую руководящую идею, задавленный грудами бумаг и при этом упрямый и вспыльчивый.

Генеральный штаб делился на отделы по трем театрам: восточному — Пруссии, центральному — Силезии и Польше и западному — Вестфалии; во главе этих отделов стояли три полковника — Пфуль, Массенбах и Шарнгорст — в качестве заместителей гене-

рал-квартирмейстера. Работа этих трех отделов заключалась в тренировке и подготовке состоявших при них офицеров, в изучении театров военных действий и в разработке соответствующих данным театрам оперативных планов. Последняя часть работы была чисто иллюзорной, так как не приводила ни к каким мероприятиям или выводам. Каждый из трех полковников работал по-своему. Пфуль разрабатывал весьма одностороннюю и недостаточную систему радиусов магазинного снабжения, в пределах которого и надо было вести операции. Массенбах придавал большое значение так называемому высшему учению о местности, то есть смеси из тактики, стратегии и геологии,— тому негодному материалу, на основе которого сложились кампании 1793 и 1794 годов. Шарнгорст заставлял своих офицеров изучать историю прежних кампаний, которые велись в данных районах.

На всю эту работу Генерального штаба старик Гойзау не обращал почти никакого внимания. Хотя он внешне был в приличных отношениях с тремя полковниками, однако, он не доверял ни одному из них и считал каждого врагом своего авторитета. Таким образом, его деятельность как начальника Генерального штаба была равна нулю.

В качестве начальника корпуса инженеров и инспектора крепостей он вел обычную административную работу, но при этом и не помышлял ни о каких чрезвычайных мероприятиях, которых требовали время и обстановка. Инженеры и коменданты крепостей были столь же дряхлыми, как и большинство самих крепостей. Магдебург и Штеттин едва ли можно было считать крепостями, способными к обороне, так как они сообразно старым предрассудкам были слишком велики и наполовину представляли собой развалины. Силезские крепости были вооружены только летом 1806 года; об Эрфурте совсем не подумали. Последующие события достаточно доказали, как плохо была обеспечена эта часть. В мирное время добросовестного, хотя и в высшей степени посредственного, управления было бы достаточно, чтобы кое-как, по-старинке, вести дело, но для чрезвычайных обстоятельств столь бурного периода этого было недостаточно.

Самую большую деятельность генерал Гойзау проявлял в качестве главы военной коллегии; ему пришлось четыре или пять раз мобилизовать и демобилизовать армию, то есть переводить ее с мирного положения на военное и обратно, а тут приходилось много считать, пересматривать и распоряжаться. Под этими горами

бумаг исчезли последние следы умственных способностей генерал-квартирмейстера и фактического военного министра.

Руководителями Генерального штаба были, как сказано выше, полковники Пфуль, Массенбах и Шарнгорст. Всем трем было за сорок, то есть они находились в расцвете сил и зрелости, все трое отличались от прочих офицеров армии своей образованностью, а еще больше оригинальностью своего ума. Все трое пользовались хорошей репутацией, но вследствие своеобразности своего ума и своих взглядов каждый из них имел свою школу и своих сторонников. Внешне они находились в довольно дружеских отношениях и фактически друг друга не ненавидели и не питали друг к другу мелочной зависти, но если присмотреться к ним поближе, то по складу ума, характеру, образованию и взглядам это были самые разные личности, каких только можно было найти в королевстве; отсюда неизбежно следовало, что они не могли итти одним путем и образовать одно целое.

Пфуль и Массенбах были вюртембержцами, то есть земляками; они были «на ты» и со времени революционных войн то сходились, то расходились. Шарнгорст, бывший, как известно, ганноверцем, лишь за несколько лет до того перешел, благодаря герцогу Брауншвейгскому, на прусскую службу, сначала в артиллерию и только с 1804 года в Генеральный штаб. Пфуль считался гением, несколько капризным и неподатливым, но с большой силой характера. Массенбах блистал своей ученостью и со времен революционных войн создал себе положительную репутацию своей неутомимой и непрошенной деятельностью, выражавшейся в писании статей и служебных записок, с которыми он всем навязывался. Шарнгорст был очень известен как писатель-теоретик, но в остальном считался еще чужим человеком. У тех, кто не был его слушателем в военной школе, он слыл скорее за очень образованного и медлительного педанта, чем за выдающегося солдата. Пфуль и Шарнгорст решительно стояли за войну с Францией, Массенбах столь же решительно — за союз с этим государством.

Мы рисуем здесь этих трех людей теми общими красками, в которых они в то время представлялись общественному мнению и правительству, чтобы показать, в каком моральном положении они находились, так как в конце концов оказалось, что это общее мнение о всех трех было в корне ошибочным. Так как в дальнейшем нам придется еще вернуться к Шарнгорсту и Пфулю в связи с

более важными обстоятельствами, то мы оставляем подробную характеристику этих двух людей до другого раза.

Правда, во время кампании 1806 года первый был генерал-квартирмейстером герцога Брауншвейгского, то есть всей армии, но он чувствовал себя еще слишком чужим, и из всех высоких и мелких чинов коллектива главной квартиры никто, за исключением герцога Брауншвейгского, не питал к нему того доверия, которое здесь требовалось. Поэтому и влияние его следует считать очень второстепенным и незначительным. Вот почему мы ограничимся здесь более подробной характеристикой одного только полковника Массенбаха, так как в этой кампании он сыграл свою роль и при этом заставил много говорить о себе.

Массенбах, приземистый, небольшого роста, с полным, круглым лицом, высоким, значительным, блестящим лбом, лысым черепом, маленькими широко раскрытыми сверкающими глазами и свежим цветом лица, с первого взгляда проявлял себя энтузиастом, у которого доминирующую роль играют настроение и воображение. Такие люди никогда не лишены восприимчивого и творческого разума, который всегда проявляется в них ослепительным образом, но им недостает такта, рассудительности и здравых идей. Так обстояло дело и с Массенбахом.

Худшее в таких людях то, что их внутреннее неспокойствие побуждает их к самой широкой деятельности, превосходящей силы их разума. При этом они стремятся увлечь за собой других, а если это им не удается и если, кроме того, они терпят неудачу из-за сделанных ими же самими ошибок, то они озлобляются; они не остаются добродушными и благородными, что вначале подкупало нас в них, а начинают ненавидеть так же страстно, как раньше любили, и, сами того не зная, грешат против истины, верности и веры. В энтузиасте мы никогда не найдем последовательности и устойчивости взглядов, а в минуту большой опасности — спокойствия и самостоятельности; для всего этого требуется разумная предусмотрительность или же мечтательность, исключающая всякий разум *. Таким именно и был полковник Массенбах в тече-

* То, что сказано здесь об энтузиастах, относится безусловно только к тому типу людей, которым дают этот эпитет в обыденной жизни. Этим мы отнюдь не хотим выразить презрения к тому энтузиазму, который в груди темпераментного человека выращивает чувство, испытываемое им к одному единственному объекту; еще менее допустимо смешивать с энтузиастом такого углубленного в себя мечтателя, который во всех отношениях представляет собой полную противоположность первому. — *Прим. автора.*

ние всей своей карьеры. Во время революционных войн он, хотя ему было уже за тридцать лет, был проникнут юношеским и трогательным энтузиазмом по отношению к герцогу Брауншвейгскому, к Пруссии, которая не была его отечеством, к делу государей, к делу Германии. Базельский мир разом настроил его на другой лад, и после того, как он в течение некоторого времени играл роль Макиавелли и видел славу Пруссии в том, чтобы она совершенно внезапно заключила союз с государством, с которым она только что воевала, при этом союз против тех государств, которые оставили ее в беде,— после этого короткого периода карьера Бонапарта пробуждает в нем новый порыв энтузиазма, и он не находит для Пруссии ничего более славного и мудрого, как то, чтобы она целиком вручила свою судьбу этому герою и превратилась в сатрапию его империи. Это нельзя назвать ни бесхитростным, ни даже понятным. И в своих частных делах он далеко не всегда проявляет благородные чувства, которые так охотно приписывает себе всякий энтузиаст. Еще в 1797 году он хлопочет о пожаловании ему имения в Южной Пруссии, а получив его, входит с нескромным, по его собственному выражению, ходатайством о новом пожаловании. Затем, когда он пал вследствие своих собственных ошибок и погубил свою карьеру и свое доброе имя, он стал еще озлобленнее и ядовитее, и тогда появились его мемуары. При этом оказалось, что он с давних пор имел привычку немедленно все записывать, даже самые доверительные беседы с людьми, с которыми он обязан был бы очень считаться и которые ставили обязательным условием, чтобы никто никогда ничего не узнал об этих беседах. Это большая неделикатность, характеризующая его с самой худшей стороны; но она проявлялась еще в его молодости, в самые счастливые годы его карьеры.

Он с отличием служил во время непродолжительной кампании против мятежных голландцев в 1787 году и был ранен в кисть руки. Во время революционной войны он был майором и сделался квартирмейстером корпуса Гогенлоэ. И в эту войну он отличился своей энергией, пылом, усердием и научным взглядом на ведение войны. Однако, в последнем уже тогда проявлялась вредная тенденция придавать чрезмерное значение местности, географическим условиям, вообще пространственным отношениям и совершенно упускать из виду вооруженные силы, а также бой и его последствия; однако, все, что он в то время писал о событиях во время революционной войны, глубоко продумано и должно быть постав-

лено выше того, что в действительности происходило на войне, а тем более выше тактической школы Зальдерна. Еще во время войны он часто пытался побудить герцога Брауншвейгского, который отличал и любил его, на тот или иной шаг и охотно увлек бы его за собой, но не так-то легко было сдвинуть с места хитрого, опытного 60-летнего старика. После войны Массенбах направил всю свою деятельность на то, чтобы проводить в своем духе дела, не входящие в круг его обязанностей. Конечно, само по себе это не заслуживает порицания, так как, наоборот, если человек делает только то, за что ему платят, то это является верным признаком обывательщины. Однако, то, чего хотел Массенбах, было зачастую непрактичным и нередко дерзким по существу и по форме. Он забросал герцога Брауншвейгского и приближенных короля бесчисленным множеством политических записок, которые редко вполне соответствовали действительному положению дел, были полны необычайных идей и в большинстве случаев были направлены против Австрии и России в интересах Франции. Беспокойный характер Массенбаха день и ночь побуждал его к подобным выступлениям. В военном отношении его больше всего касалась и больше всего занимала новая организация Генерального штаба, которая и была проведена в 1803 году; однако, при этом не осуществили одной из любимых идей Массенбаха, заключавшейся в том, чтобы образовать из генерал-квартирмейстера и его трех заместителей комитет, который занимал бы при короле положение министерства и не только ведал бы важнейшими военными делами армии, но должен был бы участвовать и в политических делах государства.

Началась кампания 1806 года, и Массенбах стал квартирмейстером у князя Гогенлоэ. И во время этой короткой кампании Массенбах не смог подавить в себе стремления вовлекать других в круг своих идей, что в значительной мере увеличило нерешительность и смущение командования отдельной армии.

Что же касается деятельности, связанной с занимаемой им должностью, то Массенбах оказался менее дельным и пригодным, чем от него можно было ожидать. Его постоянная эксцентрическая деятельность лишила его спокойной рассудительности, вдумчивости, столь необходимой солдату, и неожиданным образом выявила беспорядочность его идей, слабость его головы.

Генерал от инфантерии фон-Клейст. К сожалению, он приобрел известность капитуляцией Магдебурга, а заслуживал бы того, чтобы приобрести лучшую славу.

Он еще молодым человеком с отличием служил во время Семилетней войны и был весь покрыт ранами. Во время революционной войны он принадлежал к самым молодым и бодрым генералам, и поэтому на его бригаду в большинстве случаев возлагали самостоятельные задачи. Он обладал гибким умом, не был лишен образования, был крепким, дельным солдатом, в бою отличался удивительным спокойствием; но он был также ловким светским человеком и большим политиком. К концу 12-летнего периода мирного времени ему было уже далеко за семьдесят; он был физически слаб и немощен, и в нем доминировала последняя черта его характера (политичность); сдавая Магдебург, он только считал, что проводит разумную политику. Находившиеся при нем бестолковый трусливый комендант и легкомысленный инвалид, генерал-лейтенант, конечно, не могли отговорить его от этого шага. В довершение всего король, проезжая через Магдебург после сражения, вместо того, чтобы воодушевить и подбодрить его, проронил несколько слов об уступчивости и необходимости считаться с обстоятельствами; слова эти упали на плодородную почву. Поэтому, доискиваясь истины, нельзя в данном случае говорить о трусости или предательстве.

То, что этот ветеран был и в 1806 году остался военным губернатором Магдебурга, никому нельзя поставить в упрек. Хотя он был стар и немощен, однако, во всей его личности сказывался характер энергичного солдата и рассудительного генерала, а вся его карьера по тогдашним масштабам могла считаться блестящей; поэтому было вполне естественно ожидать от него, по крайней мере, того, чего требовали воинская честь и воинские приличия. Но то обстоятельство, что королевский генерал-адъютант полковник Клейст назначил комендантом этой важнейшей крепости прусского королевства своего зятя только потому, что это было хорошее место, хотя во время революционной войны этот человек был приговорен военным судом к заключению в крепости за отсутствие основных военных качеств,— является яркой чертой слабости государственного и военного управления, характерной для Пруссии того времени. Генерал Клейст был небольшого роста, сгорбленный, но отличался воинственным и благородным выражением лица. Он был у нас одной из лучших военных фигур тогдашнего времени.

Генерал-лейтенант граф Вартенслебен. Он был старшим в чине из 19 оставшихся в Магдебурге генералов, которым вместе было 1300 лет. При благоприятных обстоятельствах,

он, вероятно, дрался бы храбро и, быть может, даже выделялся бы среди других предприимчивостью, но не во времена великих бедствий, когда государство разваливается и когда нужен крепкий разум или здоровое мужество, чтобы пойти на опасность быть погребенным под развалинами.

Генерал фон-Граверт. Он сделался бы прусским Ласси, если бы ему предоставили соответствующее поле деятельности. Отличительными чертами его характера были холодный, расчетливый, осторожный ум, большая невозмутимость и спокойствие, а также большая твердость, но в нем абсолютно отсутствовала всякая теплота чувства, воображение и предприимчивость, и поэтому указанные качества могли дать только отрицательные результаты. Он был большим знатоком местности, всегда много и охотно занимался этим вопросом, и поэтому нет ничего удивительного в том, что он принадлежал к выдающимся апостолам новой, возникшей в середине XVIII века школы военного искусства, которая до известной степени привязывала армию к местности. Батальон обороняет гору, гора защищает батальон. Высший, так сказать, взгляд на значение местности, отлично разработанный в то время в прусской армии, внес в эти приемы ведения войны научный принцип, придававший им какую-то одухотворенность. Это подкупило немало умных людей, и фактор местности и пространства получил настолько преобладающее значение, что речь шла всегда о позициях, дорогах, флангах, тыле, коммуникациях, а не о численности вооруженных сил.

Кампания 1792 года не велась этими приемами, так как все предприятие носило иной характер, и армией в сущности командовал не столько герцог Брауншвейгский, сколько Фридрих Вильгельм II; поэтому полковник Граверт, бывший самым старшим офицером Генерального штаба и фактически генерал-квартирмейстером (номинально им был генерал-майор Пфау), не смог провести свои взгляды. Весьма вероятно, что он был главной причиной того, почему под Вальми герцог не решился на наступление, против которого определенно высказывался Граверт.

Но кампании 1793 и 1794 годов, в которых стремились благовидно пребывать в бездействии, вполне соответствовали талантам Граверта, тем более что прусская позиция проходила наискось через цепь Вогез; таким образом, в обеих этих кампаниях прусская армия применяла систему постов и кордонов в крайней ее форме. Если она не понесла за это более тяжкого наказания, то

этим она обязана низким качествам армий, действовавших против нее.

Граверта не назначили генерал-квартирмейстером армии, вероятно, потому, что генерал-адъютанты боялись, как бы он не приобрел слишком большого влияния и не стал им поперек дороги; поэтому в 1806 году он был шефом пехотного полка, хотя и был уже произведен в генерал-лейтенанты. В сражении под Иеной он командовал дивизией и провел с нею главный бой всего сражения — бой под селением Фирценгейлиген. При этом он показал, что в области непосредственного использования войск и вождения их в бою он стоял не на более высокой точке зрения, чем князь Гогенлоэ. В конце концов все у него сводилось к развертыванию, наступлению линейными эшелонами, атаке перекатами вдоль фронта целыми батальонами.

В 1812 году император Наполеон просил назначить его командующим прусским контингентом, так как было известно, что он давно уже держится того взгляда, что Пруссия должна примкнуть к Франции. Генерал Шарнгорст, который в то время еще пользовался влиянием, опасался, что Граверт слишком безоговорочно перейдет на сторону французов, и настоял на том, чтобы на следующую по старшинству должность был назначен генерал Иорк. Во время похода Граверт захворал, и командование прусским контингентом перешло к Иорку.

Граф Гаугвиц. Маленький человек лет сорока, с приветливым лицом и приятными манерами, но с выражением поверхностности, легкомыслия и фальши, настолько скрадываемыми светским образованием и спокойными движениями, что в них не было ничего карикатурного,— такова была наружность графа Гаугвица, таковым же было его внутреннее содержание.

В молодости богатый граф путем учения и путешествия приобрел не совсем обычное образование и большую внешнюю ловкость. При этом временное увлечение герренгутовским ханжеством доставило ему некоторую репутацию превосходства, которую такие люди приобретают без особого труда. В Италии он близко познакомился с великим герцогом Тосканским, и это послужило поводом к тому, что в 1792 году, когда этот государь занял германский императорский престол, граф был назначен посланником в Вену. Он поставил условием, чтобы ему было разрешено служить без жалованья, и это является доказательством одновременно его легкомыслия и его лицемерия, так как он был скорее расточителем, чем стоиком,

и не был достаточно богат, чтобы довести свое великодушие до конца. Впоследствии он возместил себе эту жертву, выпросив себе пожалование имений в Польше, так же как за жертвы, которые он принес ханжеству в смысле отказа от жизненных наслаждений, он постарался вознаградить себя отнюдь не высоконравственным образом жизни.

В 1793 году Фридрих Вильгельм II призвал его к себе. Его приветливые манеры, его спокойная ловкость, та легкость, с которой он вел дела, вскоре завоевали ему большое расположение короля. Граф Херцберг, недовольный, уже ушел в отставку. Граф Финкенштайн был старпком, который и без того уже давно не играл больше первенствующей роли, а граф Альвенслебен играл еще меньшую роль; поэтому граф Гаугвиц, которого король назначил министром на место Херцберга *, вскоре стал доверенным лицом и с этих пор руководил иностранными делами. Утверждают, что он подал голос против Базельского мира и за присоединение ко второй коалиции (1799 год); однако, это мнение было во всяком случае высказано им очень поверхностно, быть может, только для соблюдения приличий. По крайней мере те, кто утверждает это, должны еще доказать, что в прусском кабинете были люди, пользовавшиеся достаточным влиянием, чтобы одержать верх над графом Гаугвицем в этом вопросе, больше всего входившем в его компетенцию. Политика Пруссии, начиная с Базельского мира и до постигшей ее катастрофы, носит характер слабости, нерешительности, беспечности, а в ряде моментов и недостойной изворотливости — черт, глубоко укоренившихся в характере графа Гаугвица. Если он действительно не только видел опасность, которая грозила Европе со стороны Франции, но и боялся ее, то та беспечность, с которой он предоставил событиям развиваться своим естественным ходом, является только лишним доказательством его легкомыслия. Если за свою политическую карьеру граф Гаугвиц и встречал какое-нибудь сопротивление, то оно вытекало из характера и умонастроений обоих государей, которым он служил. Граф Гаугвиц был таким человеком, который готов был окончательно примкнуть к Франции и превратить Пруссию в французскую сатрапию; но против этого слишком восставала вся натура Фридриха Вильгельма II и Фридриха Вильгельма III. Граф Гаугвиц принад-

---

* Между ними в течение короткого времени министром был граф Шуленбург-Кеперт, который, однако, сдал портфель. — *Прим. автора.*

лежал к близким друзьям графини Лихтенау (фаворитки короля Фридриха Вильгельма II), из рук которой он получил орден Черного орла. Поэтому с полным основанием предполагали, что Фридрих Вильгельм III немедленно удалит его; но возможно, что на этом посту для короля было особенно ценно иметь человека, отличавшегося такой спокойной изворотливостью и гибкостью, как граф Гаугвиц; кроме того, может быть, его поддержал и старый Кекриц, которого он сумел особенно расположить к себе.

В 1804 году он передал портфель барону Гарденбергу, повидимому, потому, что другие державы слишком не доверяли ему, однако, в качестве кабинетного министра он продолжал оставаться близким к иностранным делам, и поэтому в 1805 году его выбрал король для передачи французскому императору заявления, обусловленного Потсдамской конвенцией с Россией от 3 ноября. Своим поведением при этом поручении он увенчал свое дело. Мы скажем об этом поподробнее в наших примечаниях к мемуарам господина Ломбарда.

Кабинетный советник Ломбард. Он вышел из французской колонии и был незнатного происхождения. Отец его был парикмахером. Впоследствии он женился на дочери полкового хирурга, которые, как известно, обычно начинали с бритья свою карьеру в прусской армии в должности ротных хирургов.

Молодым человеком он выделялся своими способностями во французском колледже, и в последние годы царствования Фридриха Великого ему удалось занять при последнем подчиненную должность личного секретаря. Затем он выдвинулся как блестящий ум своей благообразной, привлекательной наружностью и приятными светскими манерами, а после смерти Фридриха Великого попал в милость у графини Лихтенау, благодаря чему, еще не достигши 30-летнего возраста, был назначен на должность кабинетного советника по иностранным делам. Он сам говорит, что ему трудно было удержаться, когда бразды правления принял Фридрих Вильгельм III, однако, это удалось ему благодаря тому, что он прочно примкнул к графу Гаугвицу. Его образование было направлено скорее на развитие остроумия, чем на основательное знание истории; между тем даже последнее является лишь основой, на которой вырабатывается государственный деятель.

Разностороннее знание государств и отношений между ними, тренировка ума с помощью изучения важных жизненных явлений, ясное воззрение на войну и переговоры о мире, знание важней-

ших действующих лиц на большой сцене политического мира, уверенность убеждения, твердость решения — откуда мог приобрести все это молодой гимназист? Разве он мог научиться всему этому в приемной у графини Лихтенау? Правда, кабинетный советник по иностранным делам имел меньшее значение, чем советник по внутренним делам, так как министр иностранных дел лично докладывал важнейшие дела королю. По роду своих занятий такой кабинетный советник был в сущности не больше, чем простым секретарем. А для такой должности талантов и качеств Ломбарда, вероятно, оказалось бы достаточно. Однако, если подумать о том, что значит стоять между королем и его министерством, иметь право и постоянную возможность высказывать свое мнение, то, конечно, нельзя стать на ту точку зрения, что такой человек никогда не будет иметь влияния, совершенно независимо от того, является ли он противником министра или действует с ним заодно. Но если кабинетный советник оказывал влияние на дух кабинета, то следует спросить себя, каков же был дух кабинетного советника.

Ломбард был не честолюбивым и предприимчивым, а изнеженным, вялым, болезненным, пресыщенным человеком, лучшими свойствами которого были изворотливость ума и французское остроумие. Он был достаточно умен, чтобы понимать превосходство сил Франции во всех отношениях, и достаточно ограничен, чтобы не верить в возможность сопротивления. Подчинение Франции так же соответствовало его ограниченным взглядам, внутренним ресурсам и слабому здоровью, как и его уму, питавшемуся французскими разговорами и французскими остротами. В его мемуарах нельзя не усмотреть, что в глубине души он был предан французским интересам. Он был недостаточно скрытным и целеустремленным, чтобы хорошо маскировать это, и люди, видевшие его, вскоре разгадывали его умонастроение по той насмешливой холодности, которую он, казалось, противопоставлял страстной ненависти к Франции; поэтому общественное мнение осудило его строже, чем всех других, и ненависть против него достигла такой остроты, что когда он во время бегства в Пруссию находился в Штеттине, собралась толпа народа и своими криками побудила находившуюся здесь же королеву приказать арестовать его. Конечно, он вскоре был освобожден по приказанию короля и немедленно вслед за этим в Кенигсберге подал в отставку.

Он вернулся в Берлин и там написал в 1808 году книжечку: «Материалы по истории 1805, 6 и 7 годов, посвящаемые пруссакам

их бывшим соотечественником», в которой он пытался оправдать политику прусского кабинета и вообще взять под защиту Пруссию, подвергавшуюся в то время бешеным нападкам со стороны всех журналистов.

В том же году он эмигрировал в Италию, где вскоре затем и умер.

Тайный кабинетный советник Бейме. Ему было 30 лет, и он был советником камерного суда, когда в 1799 году его избрали на должность тайного кабинетного советника по внутренним делам. Выделявшийся хорошим юридическим познанием и трудоспособностью, он считался человеком особенно большой справедливости и прямоты. Эти черты характера, может быть, и имелись у незаметного советника камерного суда, но достаточно ли было их для того, чтобы этот человек выделился в такой должности, как должность кабинетного советника? Здесь, хотя и в несколько необычном применении, вероятно, можно сказать: «Человек, блестящий на втором месте, часто пропадает, попав на первое». При дворе и в высокой сфере деятельности прямота подвергается большим опасностям, а честность, чтобы выделиться, должна пониматься в высшем смысле. Бейме, по словам его коллеги Ломбарда, принес в свою должность некоторую юридическую жесткость идей, которую он впрочем вскоре утратил. Вероятно, то же случилось с прямотой и принципиальной честностью, так как хотя Бейме всегда оставался вполне честным человеком, он, однако, все же в большинстве случаев плыл по ветру, знался с хорошими и дурными людьми, часто придерживался хитрой тактики и никогда не проявлял себя лучше и не ставил себя выше того, чего требовали обстоятельства момента.

Он был хорошим юристом, но не обладал никакими другими административными познаниями. Существовал обычай назначать кабинетных советников из советников камерного суда, и они обыкновенно сами продолжали свою бюрократическую подготовку, постепенно учась в процессе самой работы и осваивая ее. Правда, это был очень скверный способ, так как проходило немало времени, прежде чем кабинетный советник вполне осваивался с делами, и в конце концов он знакомился с ними в высшей степени эмпирическим и поверхностным образом. Так обстояло дело и с Бейме, который впрочем был достаточно умным человеком, чтобы быстро войти в курс. Не прошло много времени, как он, подобно своему предшественнику Менкену, сделался очень влиятельным кабинет-

ным министром. Он действовал в духе этого предшественника, стараясь выпятить либеральную сторону правительства и блистать этим.

Для крупной реорганизации и усовершенствования государственного аппарата у него совершенно отсутствовали идеи, и в общих делах управления он полностью подчинился графу Шуленбургу. Так же плохо он разбирался в политических делах и поэтому всегда разделял мнение графа Гаугвица и своего коллеги Ломбарда, который вообще имел на него известное влияние. В сущности иначе и не могло быть, если принять во внимание карьеру такого человека и занимаемую им должность и то, что он не отличался выдающимися способностями. Ими Бейме не обладал; он был только хорошим работником. Но он, конечно, был бы способен проявить известную энергию и силу характера, если бы положение его было иным и если бы он умел им пользоваться. В минуты величайших бедствий он всегда проявлял самую большую выдержку, а после Тильзитского мира он оказался энергичным деятелем возрождения и реорганизации, что было редкостью среди деловых людей старого времени. Важнейшим для него самого из его талантов было умение убедить короля в своей совершенно исключительной преданности его особе, чего он достигал, как говорят, своеобразной лестью, так как для обыкновенной лести Фридрих Вильгельм III был не очень доступен. Однако, этой благосклонности, которую король продолжал оказывать ему до конца, все же было недостаточно, чтобы помешать троекратному смещению Бейме с его поста. До 1807 года он был кабинетным советником; когда Штейн был вызван в Кенигсберг, чтобы стать премьер-министром, должности кабинетных советников были упразднены, и Бейме, побочного влияния которого, повидимому, опасался Штейн, пришлось совершенно удалиться от дел. Штейн был неправ, так как Бейме, очень способный к восприятию новых идей и не страдавший властным честолюбием, охотно подчинился бы во всех отношениях и оказал бы ему сильную поддержку у короля. Но Штейн отличался страстностью и питал в душе странную злобу против этого кабинетного советника.

Когда в 1808 году Штейну пришлось оставить прусскую службу, он уже сам изменил свое мнение и предложил пригласить Бейме на пост министра юстиции со званием гросс-канцлера.

Когда в 1810 году барон Гарденберг был сделан государственным секретарем, Бейме снова пришлось уйти, так как Гарденберг,

который в прежнее время вел с ним ожесточенную борьбу, поставил непременным условием его уход. После того как он во время войны несколько раз занимал пост гражданского губернатора, ему удалось в 1816 году после больших хлопот вновь вступить в министерство в качестве главы судебного ведомства Рейнской области. Добродушный князь Гарденберг дал уговорить себя создать эту должность специально для Бейме. Однако, радость была непродолжительной. В 1818 году Бейме дал соблазнить себя и вместе с г-ном фон-Гумбольдт, который в то время разделял руководство министерством внутренних дел с Шукманом, и с военным министром Бойеном образовал своего рода оппозицию против начавшегося нового государственного устройства, вследствие чего в 1819 году был уволен в отставку без прошения, тогда как Гумбольдт и Бойен сами потребовали отставки.

Из этого постоянного плавания по чужому курсу уже видно, что ни взгляды, ни сила характера Бейме не могут считаться выдающимися. Он раза два женился на деньгах, принимал от короля крупные подарки, дешево покупал имения, а после своего последнего унизительного увольнения не отказался от крупной пенсии, хотя прежнюю свою пенсию обменял на дотацию; таким образом, он с божьей помощью стал богатым человеком, которому недоставало только патента на дворянство, но и это он выхлопотал себе в 1816 году. Все это свидетельствует по меньшей мере о не очень большой строгости принципов.

Наружность Бейме также не давала повода быть о нем высокого мнения. Пара больших черных на выкате глаз были единственной характерной чертой его наружности и составляла странный контраст с его маленькой, полной, кривоногой фигурой. И даже в глазах сквозило какое-то искательство королевской милости. В его разговоре также не было никакого благородства, и его манера выражаться была вполне заурядной, хотя вообще он обладал способностью говорить последовательно и связно, чем выделялся в государственном совете перед своей последней отставкой.

ГЛАВА III
ПРИЧИНЫ И ПОДГОТОВКА ВОЙНЫ

При Фридрихе Великом Пруссия начала занимать место среди держав первого ранга, между тем как площадь ее территории и численность населения едва составляли четверть площади и населения каждого из этих государств. Слава Фридриха как полководца, мудрость и хозяйственность его правления, сила и подготовленность его армии — таковы в сущности были те величины, которыми он оперировал. Однако, чтобы удержаться в этом искусственно созданном положении, необходима была хитрая и искусная политика. «Великий курфюрст» * был таким человеком, и можно сказать, что своим величием Пруссия обязана такой политике. Но такая политика, которая охотно ловит рыбку в мутной воде,— вещь опасная, и она возможна только в том случае, если с ней сочетаются большая решимость и сила. Не боясь нас, люди никогда не позволяют нам безнаказанно перехитрить их.

После смерти Фридриха эти моральные факторы постепенно исчезли; в конце концов не осталось ничего, кроме ореола армии, отличающейся всеми воинскими доблестями. Если задать себе вопрос, что же должно было заменить собой ту хитрую, изменчивую политику, которую могут с успехом проводить лишь энергия и талант предприимчивых государей, чтобы удержать Пруссию на достигнутой ею высоте и до известной степени превратить ее искусственное положение в естественное, то можно сказать, что это будут большая бережливость и строгость в управлении, неослабное

* Фридрих Вильгельм, курфюрст Бранденбургский (1620—1688). — *Ред.*

внимание и напряжение в отношении к вооруженным силам, а во внешней политике открытый, честный и энергичный образ действий, всегда показывающий, что мы не боимся опасностей, среди которых мы выросли.

При населении в 10 миллионов жителей Пруссия была уже слишком велика, чтобы при такой внутренней и внешней политике естественным путем не выбиться из ряда второклассных государств. Это облегчалось еще тем, что ревность и зависть к ней были отвлечены великой опасностью, грозившей с запада.

Фридрих Вильгельм II обладал добродушным характером и был рыцарским государем; для него открытая, свободная от ухищрений политика была естественной; однако, его кабинет не смог возвыситься до такой политики, так как это вообще трудно для кабинета. Вследствие этого исчезли энергия и разумная ловкость, исчезли с ними последовательность и единство. В 1787 году совершили смелый поход в Голландию, чтобы образумить мятежников. Это удалось сделать. В 1790 году тайно поддержали мятежников против Австрии; в 1792 году хотели подавить французских мятежников, как в 1787 году подавили голландских. Фридрих Вильгельм предпринял этот поход в совершенно рыцарском духе. Кабинет и герцог Брауншвейгский мыслили уже политичнее и оставили дома бодрое мужество и смелую предприимчивость, которых требовало это предприятие. Фридрих Вильгельм не сам вел свои дела, он не мог обойтись без других и в 1793 году покинул свою армию, недовольный той ролью, которую он играл. При таком нерешительном образе действий война не могла питать войну и все бремя пало на прусские финансы, которые вскоре оказались истощенными. Король, конечно, не сумел найти выхода из положения, и с этих пор одержала верх та политика, которая всегда поворачивается спиной к опасности и думает только о выгодах данной минуты. Для хитрого обмана и последовательной фальши нехватало энергии. Заключили Базельский мир, предоставили другие государства их участи, время от времени льстили французским властителям, но вместе с тем не имели достаточно мужества, чтобы заключить с ними тесный союз. Все чувство чести короля и тех, которые вместе с ним грешили таким же образом, укрылось под защитой вооруженного нейтралитета для охраны Северной Германии, а вся хитрость кабинета сводилась к тому, чтобы обманывать короля и народ этой фикцией. Чем сильнее были удары, обрушивавшиеся на другие германские армии на всех театрах военных действий, тем

более чувствовали склонность считать принятый образ поведения мудрым. При этом прусское государство значительно увеличилось приобретениями в Польше и Германии, внутреннее благосостояние росло, и чем больше унижений испытывало австрийское оружие, тем ярче, казалось, блистала слава прусского оружия, так как оно оставалось нетронутым. Такова была точка зрения в Пруссии, таково было мнение невдумчивых людей отчасти даже вне Пруссии, а французы делали все возможное, чтобы восхвалить мудрость прусской системы. Но зато все больше исчезали доверие и уважение к Пруссии со стороны других правительств. Все прочие люди, которые умом и сердцем понимали значение этих великих событий, были либо глубоко оскорблены, либо сильно озлоблены поведением Пруссии. Конечно, прусский кабинет не мог вполне заблуждаться относительно опасности, в которой находилась Европа и которая грозила также прусскому государству. Однако, он боялся слишком глубоко запускать зонд в рану и быть вполне откровенным сам с собой; отчасти он полагал, что благодаря увеличению территории он в худшем случае все же сможет оказать сопротивление, отчасти же люди, стоявшие во главе Пруссии, рассуждали так: не всегда же бывает так плохо, как думают; короче говоря, чтобы не быть вынужденным предпринять опасные действия, он избегал слишком задумываться над этим и предоставлял события их естественному ходу. Так прошли последние годы царствования Фридриха Вильгельма II и первого его преемника. В 1799 году Пруссия получила от Англии, России и Австрии определенное приглашение примкнуть к новой коалиции. Герцог Брауншвейгский и министр фон-Гаугвиц высказались за войну, но против нее говорили связанная с ней явная опасность, неважные успехи в прошлом и огромное напряжение, которого война потребовала бы. Король колебался, а упомянутые два лица не только не старались увлечь его за собой, но, повидимому, высказались в указанном духе только ради общественного мнения; боязливость восторжествовала, и все осталось по-старому.

Так надвигался 1805 год. Совершенно очевидно, что такое государственное управление в наступившую бурную эпоху не обеспечивало надежной охраны высших государственных интересов. Хотя на первый взгляд это и не бросалось в глаза, но такое поведение по существу не представляло собой хорошего обеспечения славы, безопасности, силы и достоинства государства. Подобно лентяю, который только потребляет, ничего не приобретая, Пруссия влачила

свое существование и рассчитывала на какой-то выигрыш в лотерее судьбы. Все это заслуживало бы совершенно другого названия, если бы это длительное нежелание со стороны Пруссии применить силу было действительно использовано для накопления сил к решающему моменту.

Ни Кампо-Формийский, ни Люневильский, ни даже Пресбургский мир не сломили Австрию настолько, чтобы можно было ожидать, что она окончательно покорится без решительной борьбы. Она все еще была империей с 20 миллионами жителей. Россия была нетронута, Англия с каждым днем становилась все сильнее. Таким образом, можно было предвидеть, что Пруссия все же выберет момент, когда она своими силами сможет обеспечить перевес коалиции.

Если таково было намерение Пруссии, то требовалось проведение широких мероприятий, чтобы подготовиться к этой роли. Эти мероприятия заключались бы не в увеличении численности армии, для чего нехватало доходов, а в постепенном очищении армии от слишком старых офицеров и даже от слишком старых, усталых от жизни батраков — солдат, в накоплении больших запасов оружия, которых требует всякая война и которых безусловно не было; в вооружении крепостей, находившихся вблизи театра военных действий, в назначении лучших комендантов, в точном изучении вероятного театра войны и т. д. О новой организации армии я не буду говорить, так как в то время в прусской армии было слишком мало людей, которые понимали недостатки существующей организации. Но прусский кабинет очень туманно представлял себе роль, которую государству придется играть в течение ближайших 10 лет, и оставил все по-старому. Барон Гарденберг не имел еще определенной воли, был лишен твердости и еще не пользовался полнотой власти. Граф Гаугвиц был бессовестным человеком. С 1804 года он передал портфель иностранных дел барону Гарденбергу, так как Россия и союзные с ней державы не могли больше доверять ему, но все же оставался душой прусской политики, если только можно приписать ей наличие души. Граф Гаугвиц считался ревностным защитником французских интересов, и многие думали, что он продался Франции; имеется даже книга, написанная французским шпионом кавалером Меэ де ля Туш, в которой он прямо утверждает, что получал от французского правительства и расходовал на это крупные суммы. Но, повидимому, это — басни, и граф Гаугвиц действовал в интересах Франции только потому,

что обладал мелким, фальшивым умом, который видит опасность, но не находит средств, чтобы отразить ее. Он считал за глупость, что Пруссия во что бы то ни стало хотела продолжать играть свою роль независимой державы первого ранга, и не видел никакой беды в том, что она силой обстоятельств постепенно становится в зависимость от Франции. Его система заключалась в том, чтобы привести ее в это состояние без больших потрясений, которые могли бы стать опасными для государства и для него лично. Чтобы достичь этой цели, он пустил в ход единственные имевшиеся в его распоряжении внутренние ресурсы в виде хитроумных, обманчивых, двусмысленных уловок. Помощник государственного секретаря при Гаугвице кабинетный советник Ломбард был столь же легкомысленным, как его министр бессовестным, а, кроме того, был лицом безответственным. Герцог Брауншвейгский был преувеличенно осторожен. Король, не имевший еще опыта, доверия и уверенности в себе, предоставил решение другим. Он был слишком разумным и проницательным человеком, чтобы не чувствовать недостатков всей военной организации и не понимать, насколько она отстала от французской военной мощи, выросшей на победах; но он также видел все трудности полной реорганизации, а из окружавших его лиц никто не был способен помочь ему советом и делом.

Таким образом, и во время третьей коалиции против Франции, именно в 1805 году, решено было оставаться нейтральными, или, вернее, нейтралитет получился сам собой, так как не могли притти ни к какому решению.

Два обстоятельства показали Франции то пренебрежение, с которым другие относились к Пруссии. Третья коалиция между Австрией, Россией и Англией была подготовлена и заключена без того, чтобы берлинский кабинет удостоился какого-либо предложения, так как боялись, что он выдаст планы французам. Далее: когда державы были уже готовы двинуть свои войска, русская армия подошла к прусской границе, и русский император в кратком заявлении, привезенном в Берлин генералом Винценгероде, потребовал пропуска его войск через Силезию. Он хотел увлечь за собой Пруссию, так же как Австрия хотела увлечь за собой Баварию. Этим двойным унижением русский император вовсе не имел намерения обидеть короля и выказать ему пренебрежение, так как он уже несколько лет был в тесной дружбе с прусским королем; наоборот, он хотел сделать одолжение королю, избавляя его от не-

обходимости принимать самостоятельное решение и увлекая его в общем потоке. Но, с другой стороны, в этом слишком явно сказалось пренебрежительное отношение к прусскому кабинету, и, таким образом, это неудачное выступление не могло достигнуть цели. Пруссия высказала полную решимость воспрепятствовать проходу русских войск вооруженной силой; русские отказались от своего намерения.

Чтобы только не очутиться в положении, в котором пришлось бы оказать такое же сопротивление французам, кабинетный советник Бейме снова выдвинул идею объявления Франконских провинций нейтральными, то есть бесхозяйными, с разрешением прохода через них обеим сторонам. В пользу этого недостойного предложения говорило только то, что подобный порядок существовал с 1795 года. Но в то время Пруссия установила охранительный кордон, охватывавший всю Северную Германию, то есть кроме Пруссии и другие государства; таким образом, свободный проход через Франконские провинции Пруссии казался лишь слабым эквивалентом ее нейтралитета. При теперешних же условиях такое заявление, сделанное добровольно, было бы признанием не слабости, а определенной трусости по отношению к Франции. Гарденберг был против этого предложения и убедил короля, что такого унизительного разрешения нельзя давать ни в коем случае без определенных на то представлений со стороны воюющих держав; поэтому от него отказались.

В то время как таким образом были заняты сосредоточением войск для обороны восточной границы и втайне дрожали за южную границу, было получено известие о том, что французы под командованием Бернадота двигаются через Франконские земли, не запросив согласия Пруссии. Правда, на этот шаг непосредственно ответили только энергичным заявлением, сделанным министром Гарденбергом французской дипломатической миссии, и немедленным разрешением на проход русских через Силезию, но он имел и дальнейшее последствие, а именно новое сближение Пруссии с союзными дворами. Затем русский император сам приехал в Берлин и в личной беседе убедил короля решиться примкнуть к коалиции. В ноябре в Потсдаме была подписана конвенция, в которой король заявлял, что он присоединится к союзу против Франции, если нельзя будет сохранить мир на основе прежних мирных договоров. Пруссия хотела уже с оружием в руках сделать последнюю попытку в этом направлении перед Бонапартом. Граф Гауг-

виц должен был передать этот ультиматум французскому императору. При выборе этого лица отчасти сказалась та же нерешительность, которая привела и к предъявлению ультиматума; надеялись, что при таком выборе лица для ведения переговоров решительные выражения ультиматума произведут на французского императора не такое неприятное впечатление; отчасти же граф Гаугвиц сделал со своей стороны все, чтобы в этом деле навязать себя прусскому кабинету. Он задался целью во что бы то ни стало использовать этот случай, чтобы оказать Пруссии последнюю услугу в своем духе. Трактат был подписан 3 ноября, а граф Гаугвиц выехал 14-го. Он предвидел, что вскоре между обеими главными армиями произойдет новое, решительное сражение в Моравии, и не сомневался в том, что оно будет выиграно французами. Он надеялся, что этот удар будет нанесен до его прибытия в Вену, и под предлогом болезни ехал так долго, что прибыл в Вену только 26 ноября, пробыв, таким образом, в пути 14 дней. Но он все же приехал слишком рано и поэтому был вынужден иметь разговор с французским министром Талейраном еще до сражения. Это было плохо, так как он строил свой план на выигрыше французами сражения, что должно было вполне оправдать перед его двором полное нарушение им инструкций. Гаугвиц принял решение на собственный риск совершенно умолчать о возложенном на него поручении и завязать не имевшие значения переговоры о военных делах в Ганновере.

Если было больше, чем смелостью, если было наглостью умалчивать о поручении такого рода, то почти невозможно не подумать при этом, что Гаугвиц совершенно откровенно признался французскому министру о возложенном на него поручении, но вместе с тем высказал ему свое отрицательное отношение к этому поручению. 2 декабря произошло сражение под Аустерлицем. Гаугвиц поехал вслед за императором Наполеоном, имел с ним в Брюне несколько разговоров, а затем 15 декабря заключил в Вене известный трактат, по которому Пруссия гарантировала французам результаты еще не заключенного Пресбургского мира, уступала Ансбах, Нефшатель и Клеве с Везелем, а за это получала от Франции Ганновер на правах завоеванной провинции.

Гаугвиц не решился послать этот трактат в Берлин с курьером, так как он боялся, что окончательно провалится на этом деле; он решил сам привезти его, выехал 17-го и прибыл в Берлин 25-го, то есть опять не очень торопился.

Если принять во внимание, что Бонапарт знал о пребывании

русского императора в Берлине и о трактате от 3 ноября, а следовательно, при появлении Гаугвица в Вене легко мог угадать общую цель его миссии, то нельзя поверить, чтобы Бонапарт мог вообразить, будто Гаугвиц прислан для заключения с ним трактата о союзе.

Бонапарт был заинтересован в том, чтобы в данную минуту еще не порывать с Пруссией, так как это помешало бы мирным переговорам в Пресбурге и так как в следующем полугодии он был бы лучше вооружен для борьбы с Пруссией. Поэтому нетрудно понять, что он не показал вида, что знает об истинных замыслах прусского кабинета против него. Но трудно поверить, что он также притворялся и прикидывался простачком перед самим Гаугвицем. Повидимому, Гаугвиц откровенно сообщил ему об истинном характере возложенного на него поручения, но одновременно заявил, что он принял это поручение только для того, чтобы предотвратить этот безумный шаг. Блестящая победа императора давала ему самый удобный случай, и он обещает, если только Бонапарт хорошими условиями создаст ему эту возможность, снова стать главой берлинского кабинета и в дальнейшем удерживать короля от подобных выходок. Это настроение прусского министра только облегчило Бонапарту осуществление его намерения сдержать и обмануть Пруссию. Если стать на эту точку зрения, то приходится снова удивляться смелости Гаугвица, или, вернее, можно усмотреть в его поступке влияние расслабленного, не привыкшего к ясности, твердости и строгости правительства, замыслами которого мог позволить себе играть такой посредственный ум, как Гаугвиц. В Берлине по поводу поведения Гаугвица сначала поднялся большой шум, что было вполне естественно, так как его послали, чтобы объявить войну, а он вернулся с союзом. Никто не мог вообразить, что лицо, посланное для ведения переговоров, так произвольно будет действовать в совершенно противоположном направлении и до известной степени задним ходом толкнет свой кабинет на дело, против которого кабинет высказался лишь после долгих колебаний, а значит и без настоятельной необходимости. Никто не верил, чтобы в наши дни был возможен и выгоден такой макиавеллизм, на который в данном случае толкало прусское правительство. Никто не относился с таким пренебрежением к международному праву, чтобы нарушить его столь вопиющим образом, как оно должно было быть нарушено здесь по отношению к Англии.

Но негодование слабохарактерных людей всегда оказывается бессильным перед уловками холодной хитрости и злой решимости.

Гарденберг был возмущен, но на совете, который был созван по этому поводу, победил Гаугвиц, по крайней мере, постольку, поскольку трактат был принят с одним изменением, которое должно было нейтрализовать главный яд — измену по отношению к Англии. Обмен территориями должен был произойти только после заключения общего мира, то есть с одобрения Англии, а до тех пор Пруссия должна была оккупировать Ганновер войсками. При этих условиях Гарденберг не счел возможным сохранить портфель иностранных дел, передал его графу Гаугвицу, а сам сохранил только пост министра по делам Магдебурга, Хальберштадта и т. д. Гаугвиц был, по крайней мере, до известной степени наказан тем, что был послан в Париж для сообщения об этих изменениях. Бонапарт высказался не сразу и в течение некоторого времени поддерживал в Пруссии веру, что эти изменения будут им приняты, пока Пруссия снова не демобилизовала свою армию, а затем в середине февраля 1806 года кратко и решительно заявил, что не только обмен провинции должен последовать немедленно, но что Пруссия должна закрыть свои порты для англичан. Поэтому 15 февраля Гаугвиц подписал в Париже новый трактат.

В Берлине, где из-за Гаугвица попали в совершенно фальшивое положение и где оказались без союзников разоруженными, снова уступили.

Вероятно, русский император несколько сомнительно покачал головой над этим поведением Пруссии. Он только что испытал на себе, что значит поднимать оружие на Бонапарта, и, вероятно, не без удовольствия видел, что Австрия, слишком поспешно заключив мир, избавила его от необходимости оказывать ей дальнейшие любезности. Вероятно, ему была очень приятна возможность и в данном случае выйти из игры. Поэтому он не выказал прусскому кабинету никакой горечи по поводу его странного поведения, а, наоборот, заявил, что готов во всякое время оказать ему поддержку, буде в этом встретится необходимость.

Английский король манифестом от 20 апреля протестовал против захвата Ганновера и 11 июня объявил Пруссии войну. Но до этого Пруссия навлекла на себя еще одно объявление войны. Шведский король Густав Адольф IV захотел действовать против Франции сообща с Россией и Англией, и ему было поручено командование войсками обоих этих государств в Ганновере. С это-

го времени он оккупировал Лауенбург и был чрезвычайно рад случаю разыграть из себя рыцаря за счет короля Пруссии. Он заявил, что в интересах своего союзника, английского короля, он должен защищать эту маленькую область от захвата Пруссией, хотя английский король, отнюдь не согласный с этим, приказал посоветовать ему воздержаться от этого шага. Густав Адольф, правда, отошел со своей армией в Шведскую Померанию, но оставил в Лауенбурге гарнизон из 500 человек, заявив, что изгнание этого гарнизона он будет считать нарушением мира.

Когда в апреле мы выгнали этот отряд, со стороны шведского короля последовало формальное объявление войны, и Пруссия была вынуждена выдвинуть на реку Пеене корпус под командованием графа Калькрейта.

Это состояние враждебности продолжалось до августа, когда Пруссии пришлось снова вооружаться против Франции, а следовательно, уступить Швеции, после чего мир был восстановлен несколькими примирительными письмами обоих монархов.

Во время этого обострения отношений с Англией и Швецией, явившегося непосредственным последствием Венского трактата, произошло дальнейшее развитие отношений между Пруссией и Францией, причем, как бывает с некоторыми плодами, эти отношения внезапно переменили свой цвет.

Новая конвенция, заключенная Гаугвицем с французским правительством, была подписана 15 февраля, а 2 марта, то есть спустя 14 дней, когда со смертью Питта и сменой английского министерства представилась возможность заключить мир с Англией, Бонапарт заявил в своем государственном совете, что он всегда готов заключить с Англией мир на основе Амьенского мира. При первых разговорах между обоими кабинетами Англия потребовала ведения переговоров сообща с Россией, а Франция выдвинула в качестве предварительного условия требование независимости Турции.

Эти зарницы французской политики уже предвещали грозу, собиравшуюся над головой Пруссии. Франция ничего не могла предложить Англии в виде компенсации за Ганновер; поэтому можно было предположить, что она намеревается возвратить эту провинцию; далее, было бы только справедливо, чтобы Франция потребовала участия Пруссии в переговорах, так как Франция была единственной причиной, почему Пруссия находилась в состоянии войны с Англией. Но французский кабинет, отнюдь не склонный привлекать Пруссию к переговорам, ни одним словом не упомянул о ней.

В начале июня Талейран без обиняков заявил лорду Ярмот, которого Фокс использовал для ведения переговоров, что Ганновер никогда не будет служить поводом для каких-нибудь затруднений. Теперь прусский кабинет начал испытывать некоторые подозрения по поводу своих отношений с Францией, он почувствовал какую-то боязнь и увидел, что снова попадет в неловкое положение, оскорбительное для его политической чести.

Хотя после подписания Гаугвицем Венского трактата прошло так мало времени, однако, этому последнему позору, о котором трудно сказать, чем он был больше — оскорблением или обманом, предшествовало еще много других тяжелых нарушений интересов Пруссии.

1. Создание Рейнского союза, последовавшее непосредственно за Пресбургским миром, но ни одним словом не упоминавшее при переговорах об этом мире и, таким образом, состоявшееся без предварительного осведомления Австрии и в такой же мере Пруссии.

2. Интриги, пущенные в ход Францией, чтобы помешать Пруссии создать Северогерманский союз, хотя Франция сама предложила создание такого союза в виде компенсации.

3. Предложение Фульды курфюрсту Гессенскому за то, чтобы он согласился примкнуть к Рейнскому союзу,— тому самому курфюрсту Гессенскому, который должен был стать одним из главных участников Северного союза, и Фульды той самой, которая принадлежала зятю прусского короля принцу Оранскому, справедливые требования которого и без того еще не были удовлетворены.

4. Захват Эссенского и Ферденского аббатств великим герцогом Бергским, хотя они никогда и не принадлежали к Клеве.

5. Занятие Францией Везеля для себя, тогда как Пруссия соглашалась уступить его только великому герцогу Бергскому.

Все эти нарушения интересов Пруссии, все более угрожающее продвижение Бонапарта в глубь Германии, перспектива недостойным образом приобретенный Ганновер потерять еще более недостойным образом, а затем оказаться выставленными на посмешище перед всей Европой и, наконец, последние донесения прусского посланника в Париже маркиза Луккезини, который, несмотря на всю привязанность его жены к Парижу, все же в конце концов решился открыть глаза своему правительству и откровенно высказаться в том смысле, что от Бонапарта можно ожидать только войны и тяжелых условий,— все это переполнило меру и побудило

прусский кабинет к решению, в котором можно видеть только акт отчаяния. Это решение исходило скорее от личного чувства чести короля и снова привлеченного к участию в совещаниях министра Гарденберга, для которых дело все же зашло, наконец, слишком далеко, чем от перемены убеждения графа Гаугвица и кабинетного секретаря Ломбарда. Оба последние в конце концов как бы одобрили это решение, так как побоялись, что дальнейшее сопротивление может вызвать подозрение, будто они испытывают слишком большой интерес к Франции.

Политический круг государственных интересов Пруссии постепенно сузился до такой степени, что разум и чувство слились воедино, и в конце концов можно было рассуждать одним чувством. В прусском манифесте есть место, в котором это очень хорошо выражено:

«Относительно намерений Наполеона не могло быть больше никаких сомнений. Он хотел внести войну в Пруссию или навсегда лишить это королевство способности браться за оружие, доводя его от унижения к унижению до такой степени политической деградации и ослабления, при которой ей, лишенной своих оплотов, не оставалось бы ничего другого, как подчиниться воле своего грозного соседа».

Так как французы все еще имели в Южной Германии армию в 80 000—100 000 человек, а другая их армия сосредоточивалась на Нижнем Рейне, то прусский двор хорошо понимал, что злая воля французского императора вскоре разразится над ним, как громовой удар. Поэтому в начале августа он решил снова довести свою армию до состава военного времени и собрать ее в Саксонии.

Таким образом, Пруссии пришлось снова вооружаться как-раз в то время, когда Россия и Англия вели в Париже переговоры о сепаратном мире. Для Пруссии было поистине счастливой случайностью, что эти обе державы не смогли договориться с Францией. Русский император отказался ратифицировать трактат, который слишком поспешно заключил в Париже его полномочный представитель Убри. С этим мирным договором произошел своеобразный и неловкий казус. Г-н Убри, получивший инструкции заключить окончательный мир, узнает в июле, немедленно по прибытии своем в Париж, о возникновении Рейнского союза и о том, что 12 июля были подписаны акты о конфедерации. Вместо того чтобы встревожиться этим и запросить свой двор о новых инструк-

циях, он видит в этих актах непосредственную опасность для Австрии и думает спасти это государство, подписав окончательный мир с Францией при условии, чтобы французские войска немедленно очистили Германию. Трудно представить себе, как мог Убри подумать, что такое мирное условие может явиться хотя бы только дипломатическим препятствием к войне против Австрии или Пруссии. Средство это было не лучше того, которое применяют дети, когда, желая поймать птицу, они стараются насыпать ей соли на хвост.

Английские переговоры в Париже также близились к бесплодному концу, когда смерть знаменитого Фокса еще ускорила этот конец.

Таким образом, в сентябре перед Пруссией снова открылась перспектива — по крайней мере оказаться на арене борьбы не в полном одиночестве.

Со Швецией, как уже сказано, помирились в августе, уступив ей в вопросе о Лауенбурге, да и по отношению к Англии было нетрудно немедленно сойти с враждебной позиции, так как после смерти Фокса в министерство вступил член оппозиции Грей, который не так усердно старался о заключении мира с Францией, как его предшественник. Однако, союзный договор о субсидиях и помощи был заключен с Англией лишь позднее, а именно за несколько дней до сражения под Ауэрштедтом.

С Россией у Пруссии был еще своего рода союз, а поэтому в сентябре в Петербург был послан полковник Круземарк, чтобы договориться о вспомогательных войсках, которые хотела прислать Россия.

С Саксонией был заключен союз, по условиям которого она прислала в прусскую армию 20 000 человек, а с Гессеном велись переговоры, так как курфюрст не хотел высказываться слишком рано.

Так затягивался узел катастрофы, разразившейся над Пруссией.

Мы лишь бегло рассмотрели политическое положение Пруссии от Базельского мира до 1806 года, так как мы подробнее рассматривали их в 1-й главе этого тома, в сущности целиком посвященной этому вопросу. Канвой для наших заметок послужила маленькая книга, изданная в 1808 году тайным кабинетным советником Ломбардом в оправдание своей, графа Гаугвица и прусской политики. Мы считали, что стоит перепечатать ее, так как нашим по-

томкам должно быть важно знать точку зрения прусского кабинета, но при этом, руководствуясь изречением «Следует выслушать и другую сторону», мы сочли необходимым изложить перед публикой и то, что думала о прусских делах другая сторона.

В результате мы должны высказать здесь наше убеждение, что, как ни трудна политическая роль государства, оказавшегося выдвинутым на одну линию с гораздо более крупными государствами, и как ни осложнилась обстановка в Европе с тех пор, как французская революция с неслыханной доселе политической силой начала свое разрушительное дело, однако, своим отчаянным положением в 1806 году Пруссия обязана только своей плохой политике; быть может, она пала бы и при наилучшем образе действий, но с большей честью, уважением и сочувствием, развернув более значительные силы, а следовательно, лучше подготовившись к будущему возрождению.

Теперь мы упомянем еще о политических настроениях прусского народа, так как об этом много говорили, а затем бросим взгляд на подготовку к войне.

В чисто монархических государствах народ только тогда по-настоящему принимает участие в общественных делах, когда он непосредственно ощущает связь событий с его благосостоянием, например, когда государство втянуто в войну или когда еще кровоточат раны, нанесенные ему другим государством. Так было в Пруссии в 1809 году, когда все молились в душе о победах австрийских армий, и в 1812 году, когда ненависть к Франции значительно перевешивала мелочную заботу о чести прусского оружия на Двине. Мы говорим о подлинном участии народа, а не о словоизлияниях читателей газет в кофейнях. Война 1792 года вызвала почти всеобщий, но не одинаковый у всех интерес. Одни стояли за войну, другие были против нее, в зависимости от того, нарушала ли французская революция привычный ход идей и чувств или же война оживляла спекулятивные взгляды, планы и надежды. Первое относится скорее к массе всего народа, второе скорее к буржуазной части образованных сословий. Последние добились больших успехов благодаря тому, что военные победы придали неожиданный блеск делу революции и одновременно сильно подорвали доверие к старому порядку. Но когда правительство и высшие сословия, уставшие от войны, стали находить ее неполитичной, так как по существу Пруссии не было до нее никакого дела, и таким образом подготовили Базельский мир, то всякий интерес

к войне и военному делу исчез, и лишь кое-где остались отдельные более дальновидные люди. Таким образом, участие народа свелось исключительно к желанию мира, а когда в Базеле это желание было удовлетворено, то всякое участие народа в этом деле полностью прекратилось. В то время были еще очень далеки от того, чтобы видеть во Франции общего врага. Только правительство смутно чувствовало это, но оно не высказывалось и отнюдь не поощряло людей, которые хотели бы высказать это, так как страх перед непосредственным бедствием войны и недостаток денег были сильнее страха перед более отдаленной опасностью. Кроме того, не хотели компрометировать перед общественным мнением так называемую систему нейтралитета. Таким образом, до 1805 года народ не принимал подлинного участия в европейских делах. Победы Франции и расширение ее территории по Люневильскому миру вполне возмещались в глазах народа увеличением размеров Пруссии; ближайшие предметы всегда представляются нашему рассудку, как и нашим глазам, более важными, чем отдаленные.

Между тем интерес к политике у высших сословий становился все живее и шире по мере того, как все яснее обрисовывались контуры великой французской империи, и после того, как в 1805 году Австрии был нанесен удар, грозивший ей окончательным крушением. Теперь в общественных настроениях наметились три течения, из которых два были объединены общей целью. Сторонники первого направления восхищались французскими учреждениями, французской славой и блеском. Они сочли бы за счастье, если бы Европа оказалась под опекой Франции. П о э т о м у о н и б ы л и п р о т и в в о й н ы с Ф р а н ц и е й. Того же хотели и сторонники второго направления, но только потому, что они ничего так не боялись, как нарушения спокойствия и мира у себя дома и внезапного поворота государственных сил Пруссии на опасный путь, на котором они не предвидели для нее удачи. П о э т о м у о н и т а к ж е н е х о т е л и в о й н ы с Ф р а н ц и е й. Третье течение видело в успехах французов в Европе начало создания мировой империи, угрожавшей гибелью Пруссии, а поэтому о н и х о т е л и в о й н ы с Ф р а н ц и е й!

Постепенно людям стало ясно, что прусская политика не является столь достойным нейтралитетом, как это можно было бы заключить из тона газет, и поэтому стало по временам проявляться чувство национальной чести. Те, в которых это чувство одержало

верх, усилили собой третью партию; это были, главным образом, молодые офицеры и некоторые, самые выдающиеся, из старых офицеров; большинство последних принадлежало ко второй партии. Такова была картина, наблюдавшаяся в высших сословиях в 1805 году. Теперь произошел инцидент с насильственным прохождением французских корпусов через Франконские провинции. Оно возмутило всех, в ком национальное чувство не было погружено в слишком глубокую дремоту, и усилило третью партию, особенно в армии. Действительно, никто не мог не почувствовать возмущения, кроме тех, кто вследствие своих противоестественных взглядов стал поклонником французской монархии и, следовательно, потерял всякую способность понимать национальные интересы или погряз в таком трусливом филистерстве, что уже не смел даже раскрыть глаза.

Таким образом, можно сказать, что в 1806 году партия сторонников войны среди образованных сословий очень усилилась, но что класс народа, ремесленников и крестьян все еще не вполне ясно понимал, о чем идет речь. У этих классов интерес к французам и их учреждениям был совершенно ничтожен. Любовь к покою является отличительной чертой Северной Германии, так как человек с таким холодным, крепким рассудком, как у северного германца, прежде чем действовать, всегда ищет достаточного основания и не дает приводить себя в состояние опьяняющего энтузиазма одним только миражом истины. Правительство решительно ничего не сделало, чтобы показать народу опасность, угрожавшую Пруссии и Европе, а те оскорбления, которые приходилось терпеть от Франции, по возможности замалчивались. Таким образом, еще нельзя было поднять народ; однако, нет сомнения, что было бы легко пробудить в нем всю мощь национального чувства. Первый толчок в этом направлении дала ему сама война, но она продолжалась слишком недолго, чтобы национальное чувство могло действенно проявиться еще до того, как произошла катастрофа. Ведь 10 миллионов людей требуют больше времени, чтобы проникнуться одной мыслью, чем один человек.

Из этого вытекает,— это вполне простительно,— что в 1806 году события не вызвали в прусском народе того возмущения и враждебного настроения, которое было бы естественным и подобающим благородному народу, а также и то, что, с другой стороны, молодые дворяне, служившие, главным образом, в армии, в своем увлечении почти заносчиво выражали свою национальную

гордость, свою сословную и воинскую честь. Тот, кто видит в этом только недисциплинированность некоторых войсковых частей, судит поверхностно и несправедливо. Наконец, из всего этого вытекает, что в 1806 году настроение прусского народа могло оказать влияние на решение прусского кабинета лишь постольку, поскольку последний считал необходимым не дать окончательно погибнуть чувству собственного достоинства первого и в то же время не лишиться всякого уважения у него, то есть только силой общественного мнения. При этом не может быть и речи о таком принуждении, которое могло бы явиться следствием страха перед насильственными действиями. Тот, кто жил в Берлине в 1806 году, может найти эту последнюю мысль только смешной, хотя кабинетный советник Ломбард старается внушить эту мысль в свое оправдание, чтобы тем самым усилить мотивировку решения начать войну.

Подготовка к войне ограничилась мобилизацией армии, вооружением угрожаемых крепостей, сосредоточением армии и назначением командующих.

Прусское государство видело свою гордость именно в том, что оно не нуждается ни в какой подготовке к войне, что оно всегда вооружено и что достаточно одного приказа, чтобы через 4—6 недель быть совершенно готовым к войне. Эта организация была триумфом Фридриха Великого. Но она была рассчитана на его время, на его противников — австрийцев, на его театр — Силезию. Быть в состоянии во всякое время явиться на поле сражения со 100 000 человек — этого, как казалось Фридриху Великому, было вполне достаточно, чтобы обеспечить себя против Австрии. Это государство представлялось ему в виде какого-то польского магната с неизмеримыми богатствами, но столь же неизмеримыми потребностями, каковые он удовлетворяет многочисленными мелкими внеплановыми расходами, и который, запутавшись вследствие своей бесхозяйственности в ипотеках и долгах, никогда не бывает господином своего состояния. Такому богатому и знатному вельможе часто диктует свою волю малосостоятельный незнатный человек, строгий хозяин, предприимчивый и всегда располагающий некоторой суммой наличных денег. Таким незнатным человеком было прусское государство в царствование Фридриха Великого. Но против Австрии необходимо было действовать, главным образом, собственными силами, тогда как с другими, более отдаленными противниками приходилось удерживать равно-

весне путем политических соглашений. Поэтому Фридрих Великий, имея всегда наготове 100 000 человек, мог импонировать Австрии, а тем самым и всей Европе; с того времени слово «мобилизация» было в Пруссии искрой, которая взрывает мину, и никому не приходило в голову, что надо делать еще что-то помимо мобилизации.

С тех пор французская революция придала европейской политике и войнам другой характер, не предусмотренный Фридрихом Великим; ведь накануне великого переворота редко можно предугадать направление, которое примут события после переворота.

Благодаря силе и энергии своих принципов и тому энтузиазму, которым был охвачен народ, французская революция бросила весь свой народ и все свои силы на чашу весов, на которых до тех пор взвешивались только численно ограниченные государственные доходы. Презирая все мелочные интересы и заботы кабинетов, она стремилась господствовать над Европой, а в первую очередь расширить Францию до пределов, считавшихся ее естественными границами.

Мало заботясь о расчете политических комбинаций, путей, в которых кабинеты боязливо взвешивают вражду и союзы, что ослабляет мощь войны и связывает грубый элемент военной борьбы дипломатическими оковами, французская армия упрямо шагала по странам Европы и, к своему великому изумлению и к изумлению всех других, увидела, что естественная мощь государства и одна великая, простая идея куда сильнее тех искусственных взаимоотношений, в которых находились между собой государства.

Такое изменение всей обстановки меньше всего можно было предвидеть в то время, когда думали, что путем тщательной организации финансов и постоянных армий достигнута вершина цивилизации, при которой все истинные силы народа были бы совершенно выключены и все — казна, кредит и армия — оказалось бы сосредоточено в нескольких нитях, находившихся в руках кабинета. Меньше всего можно было думать о каких-либо изменениях в Пруссии, где считали, что эти нити спрядены крепче всего. Да и нельзя было требовать, чтобы в Пруссии сразу поняли смысл великих событий 1792 года и соответственно им заняли совершенно новую позицию. Но с 1792 по 1806 год прошло 14 лет, а за этот промежуток времени безусловно можно было притти к убеждению, что речь идет здесь о борьбе с целым народом, о борьбе не на жизнь, а на смерть.

Если и в это время германские правительства не сумели противопоставить этому народу свои собственные народы, как они сделали в 1813 году, то все же от этих правительств можно было с полным правом потребовать чего-то большего, чем простое объявление мобилизации.

Численность прусской армии составляла, примерно, 200 000 человек; можно было предвидеть, что на поле сражения попадут из них не более 150 000. Таким образом, победа была не особенно хорошо обеспечена, а если бы этой численности и оказалось достаточно для победы, то победа эта была бы одержана только над той армией, которую Франция бросила бы на нас в первую минуту. Не было никакого сомнения в том, что вслед за этой армией вскоре последовала бы на театр войны другая, а также и в том, что в первые же недели пришлось бы пополнять значительные потери.

За 45 лет прусская армия проделала, и то лишь частично, коекак две-три кампании. Принцип, согласно которому производство в чины происходило только за выслугу лет, привел к тому, что высшие должности были заняты почти исключительно дряхлыми старцами; в мирное время это еще кое-как сходило с рук, но на войне, которая велась не на жизнь, а на смерть против поголовно молодых и бодрых военачальников, эта система была чистым безумием.

Политические отношения, в которых Пруссия находилась с великими державами, вытекали из ее предыдущей политики, но те отношения, которые могли быть использованы в ее интересах, не допускали никакой поспешности. Мелкие же князья, владения которых находились среди прусских земель, составляли с Пруссией одно целое только в политическом отношении. Чрезвычайного напряжения сил от них можно и должно было требовать лишь в той мере, в какой сама Пруссия напрягала свои собственные силы.

Курфюршество Саксонское, саксонские герцоги, оба Мекленбурга, Кургессен, ангальтские, шварцбургские князья, князья Липпе, герцог Брауншвейгский и другие могли выставить войска численностью от 60 000 до 70 000 человек; а вместо того в октябре 1806 года имелось только 18 000 саксонцев. Между тем в сражении и 10 000 человек могут сыграть большую роль, а тем более 50 000.

Было мало надежды начать войну удачно и удержаться в Саксонии, пока смогут подойти русские, а поэтому нужно было рассчитывать на то, что театр войны растянется до Вислы, и принять все соответствующие меры.

Таким образом, подготовка к войне должна была бы заключаться в следующих чрезвычайных мероприятиях:

1. В накоплении значительных денежных фондов путем займа или военных налогов.

2. В призыве 100 000 человек местных жителей в августе, когда была решена война, для формирования из них резервных батальонов.

3. В формировании соответствующего числа полевых батарей из бронзовых орудий, которые следовало изъять из крепостей, заменив их там железными.

4. В закупке в Австрии и Англии, примерно, 200 тысяч ружей.

5. В переброске всех военных запасов из неукрепленных городов в крепости.

6. В сооружении предмостных укреплений на Эльбе, Одере и Висле.

7. В увольнении на пенсию слишком старых генералов, штаб-офицеров и капитанов и в продвижении на высшие должности ряда более молодых офицеров, в назначении на командные должности молодых людей, способных и стремящихся сделать карьеру.

8. Наконец, в дружественном, но энергичном воздействии на мелкие государства.

Из этих восьми мероприятий, которые диктовались здравым смыслом при одной мысли об опасности положения, не было проведено н и о д н о г о, так как привыкли думать только об одном — о мобилизации.

Нижеследующая краткая таблица дает приблизительно, учитывая вкравшиеся в нее ошибки, штатную численность прусской армии в 1806 году.

П е х о т а

1. 58 пехотных полков двухбатальонного состава по 5 рот в батальоне, считая в роте 172 чел. без офицеров и музыкантов, что дает мушкетеров	99 760 чел.
2. Сюда же относятся 29 гренадерских батальонов по 4 роты того же состава, итого гренадеров . . .	19 952
3. 24 фузилерных батальона по 4 роты того же состава, итого фузилеров	16 512
4. Один егерский полк из 3 батальонов по 600 человек, итого егерей	1 800
5. 5 батальонов гвардии по 4 роты	3 440
Итого пехоты	141 464 чел.

Конница

1. 12 кирасирских полков по 5 эскадронов, эскадрон по 132 коня, итого в 60 эскадронах кирасир	7 920 коней
2. 14 драгунских полков, 12 по 5 эскадронов, 2 по 10 эскадронов, эскадрон по 132 коня, итого в 80 эскадронах драгун	10 560
3. 15 эскадронов улан по 152 коня, итого у улан	2 340
4. $9^1/_2$ гусарских полков по 10 эскадронов, по 162 коня в эскадроне, итого в 95 эскадронах гусар	15 390
Всего 250 эскадронов конницы	36 210 коней

Артиллерия

4 полка пешей артиллерии по — рот, роты по — человек, 10 рот конной артиллерии по — человек, итого в артиллерии	8 000 чел.
Всего полевых войск . . .	185 764
58 третьих батальонов по 500 чел.	29 000
58 инвалидных рот по 50 чел.	2 900
Численность гарнизонных войск . . .	31 900
Общая численность армии . . .	217 664

Эту цифру можно смело сократить до 200 000, так как, конечно, не все части были укомплектованы по штату и в общем и целом можно считать, что некомплект составлял, примерно, одну двенадцатую.

Если вычесть отсюда 50 000 гарнизонных войск и тех полевых войск, которые по необходимости должны были оставаться в некоторых крепостях, то все же можно было ожидать, что из этих 200 000 на театре военных действий будет по меньшей мере 150 000. Однако, фактический результат оказался далеко не таким благоприятным.

По каким-то вряд ли понятным соображениям в первую минуту не отмобилизовали восточнопрусские войска, а следовательно, и не перебросили их в Саксонию на театр военных действий. Были

люди, которые полагали, что этого не сделали из соображений экономии, а именно предполагалось соединить эти войска с русской вспомогательной армией, а до ее прибытия сэкономить на их полевом довольствии. В связи с этим находится идея о невозможности обойтись без резервной армии. Эта безусловно путаная идея до сих пор еще бродит в головах. Насколько можно рекомендовать тактические резервы, настолько противоречит здравому смыслу идея стратегического резерва из уже готовых вооруженных сил. Дело в том, что участь войны решают сражения: тактические резервы используются до решения, стратегические же после него. Что сказали бы мы о ломовом извозчике, который, подъехав к выбоине, отпряг бы половину лошадей, чтобы оставить их в резерве, пока другие не устанут. Но эта идея спасительности стратегического резерва, которая до сих пор еще высказывается, в то время казалась людям весьма правдоподобной. Поэтому очень легко себе представляли, когда спокойно оставляли восточнопрусские войска на их постоянных квартирах, что поступают вполне целесообразно и экономно. По штатам там было 21 000 полевых войск. Не более основательной, хотя и более привычной, была причина, почему 10 000 полевых войск оставили в герцогстве Варшавском. Этой стране не доверяли и потому не хотели полностью выводить из нее войска. Конечно, стоило бы оставлять сильный гарнизон для предотвращения революционной вспышки, если бы сил было много; но при тогдашнем соотношении сил, когда шли на войну, как Давид на Голиафа, единственная возможность надеяться на удачный исход заключалась в самом решительном сосредоточении всех сил против главного противника. Если бы удалось разбить французов в Франконии, то поляки до поры до времени ничего не предприняли бы; если бы была разбита Пруссия, то все равно пришлось бы подтянуть войска, оставленные в Польше.

В Силезии также осталось 6 батальонов полевых войск, так как полагали, что гарнизонных войск недостаточно для занятия крепостей. Но так как пока военные действия происходили в Саксонии и силезским крепостям ничто не угрожало, а в случае отступления можно было послать корпус из Саксонии в Силезию, то, следовательно, и эти 4 000 человек смогли бы и должны были бы выступить против неприятеля.

Таким образом, из полного штатного состава в 185 764 человека полевых войск надо вычесть:

оставленные в Восточной Пруссии	21 124
» в Силезии.	4 300
» в Южной Пруссии	10 320
артиллерия.	2 300
Всего	38 044

Значит, для театра военных действий оставалось только 148 000. Но из этих войск находилось в Вестфалии, частью в качестве гарнизонов крепостей Хамельн и Минден, частью в составе небольшого обсервационного отряда под командой генерала Лекока, 11 700 человек; таким образом, для главного театра оставалось только 136 000.

Однако, в конце сентября численность нашей армии в Тюрингии составляла едва 110 000 человек. Таким образом, против штатного состава нехватало 26 000; это легко понять, если принять во внимание, что при существовавшей системе вербовки и связанном с ней дезертирстве численность войск редко достигала штатного состава. Некомплект был еще больше, так как из года в год вербовка представляла все большие затруднения; последние пополнения местными уроженцами были получены весной, но при выступлении пришлось оставить немало инвалидов, которыми кишела армия. Быстрые непривычные марши несколько увеличили число больных, и, наконец, так как ввиду недостатка военного опыта и дисциплины в полках было много командированных по разным пустякам, то и эти люди не участвовали в боях. При таких условиях некомплект в 25 000 — 26 000 человек, то есть, примерно, в $^1/_5$, нельзя считать чрезмерно большим, и прусское министерство должно было быть готово к этому и принять другие меры.

Таким образом, из знаменитой всегда готовой к бою 200-тысячной прусской армии в самом решительном бою, какой ей когда-либо приходилось вести, оказалась на месте и в готовности только ровно половина.

Не лучше обстояло дело и с политической подготовкой войны. Боясь войны превыше всего, никак не могли решиться отказаться от последней надежды на сохранение мира. Старание спрятаться от опасности в самый дальний уголок, хотя бы последний был самым малопригодным на свете, есть как-раз та форма, в которой яснее всего проявляется в жизни слабость характера. Нет ничего гибельнее, как не итти с открытыми глазами навстречу неизбежной

опасности. Но для того, чтобы знать, действительно ли опасность непредотвратима, государи должны отворачиваться от льстецов, которые только поддакивают им, и, наряду со своим собственным здравым смыслом, обращаться к таким людям, у которых сердце на своем месте.

В августе и сентябре еще верили в возможность избежать войны, то есть надеялись как-то договориться с Бонапартом, найдя какой-то средний путь, а поэтому не хотели преждевременно и слишком прочно связывать себя по отношению к Англии и России. Решения не принимали до получения первого донесения генерала Кнобельсдорфа из Парижа, из чего ясно вытекает, что этого жалкого парламентера послали в Париж не только для того, чтобы ввести французов в заблуждение, но и ожидая от его особы последней помощи. Увы, это средство оказалось никуда негодным! Донесение было получено только 17 сентября. Если бы не это соображение, то в сентябре в Лондоне уже был бы заключен договор, который был заключен только в ноябре в Восточной Пруссии. Вместо того чтобы усердно искать помощи Англии, главным образом, с целью возможно скорее получить от нее оружие и деньги, ожидали прибытия лорда Морпет в главную квартиру в Веймаре, а так как последний приехал только 12 октября, за два дня до сражения, то договор, естественно, не мог быть заключен до сражения. Странным представляется заявление маркиза Луккезини, что результат переговоров зависел от исхода сражения. В обычных случаях такого заявления можно было бы ожидать от лорда Морпета, но насколько английская политика да и все государственное устройство этой страны покоятся на слишком прочных основаниях и слишком энергичны и всеобъемлющи, чтобы бояться каждой возможной перемены, настолько прусская политика стала слишком рыхлой, чтобы в несчастьи уцепиться за более сильного для оказания нового сопротивления.

Не лучше обстояло дело и в отношении России. Полковник Круземарк, которого можно было послать в Петербург еще в конце августа, так как ответ императора был уже получен, выехал только в тот день, когда было получено донесение генерала Кнобельсдорфа, то есть 18 сентября. Круземарк должен был договориться относительно присылки вспомогательной армии, но результаты его переговоров показывают, что на спешной присылке помощи особенно и не настаивали; так как русская армия стояла на границе, готовая к выступлению, то она, хотя численностью всего только в

50 000 человек, вполне могла бы в середине ноября быть на Одере, что составило бы огромную разницу. Ввиду добродушной готовности императора, конечно, не приходилось ожидать политических затруднений и проволочек. Таким образом, если русская армия перешла через границу только в ноябре, то причиной этому послужил тот же ошибочный взгляд прусского кабинета, который побудил его оставить войска Восточной и Южной Пруссии на их постоянных квартирах. В конце октября в Гродне была еще заключена подробная конвенция с прусским правительством о продовольственном снабжении русской вспомогательной армии. К этому нагромождению формальностей в сущности и свелась вся помощь, оказанная Пруссии в кампанию 1806 года.

Выбор человека, посланного в Петербург, также доказывает, что этой миссией не преследовали какой-нибудь серьезной цели, а только имели в виду договориться о выполнении прежних соглашений. Полковник Круземарк был адъютантом, то есть в сущности благородным рассыльным, фельдмаршала Меллендорфа. Это был человек с приятными светскими манерами, но совершенно незнающий, без всякого выдающегося таланта. Его до сих пор не использовали ни в каких государственных делах, кроме двух-трех второстепенных дипломатических поручений. Так как его положение в государстве было не из таких, которые могли бы придать ему вес, то легко можно было подумать, что его посылают не с каким-нибудь чрезвычайным поручением, так как при этом нельзя было рассчитывать на его личный авторитет. В то время говорили, что он должен был согласовать с русскими план операций; но эта цель была бы ему еще более чужда, чем всякая другая, да к тому же время для этого еще не наступило, так как русская армия находилась еще в 150 милях (1 100 *км*) в тылу прусской.

С Саксонией с трудом заключили трактат, по которому она двинула на соединение с прусской армией 18 000 человек, то есть, примерно, половину своей армии. Трактат был окончательно оформлен так поздно, что саксонские войска вступили в линию последними и даже были причиной задержки на несколько дней. Мекленбургу, Ангальту, Шварцбургу, герцогам саксонским, князьям Липпе и герцогу Брауншвейгскому с самого начала великодушно разрешили оставаться нейтральными, словно располагали такой массой войск, что 10 000—20 000 человек в счет не шли. Только герцог Веймарский прислал егерский батальон.

Курфюрст Гессенский крутился и изворачивался совершенно в

стиле прусской политики. Он хотел дождаться победы прусского оружия, чтобы затем высказаться, а в случае если бы этой победы не последовало, он в силу священных прав нейтралитета чувствовал бы себя так твердо, как скала среди бушующего моря. Если эта слабость характера была немедленно же наказана самой унизительной катастрофой, то это только справедливо; было бы возмутительно, если бы такая политика увенчалась успехом. Но то, что прусский кабинет допустил такую политику гессенского двора, было признаком такой же точно слабости; на пути из Вестфалии в Тюрингию наши войска проходили через Гессен, и этого было достаточно, чтобы не оставлять курфюрсту никакого выбора; а 15 000 гессенцев вовсе не следовало пренебрегать.

Таким образом случилось, что армия, которую Пруссия собрала против французов в Тюрингии, имела в своем составе вместо 50-тысячного союзного корпуса всего только 18 000 саксонцев.

Без этих ошибок кабинета и без ошибок, допущенных военным ведомством, можно было, естественно, используя имевшиеся налицо вооруженные силы, без всякого особого напряжения противопоставить неприятелю 200 000 человек вместо 130 000 фактически выставленных против него. Но если бы даже, несмотря на достигнутое таким образом численное превосходство, первые сражения были проиграны, то все же не так, как это случилось; не было бы полнейшего разгрома.

В Париже дела прусского кабинета велись также неважно. Луккезини пришлось отозвать, так как он, наконец, забил тревогу. На его место послали генерала Кнобельсдорфа, так как знали, что он будет приятен французам; но он им был приятен потому, что был зятем голландского посла в Константинополе графа Дедема и еще в бытность свою посланником в Константинополе сильно проникся французскими интересами; кроме того, он был бессильным и сухим дипломатом.

В этом духе и были отговорки, к которым фон-Кнобельсдорф прибегал в Париже до того, как ему поручили передать ультиматум нашего правительства. В течение всего сентября он старался изобразить дело так, будто вооружения, предпринятые Пруссией, являются следствием нашептывания врагов и завистников Франции прусскому королю и будто обманутый монарх скоро освободится от этого влияния. В этих речах мы сразу узнаем политику графа Гаугвица, по инструкциям которого и действовал Кнобельсдорф. Такое обстоятельство, чтобы не быть отвратительным и

смешным, должно, по крайней мере, сочетаться с большой ловкостью.

1 октября генерал Кнобельсдорф был, наконец, вынужден заговорить другим языком и вручить французскому министерству прусский ультиматум.

Этот ультиматум выдвигал в качестве предварительных условий разоружения Пруссии следующие требования:

1) чтобы все французские войска без исключения немедленно были отведены за Рейн;

2) чтобы больше не чинилось препятствий к образованию Северного союза;

3) чтобы Везель не входил в состав французской империи и был возвращен великому герцогу Берг;

4) чтобы три аббатства, незаконно занятые великим герцогом Берг, были снова заняты прусскими войсками.

Ответа на этот ультиматум повелительно потребовали к 8 октября в ставку короля.

Хотя этот ультиматум вовсе не касался главных спорных вопросов и условия его могли быть полностью приняты французами без того, чтобы положение Пруссии хоть на волос улучшилось, однако, по недомыслию допустили ту бестактность, что приказали вручить ультиматум в Париже через 6 дней после того, как Бонапарт уехал в армию. Если в последнюю минуту хотели еще вступить на путь переговоров, то, конечно, это следовало делать только в императорской главной квартире; там решительный тон ультиматума показался бы менее высокомерным, чем в Париже по отношению к Талейрану, так как гораздо невежливее передавать кому-нибудь оскорбления через слугу, чем наносить их лично. Но и принятый тон был отнюдь не подходящим. Отнюдь не унижая своего достоинства и не ослабляя решительности, можно было очень пассивными, отрицательными фразами дать понять Наполеону, чего именно хочет прусский король. Таким образом, и в своем дипломатическом языке Пруссия оставалась бы в оборонительном положении, которое соответствовало ее политической системе; она не дала бы повода к насмешке тем двойным противоречием, которое представлял этот повелительный тон, с одной стороны, с многолетней смиренной политикой кабинета и с вышеупомянутыми речами генерала Кнобельсдорфа, а с другой — с недостаточностью наших государственных ресурсов и вооруженных сил.

Но прусский кабинет состоял из противоположных элементов,

а в таком случае всегда нехватает двух вещей: единства и соразмерности действий; неизбежны неуклюжие переходы от одной крайности к другой.

Если на такой ультиматум ожидали другого ответа, чем пушками, если поэтому отложили объявление войны еще на 14 дней, то это было скорее последствием слабости, цепляющейся за последнюю надежду; но все это выглядело, как добродушное донкихотство.

ГЛАВА IV

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР КАМПАНИИ

В результате неправильных мер, принятых прусским военным ведомством, в сентябре на театре войны в Тюрингии было сосредоточено только около 110 000 человек. Саксонцев было 18 000 человек, и, таким образом, вся армия насчитывала 128 000 человек. Но 15 000 под командованием герцога Евгения Вюртембергского не смогли бы участвовать в начале кампании, если бы она началась в первой половине октября; таким образом, оставалось только 113 000 человек.

Как впоследствии выяснилось, численность французов достигала, примерно, 130 000. В то время она не была точно известна, но предполагали, что если удастся быстро вторгнуться в Франконию, то придется иметь дело, самое большее, с 80 000—100 000 человек *. При таких условиях успех могли сулить только два плана. Первый заключался в том, чтобы держаться оборонительного образа действий и при приближении противника медленно, но без решительного боя отходить за Эльбу, а затем и за Одер, соединиться с русскими и расположенными в тылу пруссаками, после чего дать всеми соединенными силами сражение, примерно, в Силезии или в Польше. В этом случае, если бы саксонцы не отпали, а русские подошли бы в составе 50 000 человек, можно было бы иметь, вычтя потери в боях и гарнизоны крепостей на Эльбе и Одере, до 150 000 человек, тогда как у французов осталось бы для

* В самом деле 30 000 человек гвардии выступили из Парижа только 19 сентября и прибыли форсированными маршами в Майнц 28 сентября. — *Прим. автора.*

перехода через Одер едва 80 000. Но при такой обстановке саксонцы, вероятно, скоро заключили бы сепаратный мир и присоединили бы своих 18 000 человек к французской армии. 10 000 человек Пруссия, вероятно, потеряла бы вследствие дезертирства, так что соотношение сил составило бы, быть может, не 150 к 80, а 120 к 100.

Ввиду снижения благоприятных результатов, которых можно было бы ожидать от отхода в глубокий тыл, и затем ввиду того, что не хотели на первых же порах отдавать столько провинций, так как считали несовместимым с честью Пруссии предпринимать такой дальний отход без сражения, наконец, потому, что это было весьма необычно и никто не мог бы свыкнуться с этой мыслью,— об этом плане даже и не говорили. Однако, помимо моральных факторов, он был бы самым естественным.

Второй план был следующий: быстро вторгнуться соединенными силами в Франконию, обрушиться на французов на их квартирах, разбить их корпуса поодиночке, прежде чем они успеют соединиться, и этим принудить французов к отступлению за Рейн. Если бы этот удар увенчался успехом, то рассчитывали приобрести хорошую моральную базу, большой запас силы, уверенности в себе и почтения, за счет которых можно было бы протянуть некоторое время, если бы дело приняло затем менее благоприятный оборот. Надеялись после такого удара привлечь на свою сторону всю Северную Германию, выиграть время для подтягивания русских и восточнопрусских сил, вызвать высадку англичан и новые вооружения австрийцев. Это представление о последствиях столь удачного удара безусловно не было преувеличенным, но сам удар был бы далеко не легким предприятием. Выражения «обрушиться на квартиры», «разбить корпуса поодиночке» имеют, как и многие другие военные выражения, что-то весьма неопределенное, и если разобраться в них точнее, то в большинстве случаев от них остается только риторическая фигура.

Армия никогда не даст застигнуть себя целиком на квартирах, как это может случиться с отдельным батальоном; это выражение означает намерение так быстро обрушиться на нее, чтобы она не успела сосредоточиться в одном пункте, лежащем внутри района этих квартир. Поэтому ей приходится выбирать этот пункт в тылу и при этом тем дальше, чем обширнее районы расквартирования. Если нанести такой внезапный стратегический удар с большой силой, то, конечно, можно помешать тому или другому корпусу со-

средоточиться, но со всеми сразу этого никогда не может случиться. Если бы нам удалось заставить застигнутые нами отдельные корпуса драться поодиночке, мы многое выиграли бы этим; мы имели бы большое численное превосходство и возможность напасть на них одновременно с разных сторон и уничтожить их. Однако, в таких случаях войсковые соединения остерегаются оказывать сопротивление, а спешат отойти подальше, так что весь результат обычно сводится к следующему:

1) к большему или меньшему выигрышу территории;

2) к тому, что если нападение проведено очень искусно, то у противника возникает некоторое смятение и отдельные небольшие части его будут сильно потрепаны; общая сумма потерь будет в конце концов довольно значительной. Если принять во внимание боевой опыт французской армии, то вряд ли можно предположить, что она очень усилила бы этот успех внезапного нападения своими дальнейшими неправильными действиями.

Так именно представляли себе внезапное нападение и иначе нельзя было себе его представить. В лучшем случае надеялись быстрым наступлением между квартирными районами французов помешать им найти общую точку сосредоточения в Южной Германии и тем заставить их собрать свои войска по ту сторону Рейна, неся при этом множество мелких потерь. Если бы французские маршалы отважились оказать нам сопротивление двумя-тремя соединенными корпусами,— атаковать их превосходными силами и к вышеупомянутым успехам прибавить еще выигрыш сражения.

Многие скажут на это, что Бонапарт поистине не был таким человеком, от которого можно было ожидать подобных ошибок и которого можно было бы превзойти быстротой и решительностью действий. Что Бонапарт был способен на большие, даже невероятные ошибки, в частности на величайшее пренебрежение всякой осторожностью, было впоследствии достаточно убедительно доказано опытом. Правда, в то время еще нельзя было знать и доказать это опытом. Однако, мы утверждаем, что с точки зрения тогдашних полководцев необходимым фактором ведения войны была вера в возможность ошибок со стороны противника и в успех собственного чрезвычайного усилия. Тот, кто не хочет допустить этого, тот в сущности не знает, о чем идет речь, тот не понимает ни рассматриваемого здесь вопроса, ни самого себя; он вставляет штифт в действующий часовой механизм и требует, чтобы часы все-таки продолжали итти. Таким образом, если нельзя по внутрен-

ним причинам объявить такой успех невозможным, остается только вопрос о том, делала ли его вероятным внешняя обстановка.

Король решился на войну в начале августа. Считая 8 суток на оповещение и 14 суток на мобилизацию, армия в конце августа закончила бы мобилизацию. И действительно, войска, стоявшие в Западной Пруссии, выступили в конце августа. Так как войска из Восточной и Южной Пруссии не привлекались к участию в кампании, а войска, стоявшие в Западной Пруссии, должны были образовать резервный корпус, то все сводилось к тому, чтобы быстро сосредоточить бранденбургские, силезские, померанские, магдебургские и вестфальские части, самые отдаленные стоянки которых находились не далее, чем в 60 милях (445 *км*). Таким образом, через три недели, то есть в середине сентября, можно было бы вовремя собрать всю армию у подножия высот Тюрингенского леса, причем это не вызвало бы со стороны французов никаких иных мероприятий, кроме тех, которые они действительно провели, так как вооружение Пруссии и передвижения ее войск фактически начались 9 августа, а в первой половине сентября пруссаки начали собираться в Саксонии.

Во второй половине сентября французская армия была расположена следующим образом:

1) Бернадот — в Ансбахе (1-й корпус);
2) Даву — в Этингене (3-й корпус);
3) Сульт — в Пассау (4-й корпус);
4) Ланн — в Бишофсхейме (5-й корпус);
5) Ней — в Мемингене (6-й корпус);
6) Ожеро — во Франкфурте (7-й корпус).

Большой треугольник, образованный этими штаб-квартирами (Пассау, Франкфурт, Меминген), имеет две стороны по 40 миль (300 *км*) и одну сторону в 60 миль (445 *км*). Кроме того, каждый корпус был растянут на 15—20 миль (110—150 *км*).

Прусская армия, собравшаяся за Тюрингенским лесом, находилась всего в 25 милях (190 *км*) от линии Пассау—Франкфурт. Нельзя отрицать того, что такая армия находится в очень выгодном положении. Если бы во второй половине сентября она двинулась через Тюрингенский лес на Вюрцбург, она встретила бы там или позднее, между Вюрцбургом и Рейном, самое большее четыре корпуса Бернадота, Даву, Ланна и Ожеро, то есть около 70 000 человек. Она могла бы оттеснить их через Шварцвальд в долину Рейна и дальше либо за Рейн, либо в район Келя, прежде чем кор-

пуса из Пассау и Мемингена успели бы соединиться с ними. Несомненно, это была прекрасная перспектива, и тот, кто не понимает таких вещей, никогда не должен вынимать меча из ножен.

Так именно и возникла первая идея прусского наступления. Но, как всегда случается с идеями, когда их приходится просеивать через сито чужих мнений, когда много людей имеют сказать свое слово, а главное, когда отсутствует решимость,— эта идея была постепенно настолько искажена, что в конце концов перестала быть похожей на самое себя.

Прежде чем проследить за дальнейшим ходом болезни этой идеи, мы должны заняться вопросом об организации прусского командования. Командовать всеми силами должен был герцог Брауншвейгский; король хотел ехать с ним, чтобы своим присутствием повысить быстроту и энергию всех мероприятий.

Король взял с собой фельдмаршала Меллендорфа, так как не знали, куда его иначе пристроить, и король полагал, что сможет извлечь пользу из его советов. Король взял к себе и генерала Генерального штаба Пфуля, так как он был старшим офицером Генерального штаба и так как герцог, который терпеть его не мог, выбрал себе в начальники штаба полковника Шарнгорста. Король думал, что Пфуль пригодится ему в совете, благодаря своему более научному образу мышления. Наконец, король призвал к себе генерала Цастрова, командовавшего бригадой, так как с давних пор питал к нему особое доверие. Кроме этих вновь призванных лиц, при короле, естественно, находился полковник Клейст в качестве генерал-адъютанта-экспедитора, то есть статс-секретаря военного департамента, не говоря уже об обоих дипломатах — Гаугвице и Луккезини и генерале Кекрице.

Герцог Брауншвейгский, вместо того чтобы притти в ужас от этой свиты, повидимому, был втайне очень доволен ею. Он очень постарел и настолько опустился, что даже не решился поехать в Берлин, а приехал только в Галле, желая этим еще сильнее подчеркнуть, что он намеревается только командовать армией как фельдмаршал, а не принимать участие в войне как государь. Так боязливый хватается за соломинку, и эта соломинка является лучшей мерой внутренней боязни. Итак, повторяем: одряхлевший герцог, повидимому, втайне радовался составу королевской свиты, так как присутствие короля было ему приятно не столько потому, что оно придавало его приказам больший авторитет, сколько потому, что он мог предоставлять решение всех вопросов высшему автори-

тету короля; а так как он боялся, что король из-за своей скромности не станет вмешиваться в дела в той мере, как этого желал сам герцог, он и смотрел на королевскую свиту, примерно, как на арматуру магнита.

Генерал-квартирмейстером герцога был полковник Шарнгорст; кроме него, при герцоге не было ни одного лица, заслуживающего упоминания. Капитан Генерального штаба фон-Мюффлинг, с которым идейно был близок Шарнгорст, конкретно разработал план операций, так как лучше всех знал тюрингенские горы и вообще Тюрингию. Поэтому он до известной степени привлекался к различным совещаниям, но, ввиду своего небольшого чина, играл на них лишь подчиненную роль. Таким образом, на совещаниях штаб герцога был представлен очень слабо. Кроме того, Шарнгорст не только был моложе по службе, чем Пфуль и Массенбах, но и был слишком новым человеком в армии, чтобы пользоваться безусловным доверием. Все это неизбежно должно было отодвигать его на второй план, так что он далеко не пользовался той свободой действий и влиянием, которые обычно имеет начальник штаба нерешительного полководца. В довершение всего он за последние дни форменным образом поссорился с герцогом.

Таков был состав синклита (Kongress), который должен был руководить армией; как мы скоро увидим, к нему приходится причислить еще князя Гогенлоэ и полковника Массенбаха.

Король очень неохотно соглашался на войну; поэтому он еще раз сделал через фон-Кнобельсдорфа представления и предложения в Париже. Дипломаты высчитали, что ответ может быть получен 8 октября, и поэтому 8 октября было назначено днем начала операций. Что ультиматум был бесполезен, это мог сказать всякий, но что он был совершенно несовместим с планом стратегической внезапности, было еще очевиднее. 25 сентября, когда герцог Брауншвейгский представил свой план операций, французские корпуса, повидимому, еще не трогались с места; однако, после решительного заявления, которое прусский кабинет приказал сделать в Париже, можно было наверняка ожидать немедленного сосредоточения французской армии. Кроме того, 25 сентября план операций герцогом должен был бы быть не только составлен и представлен, но и приведен в исполнение, и прусская армия должна была бы находиться в Франконии. Герцог Брауншвейгский должен был бы протестовать против этих проволочек и настаивать на быстром переходе в наступление; однако, герцог боялся войны и ее послед-

ствий, пожалуй, еще больше, чем сам король, и его нерешительность позволяла ему еще надеяться на дружественное соглашение там, где его разум должен был бы подсказать ему, что нет иного исхода, кроме отчаянной обороны.

Если кампания должна была начаться только 8 октября, то на Майне прусская армия могла быть не ранее середины октября; следовательно, надо было ожидать найти там противника почти сосредоточившимся, так как в 14 суток можно довольно свободно пройти 30—40 миль (225—290 *км*). Таким образом, хотя сохранили идею наступления, так как при этом все же было больше всего надежды обрушиться всеми силами на часть сил противника, однако, это наступление перешло теперь в категорию обыкновенных.

Прежде чем продолжать рассмотрение плана операций, мы должны сказать несколько слов о распределении сил армии. Герцог Евгений Вюртембергский с западнопрусскими войсками численностью в 16 000 человек образовывал резервную армию, которую подтянули в Саксонию позднее всех остальных войск, так как думали, что она может понадобиться в Вестфалии. Хотя это было двойной ошибкой, во-первых, потому, что всякий стратегический резерв является нелепостью, а, во-вторых, потому, что дело, очевидно, должно было решаться в Саксонии, а не в Вестфалии, однако, этому не приходится слишком удивляться, потому что это вполне соответствовало обычным взглядам людей. Таким образом, герцога Вюртембергского приходится скинуть со счетов, и для вторжения в Франконию оставались две армии и корпус, а именно главная армия под непосредственным командованием герцога, силезско-саксонская армия под командованием князя Гогенлоэ и корпус генерала Рюхеля.

По настоянию полковника Шарнгорста армия была разделена на дивизии из всех родов войск. Состав армии был следующий:

главная армия	6 дивизий
силезско-саксонская армия . . .	5 »
корпус генерала Рюхеля . . .	3 »
Итого . . .	14 дивизий

Это деление на две главные армии, бесспорно, противоречило всем разумным принципам. Каждая лишняя ступень в организации ослабляет командование. Но если дивизий было слишком много,

чтобы можно было непосредственно подчинить их герцогу, то было бы вполне уместно, как всегда делается в новейшее время, сформировать корпуса из 2—3 дивизий. Это дало бы 5—6 корпусов — как раз самое удобное число для обычных потребностей операций. Но князь Гогенлоэ уже командовал таким корпусом в 1792, 1793 и 1794 годах; он начал играть в прусской армии более важную роль, чем герцог, так как был моложе последнего на 10—12 лет и предприимчивее; считали, что ему нельзя отказать в командовании отдельной армией, хотя и под главным командованием герцога; поэтому для него была сформирована армия, примерно, такой же численности, как главная армия. Чем больше отряд, которым командует подчиненный генерал, тем самостоятельнее хочет быть этот последний, тем большая доля энергии главнокомандующего растворяется в силе этого подчиненного. В этом смысле князь Гогенлоэ позволил своему беспокойному другу и генерал-квартирмейстеру Массенбаху увлечь его в такую крайность, которая, правда, не является чем-то необыкновенным при отсутствии властного главнокомандующего, но которая в том опасном положении, в каком мы находились, является вдвойне опасной.

Гогенлоэ и Массенбах, по собственному их признанию *, имели намерение поставить себя до известной степени в положение, независимое от герцога, и выдвигали принципы управления, которые нельзя было допустить даже по отношению к генералу, командующему на отдельном театре военных действий в 10—20 милях (75—150 *км*) от главного, и которые были уже совершенно немыслимы на одном и том же театре войны. Правда, Гогенлоэ и Массенбах так и не добились осуществления этого неразумного требования, однако, главное командование ограничилось тем, что оставило это требование без ответа, вместо того чтобы сразу же резким внушением приучить их к повиновению. Во время кампании герцог ни разу не мог решиться говорить с князем Гогенлоэ определенным тоном прямого приказа, а всегда предоставлял ему гораздо большую свободу, чем это совместимо с упорядоченным ведением войны. К этому извращенному мнению Гогенлоэ и Массенбаха относительно того, что им подобало, следует еще добавить их расхождение во взглядах с герцогом насчет плана кампании; обе эти причины привели к тому, что Гогенлоэ и Массенбах так и не приняли

* Рассказ очевидца — участника кампании князя Гогенлоэ в 1806 году Р. ф. Л. (R. v. L., стр. 25). — *Прим. автора.*

идеи герцога, держались про себя совершенно другого направления, и, как неправильно поставленный корабль, их лишь с большим трудом и усилиями удалось привести в движение.

До открытого неповиновения они не дошли; но их вечные возражения, их постоянные жалобы на ослепление и неведение, естественно, должны были еще увеличить слабость и нерешительность и без того слабого командования. В конце концов король стал недоверчивым, герцог с каждым днем становился все нерешительнее, совещаниям не было конца, нерешительность росла гигантскими шагами.

Коснувшись этого положения князя Гогенлоэ, продолжим рассмотрение плана операций. Герцог вручил его королю 25 сентября, следовательно, в это время он был уже готов, и с этого момента его и надо оценивать.

Передвижения французской армии либо еще не начались, либо еще не были известны, но, как мы сказали выше, их можно было предугадать. Можно было ожидать встретить на Верхнем Майне значительные части неприятельской армии, однако, надеялись иметь численное превосходство над ними, так как самые удаленные части противника вряд ли успели бы прибыть в этот район к тому времени, когда туда подошла бы прусская армия (примерно, к середине октября). Дальнейшие события показали, что это предположение было ошибочным и что на Верхнем Майне пришлось бы драться с такими же, если не большими, силами противника, какие прусская армия в действительности имела против себя на Заале. Тем не менее из-за этого нельзя считать самую идею наступления неправильной, так как на войне никогда нельзя быть уверенным в правильности таких расчетов, и ошибка была во всяком случае простительной. Но, конечно, это наступление уже не оправдывалось одними лишь соображениями, говорившими в пользу внезапного наступления, которое было бы предпринято на 14 суток раньше, да и вообще не оправдывалось ничем, кроме поднимающего моральное состояние армии сознания, что она является наступающей стороной; но этому соображению в то время придавали слишком большое значение.

Весь вопрос сводился теперь к тому, какими путями наступать на противника. Имелись следующие возможности:

1) оставить Тюрингенский лес справа и наступать через район Хофа на Бамберг;

2) оставить его слева и наступать по Франкфуртскому шоссе;

3) наступать прямо через Тюрингенский лес на Вюрцбург;

4) разделиться и наступать по двум или даже по всем трем главным направлениям.

При выборе направления надо было руководствоваться следующими основными соображениями:

первое — насколько возможно сохранять силы сосредоточенными, так как самое главное было иметь в бою превосходные силы;

второе — действительно встретить значительную часть армии противника, а не наносить удара по воздуху; так как приходилось учитывать, что противник вскоре будет значительно сильнее нас, то нельзя было рассчитывать обойти его; если бы не удалось встретить значительную часть его сил и нанести им решительный удар, мы могли оказаться в положении обойденного, а следовательно, в большой опасности;

третье — сохранить за собой по возможности прямой путь отступления.

Соображение первое совершенно исключало идею наступления главной массы войск больше, чем по одному направлению; соображение второе исключало направление на Франкфурт, так как там был расположен только один корпус противника — корпус Ожеро, который мог бы отойти на центр, и тогда это наше движение оказалось бы тем более неправильным, что с Франкфуртского шоссе нельзя было свернуть влево, так как тогда пришлось бы переходить по проселкам через ренские горы.

Таким образом, для наступления оставался выбор только между Тюрингенским и Байройтским лесами. Если ближайшими пунктами для отступления считать Магдебург и Виттенберг, то отступление было бы обеспечено лучше всего, если бы наступали через Тюрингенский лес, но если предполагали отступать главными силами на Дрезден, то направление на Хоф было удобнее. Несомненно, отступление на Виттенберг и Магдебург было более естественным, так как при этом была бы дольше обеспечена столица; Эльбу было легче оборонять между Виттенбергом и Магдебургом, чем под Дрезденом, так как эта река позволяла задержаться на более продолжительное время; кроме того, Силезия лучше обеспечена благодаря своему положению позади Богемии и благодаря своим многочисленным крепостям, чем Бранденбургская Марка. Это соображение заставляло выбрать направление через Тюрингенский лес. Кроме того, наступая по этому направлению, прусская армия оста-

валась бы в центре и скорее могла бы отразить возможный обход своего правого фланга, чем в случае наступления на Хоф, то есть на левом фланге. Наконец, немаловажным преимуществом было и то обстоятельство, что противник был бы, вероятно, застигнут врасплох этим наступлением прямо через Тюрингенский лес, так как действительно было бы нечто несбыточное в этом движении через главный хребет вместо лежащих справа и слева седловин. Но это преимущество, вероятно, погашалось неудобством дорог. На основании этих соображений и был составлен план герцога.

Десять дивизий должны были перейти через Тюрингенский лес шестью колоннами по смежным дорогам, соединиться под Мейнингеном и Хильдбурггаузеном и затем перейти в наступление.

Одна дивизия должна была оставаться в Байройтском лесу для прикрытия тамошних перевалов.

Три дивизии должны были наступать по Франкфуртскому шоссе, чтобы сковать корпус Ожеро.

В этом плане операций заслуживает порицания лишь то, что, вероятно, из уважения к генералу Рюхелю не захотели делить три дивизии его корпуса, так как иначе было бы лучше обойтись на последнем направлении одной или двумя дивизиями и соответственно усилить главную армию. Но так как численность трех дивизий все равно была не больше, чем корпус Ожеро, который они, по всей вероятности, сковали бы, то эта ошибка была незначительной.

Движение должно начинаться 9 октября, а 10-го, самое позднее 11-го, рассчитывали быть в Хильдбурггаузене и Мейнингене.

Конечно, можно было опасаться, что этот план, составленный 25 сентября, уже нельзя будет привести в исполнение, но это нельзя было знать заранее, и поэтому его составление все же нельзя считать ошибкой. Если бы противник предупредил нас, мы могли бы перейти к обороне, не ставя себя в невыгодное положение; а на войне всегда приходится считаться с возможностью того, что наши намерения окажутся расстроенными и что придется составлять другие планы.

Таким образом, план наступления пришлось дополнить соображениями об обороне, к которой предполагали перейти в случае необходимости, и эти соображения вошли составной частью в общий план операций. План обороны заключался в том, чтобы временно занять сосредоточенное расположение под Эрфуртом или

Веймаром. Если бы главные силы противника двинулись по Франкфуртскому шоссе, то мы оказались бы прямо против них, точно так же, как если бы они двинулись через Тюрингенский лес. Если бы они прошли через Байройтский округ, то мы оказались бы отделенными от них р. Заалой, и, если бы они продолжали движение в этом направлении, не обращая на нас внимания, мы могли бы следовать за ними с фланга и преградить им путь у Вайсенфельса. Если бы противник в этом случае исполнил захождение влево, чтобы переправиться через Заалу и напасть на нас, то это лучше всякой другой обстановки открывало бы для нас возможность выгодных наступательных комбинаций. Долина р. Заалы имеет характер крутой горной теснины, а лежащая за ней равнина допускает быстрые передвижения. Таким образом, можно надеяться, что если будет сочтено уместным дать сражение, то удастся напасть превосходными силами на одну из колонн противника.

Правильность этого предположения настолько подтвердилась, что, когда действительно произошел последний из вышеупомянутых случаев, прусская армия, несмотря на всю нерешительность и целый ряд ошибок, все же смогла под Ауэрштедтом атаковать с 45 000 человек 27 000 французов, которые, опираясь тылом на обрывистые склоны долины Заалы, оказались в одном из худших положений, какое возможно на войне. Правда, было рискованно обороняться против неприятеля, располагавшего численным и моральным превосходством, на фланговой позиции с повернутым фронтом и естественной линией отхода в сторону фланга. Но при достаточной осмотрительности можно было бы своевременно предотвратить вытекающие отсюда неудобства. В худшем случае мы все же имели бы у себя в тылу обширную дружественную страну, тогда как Бонапарту пришлось бы сражаться также с повернутым фронтом, имея линию отступления в сторону левого фланга и сохраняя в тылу лишь узкую полоску территории до границы Богемии *.

* Обычно ужасную катастрофу, постигшую прусскую армию в 1806 году, объясняют этим ее облическим расположением. Однако, это — близорукий, а потому неправильный взгляд. Правда, если бы линия отступления прусской армии вела прямо в тыл, то дело не завершилось бы капитуляцией Гогенлоэ под Пренцлау. Однако, при очень скверном состоянии нашей армии, под которым я подразумеваю, главным образом, старость и все же неопытность высшего офицерства, мы, вероятно, вернулись бы в Пруссию не только с одними названиями прежних корпусов. Разложение было вызвано не тем, что мы

Против этого плана герцога, плана, который всегда казался мне простым, естественным и понятным, горячо восстали князь Гогенлоэ и полковник Массенбах. Они еще раньше — благонамеренно, но непрошенные — представили королю свои соображения о ведении всей войны. Эта самонадеянность показывает, в каком состоянии духа и настроении находились оба. План, на проведении которого они настаивали, заключался в том, чтобы армия Гогенлоэ, усиленная до шести дивизий, заняла проходы у Заальфельда, Заальбурга, Хофа и Адорфа; главная армия должна была наступать по Франкфуртскому шоссе на Эйзенах и Фах и затем двумя большими массами, подобными фланговым бастионам, обойти Тюрингенский лес в то время, как 10 000 человек заняли бы последний, а генерал Рюхель вел бы а к т и в н у ю о б о р о н у на правом фланге (то есть, повидимому, в Гессене или в Айхсфельде). Эти сбивчивые идеи, родившиеся в путаном мозгу Массенбаха, почти все журнальные писатели более или менее приняли за основу своих суждений в зависимости от их большего или меньшего понимания дела. Однако, в недалеком будущем, вероятно, всюду воцарится убеждение, что на войне крупные передвижения и комбинации всегда должны быть очень простыми и не потому, что сложные движения слишком трудно выполнимы, а потому, что они в большинстве случаев являются только ненужными ухищрениями, фокусами, не ведущими прямо к цели. Тогда, может быть, предстанет во всей своей наготе эта ложная ученость генерального штаба, которой в течение почти целого столетия отводят глаза правительству и обществу; тогда можно будет только удивляться всем этим пустым выражениям, однобоким сравнениям и путаным фразам, как, например, «фланговые бастионы» и «а к т и в н а я о б о р о н а», в таком серьезном деле, в котором важнее всего величайшая

должны были с самого начала считать себя отрезанными, а тем, что мы не знали, как вести себя при всякой обстановке и в любом положении. Тот, кто считает основной причиной нашего поражения облическое расположение на Заале, является невеждой в военной истории. Как часто Фридрих Великий добровольно выбирал расположение с полуперевернутым фронтом и как часто он выходил без ущерба из еще более перевернутого расположения, которое он бывал вынужден принимать под давлением необходимости. Правда, он имел большое моральное превосходство, тогда как здесь дело обстояло как-раз наоборот. Но зато в данном случае имелась тысяча средств и способов, чтобы вновь обеспечить себе путь отступления, которым сначала пожертвовали. — *Прим. автора.*

ясность и точность представлений. Однако, довольно негодования! Автор выражает его не для того, чтобы предостеречь потомство, а чтобы отвести от себя подозрение в том, что и он мог попасться на удочку этой бессмыслицы.

Как только князю Гогенлоэ и полковнику Массенбаху стал известен план операций герцога, они были вне себя и решили проявить величайшую деликатность и тактичность тем, что строго-настрого запретили своему штабу издеваться над этим планом. Видя, что их план формально не принят, они захотели втянуть герцога в такие действия, которые силой обстоятельств увлекли бы его на правый берег Заалы. Оборонительное расположение на правом берегу Заалы было бы само по себе более естественным, простым и менее опасным; таким образом, в пользу его можно было сказать многое. Но об этом не было и речи, а идея герцога была совсем иная. Поэтому можно считать ошибочным и гибельным стремление штаба Гогенлоэ силой вовлечь герцога в круг этой идеи и тем самым еще более усилить нерешительность и путаницу в главном командовании. С этого момента представлениям и угрожающим предостережениям не было конца, и вся деятельность Массенбаха была направлена на то, чтобы насильно втянуть герцога в наступление по правому берегу Заалы.

К 4 октября, когда герцог со своей штаб-квартирой находился в Эрфурте, а армия еще выдвигалась в район сбора, было получено столько сведений о противнике, что можно было усомниться в том, удастся ли еще выполнить план наступления, составленный 25 сентября. Было ясно, что мы встретим соединенные силы противника на Верхнем Майне или уже во время их марша в Саксонию. Узнали, что Бонапарт уже прибыл в Ашаффенбург, и действительно, как выяснилось впоследствии, французская армия находилась в это время уже на линии Нюренберг — Бамберг — Швайнфурт — Хаммельбург.

С этой минуты ясно выявилось внутреннее состояние герцога. Он втайне желал, чтобы что-нибудь помешало началу войны, и имел тайное намерение использовать присутствие короля, чтобы совершенно отойти на второе место. Поэтому вместо того, чтобы принять соответствующее обстоятельствам решение, как ему пришлось бы сделать, если бы он был один, он воспользовался положением, создавшимся в армии, чтобы 5 октября созвать совет, на котором и предстояло решить, что делать дальше.

4 октября, ввиду того, что генерал Рюхель еще не приехал, у герцога состоялось предварительное совещание с генералом Пфулем, полковником Массенбахом, генерал-адъютантом короля полковником Клейстом и капитаном Генерального штаба Мюффлингом. Герцог в сущности уже отказался от идеи наступления, но не высказывал этого. Он выражал свое убеждение в том, что французы стремятся занять позицию за р.р. Баунах и Франконской Заалой и что Бонапарт будет избегать перехода в наступление, чтобы не казаться агрессором. Массенбах привез с собой данные рекогносцировки французских позиций в Франконии с тайным намерением вызвать этим наступательное движение на правом берегу Заалы *.

Идея безусловной необходимости отхода на правый берег Заалы совершенно овладела Массенбахом. Он непрестанно говорил об этом и тянул туда, как норовистая лошадь к стенке. Однако, во всех его представлениях было так мало ясности и было так очевидно, что он сам не отдает себе ясного отчета в своих идеях, а все было сдобрено такими риторическими излияниями, что он никого не убедил и только способствовал усилению нерешительности. Настоящее совещание состоялось 5 октября; кроме его величества короля, в нем участвовали следующие лица:

герцог Брауншвейгский,
фельдмаршал фон-Меллендорф,
князь Гогенлоэ,
генерал фон-Рюхель,
генерал фон-Пфуль,
генерал фон-Кекриц,
полковник фон-Массенбах,
полковник фон-Шарнгорст,
полковник фон-Клейст (генерал-адъютант короля),
граф Гаугвиц,
маркиз Луккезини.

Полковник Массенбах снова настаивал на переходе обеих главных армий влево через Заалу, чтобы атаковать неприятельскую армию во время ее наступления и тем не дать отрезать себя от Верхней Эльбы и Силезии. Тем временем генерал Рюхель должен был разведывать и сковывать противника; где и как — об этом не было сказано.

---

* «Исторические воспоминания к истории упадка прусского государства», труд полковника Массенбаха, часть II, стр. 59. — *Прим. автора.*

Полковник Шарнгорст, которому надоело вечное расхождение во мнениях и который видел опасность, угрожавшую нам при таком управлении армией, заявил, что на войне не так важно, что именно делаешь, как то, чтобы действовать с соответствующей энергией и единством. Ввиду того, что расхождение во взглядах командующих главными армиями и их генерал-квартирмейстеров так велико и что попытка примирить их заняла бы слишком много времени и все же оказалась бы тщетной,— он предлагает командованию главной армией уступить и выполнить предлагаемое князем Гогенлоэ и полковником Массенбахом движение налево, но сделать это немедленно и с величайшей энергией. Однако, полковник Массенбах так мало убедил собрание, что и это не помогло. Так как на это не хотели согласиться, то Массенбах предложил сбор на трех позициях: генерала Рюхеля — под Краула на дороге из Эйзенаха в Лангензальцу, главной армии — под Эрфуртом, князя Гогенлоэ — на высоте Эттерсберг близ Веймара, что он считал сосредоточенным расположением. Это предложение достаточно ясно доказывает, что и полковник Массенбах не был уверен в том, что французская армия действительно будет наступать через Франконию. В последнем предположении можно было найти целесообразным только расположение близ Веймара, то есть возможно ближе к Заале. Но такое предложение не встретило общего одобрения, совещание было прервано, прежде чем пришли к какому-нибудь заключению, и продолжалось после обеда у герцога.

Здесь было принято решение продолжать движение до 8-го, когда была назначена общая дневка, но от всех трех армий выслать разведку в сторону противника и временно выбрать три позиции: для генерала Рюхеля — под Краула, для главной армии — под Эрфуртом, для армии князя Гогенлоэ — под Хохндорфом близ Бланкенхайна. Но король отверг предложение о разведке, и поэтому было решено послать только одного офицера генерального штаба (капитана Мюффлинга) на Франконскую Заалу. Сведения, которые он должен был добыть, могли быть получены в главной квартире уже 8-го, и, таким образом, движение через Тюрингенский лес, если бы его еще сочли уместным, могло совершиться 9-го, как было назначено.

Здесь и в дальнейшем герцог Брауншвейгский предстает перед нами в очень невыгодном свете, то есть как человек, не находящийся на высоте положения, не могущий побороть боязни и забот

и совершенно запутавшийся в поисках выхода там, где его не было.

Идея добиться на совете из 12 лиц решения того, что он сам мог решить при условии наличия у него хоть единой ясной мысли, надежда предотвратить войну, мнение, будто французы займут в Франконии оборонительную позицию, предложение выслать разведку при удалении в 12 миль (более 75 *км*) от противника — все это свидетельствует о полнейшей растерянности. Таким беспомощным герцог не был сам по себе и не был бы, если бы оставался один, но, привыкнув всегда маскировать собственное мнение и подчиняться высшему решению, окруженный людьми, которые, очевидно, были приставлены к нему, чтобы контролировать его действия, он счел нужным, наполовину из чувства долга, наполовину по политическим соображениям, всюду отступать на задний план, чтобы не отягчить своей ответственности за неуспех тем, что он, мол, считал себя умнее всех, которые были призваны служить ему советниками *. Таким образом, те ясность мысли и решимость, которые еще оставались у него в 70-летнем возрасте, окончательно исчезли вследствие внутренних трений в организованном не по-военному главном командовании.

6 октября положение прусской армии было отнюдь не запутанным и не опасным. Если считали, что уже нельзя рассчитывать на достижение эффекта стратегической внезапности, то надо было просто решиться на то, чтобы извлечь из обороны все преимущества, которые она могла представлять, то есть надо было дождаться наступления противника в Саксонии, чтобы затем либо самим атаковать его, либо дать ему атаковать нас на хорошо выбранной позиции, либо, наконец, если бы он оказался слишком сильным, отходить шаг за шагом внутрь страны, чтобы соединиться со своими подкреплениями. Наступление на противника сулило успех только в том случае, если можно было надеяться застать его разделенным, так как иначе наступление в Саксонии имело не больше смысла, чем наступление в Франконии, от которого только что отказались.

---

* Те, кто знает кампанию только по мемуарам Массенбаха, сочтут, что катастрофа была вызвана именно упрямством герцога и его пренебрежением всеми хорошими советами; однако, это — односторонний взгляд. Если не последовали советам Массенбаха, то вовсе не потому, что их отверг один герцог но потому, что против них высказалось большинство, если не все голоса. Король, генерал Пфуль, генерал Рюхель были решительно против. — *Прим. автора*

Если хотели дать противнику атаковать нас на хорошей позиции, то это могло означать только, что мы должны были расположиться на удобном для нас естественном рубеже, который противник должен был бы преодолеть, чтобы подойти к нам, а затем использовать все преимущества, предоставляемые местностью, чтобы сочетать оборону с наступлением. Так как здесь не могло быть и речи об укрепленном лагере с обеспеченным тылом, пассивность обороны ни в коем случае не должна была простираться так далеко, чтобы спокойно дожидаться подхода противника в пределы тактической досягаемости нашей позиции; в этом случае нам как слабейшей стороне пришлось бы ожидать самого худшего от охвата с его стороны.

Наконец, намерение отойти внутрь страны без решительного боя оправдывалось только в том случае, если бы обстановка оказалась слишком неблагоприятной для решительного боя. Таким образом, наступление на противника или отход в глубь территории должны были зависеть от обстановки, и в этом отношении нельзя было сделать много больше, чем временно расположиться в центре театра военных действий. Но намерение до известной степени уравнять свои силы с силами противника путем использования выгодной для нас местности уже заранее предопределяло выбор района, в котором предполагалось дать сражение.

Здесь следует упомянуть еще об одной альтернативе. Река Заала образует глубоко врезанную долину, и эта долина в сочетании с другими особенностями местности делит театр войны на две части, совершенно различные по своим свойствам. Если расположиться на левом берегу р. Заалы, то можно обратиться фронтом против неприятеля, наступающего через Эйзенах или прямо через Тюрингенский лес, причем обеспечен прямой отход на Магдебург и Виттенберг. Зато противника, наступающего через Байройтскую область, можно будет в этом случае встретить только на фланговой позиции.

Если расположиться на правом берегу Заалы, то мы будем обращены фронтом к противнику, наступающему через Байройтскую область, и иметь прямой путь отхода на Лейпциг или Дрезден. Но в этом случае нельзя занять флангового расположения по отношению к противнику, наступающему через Эйзенах или Тюрингенский лес, так как нельзя обратиться тылом к Богемии.

Но, кроме того, в этом случае, ввиду близости Богемии, отступление будет ограничено гораздо более узкой базой, и если располагающий превосходными силами противник сочтет нужным пройти мимо нашего правого фланга или хотя бы только сделает вид, что собирается обойти наш правый фланг, то мы вообще не сможем принять боя, так как мы подвергнемся опасности быть оттесненными в Богемию.

Поэтому от противника зависит отогнать нас без боя до Эльбы так скоро, как он только может двигаться.

Не так обстоит дело на левом берегу Заалы, где мы имеем за собой всю Северную Германию и, следовательно, в случае необходимости можем отступить в любом направлении; мы говорим в случае необходимости, так как мы отнюдь не отрицаем большого значения сохранения связи с Одером и Пруссией. Так как нельзя было переправляться через Заалу с ее крутыми берегами в последнюю минуту и в присутствии противника, то приходилось принимать своевременное решение, на каком берегу дать сражение.

Пока было еще совершенно неизвестно, будет ли противник наступать главными силами через Эйзенах или через Тюрингенский лес, или через Хоф, расположение на левом берегу Заалы было более центральным и более пригодным для всех трех форм сопротивления, то есть для перехода в наступление, для обороны и для отхода в глубь страны. Но как только с уверенностью выяснится, что следует ожидать наступления противника через Байройтскую область, эту позицию можно будет использовать только как фланговую позицию. Выступить с нее фронтально против неприятеля в последнюю минуту уже было бы невозможно, так как приходилось опасаться одновременного прибытия с ним в намеченный район расположения, а это значило бы действительно дать застигнуть себя во время флангового марша, при этом на сильно пересеченной местности, во всех отношениях неудобной для нас.

Таким образом, если ни в коем случае не хотели подвергаться опасностям, присущим всякому фланговому расположению, то нужно было, отказавшись от наступления, то есть 5 октября, немедленно двинуться на шоссе, ведущее из Лейпцига в Берлин, откуда мы имели бы прямой путь отступления на Берлин и в крайнем случае могли бы лучше всего уйти. Правда, при этом мы не имели бы никакой надежды на успех в сражении. Но расположение за За-

алой было на редкость удобным фланговым расположением и обещало превосходную обстановку в случае сражения. Это соображение снова возвращает нас к рассмотрению вопроса о фланговой позиции.

Первое требование, предъявляемое к фланговой позиции, заключается в том, чтобы противник не мог пройти мимо нее, без того чтобы не почтить ее своим вниманием. Это условие крайне трудно выполнимо, но в данном случае оно было бы выполнено целиком. Коммуникация французов проходила бы по такой узкой полоске между Заалой и Богемией и эта коммуникация была настолько открыта для флангового удара из-за Заалы, что они никоим образом не могли продолжать движение, не атаковав прусскую армию, расположенную за р. Заалой.

Второе условие фланговой позиции заключается в том, что она должна представлять выгоды для самого боя, иначе не имеет смысла занимать ее. Долина Заалы является глубокой впадиной гористого характера, через которую противник мог перейти только отдельными колоннами; по левому берегу параллельно ей тянется ровное, плодородное плато, допускавшее самые точные маневры нашей армии. В то время как мелкие отряды нашей армии занимали бы самую долину Заалы и могли бы оказывать там сопротивление в течение непропорционального их силам продолжительного времени, наша армия могла бы из своего центрального расположения обрушиться на ту часть армии противника, которая обещала наибольшие выгоды. Противнику пришлось бы драться тылом к крутым обрывам Заалы, имея едва достаточное пространство для развертывания, драться, имея в тылу королевство Богемию, а узкую лазейку через Фойхтландскую область, куда ему пришлось бы отступать,— с фланга.

Таковым было расположение за Заалой по отношению к противнику, который повел бы наступление через Байройтскую область. Вообще же говоря, небольшой театр, на котором оно находилось, был ограничен в направлении на противника с одной стороны Тюрингенским лесом и Айхефельдом, а с другой — глубокой впадиной долины Заалы. Внутри этого района находилась плодородная равнина, на которой войска не голодали бы и которая повсюду допускает самые быстрые и точные передвижения. Действительно, вряд ли можно найти в истории второй пример такого удобного положения для обороняющейся армии.

Если бы занять центральное расположение под Эрфуртом, то

можно было бы выступить прямо навстречу всякому, кто подходил бы через Эйзенах или Тюрингенский лес, и обрушиться превосходными силами на одну из отделившихся колонн противника. Если бы противник появился через Байройтскую область, то следовало перейти в Веймар и занять переправы через Заалу. Если бы тогда противник захотел пройти мимо нас, что, правда, трудно было себе представить, то можно было бы под прикрытием долины Заалы в полной безопасности обогнать его по большой дороге на Мерзебург и таким образом легко возвратить себе пространство, временно уступленное голове колонны противника. Для этого было достаточно небольших приготовлений в виде наводки двух-трех мостов под Фрейбургом и занятия Кезена и Мерзебурга. Это было бы нормальным и более осторожным образом действий; но при достаточной смелости можно было бы переправиться через Заалу в тылу у противника и атаковать его во фланг и с тыла, так чтобы у него не было другого пути отступления, как через Богемию. Этот смелый шаг оправдался бы благоприятным для нас расположением тыловых дорог: у противника не оставалось бы ни одной, а мы имели бы в своем распоряжении все занятые нами переправы через Заалу. При подобной обстановке Бонапарт ни минуты не поколебался бы нанести таким образом самый решительный удар, какой только возможен на войне. Но, конечно, при моральном и численном превосходстве противника и при слабости нашего главного командования такого шага нельзя было ожидать. В данном случае полковник Шарнгорст дал такой совет, но герцог отверг его.

Если бы противник не стал двигаться мимо нас, а завернул бы влево, чтобы атаковать нас, то сражение разыгралось бы при упомянутых благоприятных для нас условиях. Это-то и случилось в действительности, и это подтверждает правильность только что сделанного вывода. 14 октября герцог с 45 000 встретил 27 000 противника под командованием Даву. Если бы 13-го герцог не ушел в Ауэрштедт и если бы мы отказались от «закусок» в виде боя под Заальфельдом и экспедиции в Франконию, то 80 000 человек могли бы точно так же двинуться 14 октября на Иену против Бонапарта, который имел там в сборе всего 60 000; при этом оставалось бы еще 25 000 для занятия Кезена, Камбурга и Дорнбурга. Эти силы не пропустили бы Мюрата, Даву и Бернадота или, по крайней мере, помешали бы им во-время появиться под Иеной.

Таким образом, решение, которое надо было принять 6 октября, когда отказались от наступления, было в высшей степени простым, а именно: надо было оставить корпус генерала Тауэнцина под Хофом в качестве обсервационного корпуса, приказав ему отходить на Наумбург, не принимая серьезного боя; занять переправы через Заалу от Заальбурга до Иены; войска князя Гогенлоэ расположить за Иеной, главную армию и корпус генерала Рюхеля — под Эрфуртом, выдвинув сторожевое охранение на высоты Тюрингенского леса и на дорогу на Эйзенах.

Меры, принятые в действительности, не очень отличаются от указанных здесь, и можно было совершенно спокойно дожидаться 14 октября без неудач и без слишком больших волнений при следующих условиях:

1) если бы генерал Тауэнцин при своем отходе не понес слишком больших потерь из-за того, что он оказал противнику ненужное сопротивление; направление движения этого генерала на Иену имело ту отрицательную сторону, что, как теперь мы уже знаем, голова колонны противника далеко продвинулась по Лейпцигской дороге и что противник нашел Наумбург и Кезен незанятыми;

2) если бы принц Луи не был разбит, что явилось следствием его совершенно бесполезной безрассудной смелости;

3) если бы армия Гогенлоэ, во-время не сосредоточенная, не оказалась в состоянии смятения и панического страха, о чем мы скажем ниже;

4) если бы герцог не дал себя уговорить на нелепое наступление на Франконию под командованием герцога Веймарского.

Эти четыре обстоятельства привели к тому, что в сражении армия была на 20 000 человек слабее, чем могла бы быть, и что ее мужество и уверенность были уже поколеблены. Но эти события не были следствием ни прежнего плана наступления, ни избранного расположения; за исключением двух обстоятельств — неправильного направления отхода Тауэнцина и наступления, предпринятого на Франконию,— они были следствием неправильных мероприятий даже не самого герцога, а подчиненных ему командующих. Но, конечно, благоприятный результат нашей стратегической обстановки предполагал наличие армии, умеющей драться, и полководцев, достаточно решительных, чтобы использовать временный перевес в силах, достаточно предусмотрительных, чтобы не упустить самых существенных мероприятий. В то время полагали, что этого можно

ожидать от прусской армии, от герцога Брауншвейгского и от князя Гогенлоэ. Конечно, если бы можно было предвидеть ту неловкость, с которой мы вели себя в боях, нерешительность и растерянность наших полководцев до последней минуты, огромное количество случаев неповиновения, противоречий, путаницы, имевших место до самого конца, то безопаснее всего было бы посоветовать расположиться по прямой Лейпцигской дороге, чтобы, по крайней мере, иметь более легкий путь отступления.

Вернемся теперь к рассмотрению событий.

7 октября прусская армия занимала еще обширные районы расквартированием от Крейцбурга и Фаха до Заалы, а князь Гогенлоэ, вопреки полученному им приказу, даже оставил саксонцев на расстоянии большого перехода за Заалой у Нейштадта. Генерал Тауэнцин стоял еще под Хофом, откуда он выступил 7-го вечером. Резерв под командованием герцога Вюртембергского собирался в Бранденбургской провинции. Французская армия продвигалась тремя большими колоннами. Правое крыло, состоявшее из корпусов Сульта и Нея, подходило через Байройт и Хоф, куда оно прибыло 8 октября. Центр, при котором находился Бонапарт, состоял из корпусов Бернадота и Даву, гвардии и резервной кавалерии под командованием Мюрата и наступал через Бамберг и Кранах; 8-го он дошел до Заальбурга. Левое крыло, состоявшее из корпусов Ланна и Ожеро, двигалось от Швайнфурта через Кобург, куда оно пришло 8-го. Главная квартира Бонапарта была 8-го в Штайнвизене.

Как сказано выше, прусская армия была разделена на 14 дивизий из всех родов войск; при этом избрали неправильную систему распределения конницы между всеми дивизиями по 10—15 эскадронов на дивизию. Себе не оставили крупного кавалерийского резерва.

Корпус генерала Рюхеля состоял из дивизий Лариша, Вининга и Чаммера.

Главная армия состояла из дивизий герцога Веймарского (авангард), принца Оранского, графа Вартенслебена, графа Шметтау и резерва под командой графа Калькрейта в составе дивизии графа Кунгейма и генерала Арнима.

Армия Гогенлоэ состояла из дивизий графа Тауэнцина и принца Луи (авангард), Граверта, Цецешвица (саксонцы) и Притвица.

Несколько саксонских полков было придано генералу Тауэнцину и принцу Луи.

Состав див. главной армии можно принять по 9 000 чел., итого	. .	54 000	чел.
» » армии Гогенлоэ по 8 000 чел.	» . .	40 000	»
» » корпуса Рюхеля по 6 000 чел.	» . .	18 000	»
	Всего . .	112 000	чел.

8-го у нас была общая дневка; только генерал Тауэнцин продолжал свой отход до Шлайца.

9-го генерал Тауэнцин был атакован под Шлайцем французами под командой Бернадота; он оказал плохо задуманное и организованное сопротивление, понес значительные потери, и его дивизия, наполовину рассеянная, была отогнана за р. Орла под Нейштадтом, где ее приняла на себя дивизия генерала Цецешвица.

Распоряжения на 9-е предусматривали, что генерал Тауэнцин отойдет на князя Гогенлоэ, а последний займет переправы через Заалу в Келе, Орламюндэ и Рудольштадте, и сам расположится на позиции у Хохндорфа близ Бланкенхайна; что главная армия двинется туда же, а генерал Рюхель перейдет в Эрфурт. В то же время на предложение капитана фон-Мюффлинга—атаковать тылы французов в Франконии несколькими кавалерийскими полками — было отдано распоряжение о таком набеге под руководством генерала Рудорфа, но, к сожалению, и герцогу Веймарскому было приказано перейти со всем авангардом через Тюрингенский лес, чтобы поддержать этот набег. Генералу Рюхелю тоже было приказано двинуть несколько тысяч человек в наступление на Хамельбург. Это мелкое предприятие, о котором можно поистине сказать, что оно было совершенно несвоевременным, ослабило армию для сражения, примерно, на 12 000 человек. 9 октября армия находилась в следующем расположении:

генерал Тауэнцин отходил на Миттель-Пельниц;

генерал Цецешвиц находился под Миттель-Пельницем;

генерал Граверт — под Орламюндэ;

принц Луи — у Рудольштадта;

генерал Притвиц — под Иеной;

герцог Веймарский выступил, чтобы перейти через Тюрингенский лес.

Главная армия выступила со своих квартир, чтобы соединиться под Хохндорфом; генерал Рюхель выступил на Эрфурт.

В этот же день французское правое крыло наступает на Плауэ, центр направляется на Шлайц, где Бернадот бьет и отбрасывает

СРАЖЕНИЕ ПРИ ІЕНЕ 14 октября 1806 г.

генерала Тауэнцина. Левое крыло продвигается до Грефенталя. Главная квартира Бонапарта находилась в Эберсдорфе близ Заальсбурга.

10-го утром, получив сведения о наступлении крупных сил противника на Заальфельд, принц Луи выступил туда со своей дивизией и в надежде одержать там блестящий успех, так как он предвидел, что будет иметь дело только с одним корпусом противника, вступил в бой с маршалом Ланном. У принца было 12 батальонов и 18 эскадронов, то есть около 10 000 человек. Он мог предвидеть, что ему придется иметь дело с французским корпусом, то есть с 15 000—20 000, а может быть и с 25 000 человек. Местность была чрезвычайно неудобной: это было небольшое расширение долины Заалы по ту сторону города, окруженное заросшими склонами Тюрингенского леса, высоты которого уже были в руках противника. Принц не посчитался со всеми этими условиями. Мысль, что посредством прусской тактики и при том мужестве и решимости, которые он чувствовал в своей груди, он сможет разбить хотя бы вдвое сильнейшего противника, победила все сомнения. Он стал жертвой железной силы обстоятельств. Прусская тактика оказалась совершенно неудовлетворительной, мужество войск было вскоре поколеблено, только принц сохранил мужество и оставался верен своему решению; поэтому он не ушел с поля боя. Дивизия принца отошла в состоянии полного разложения на Рудольштадт, куда навстречу ей шел генерал Граверт. Потери составили, примерно, 4 000—5 000 человек.

Таким образом, с двумя дивизиями армии Гогенлоэ уже произошла катастрофа. Нельзя утверждать, что причиной этого были определенные распоряжения князя, но отчасти та самостоятельность, с которой он мыслил и высказывался, передалась и его подчиненным; последние действовали по своему усмотрению там, где они должны были бы считаться с общим замыслом. Генерал Тауэнцин и принц Луи были, повидимому, проникнуты мыслью, что вся армия будет переправляться на правый берег Заалы, и придавали слишком большое значение владению пространством на том берегу и обеспечению переправы. Другая беда заключалась в том, что князь слишком надолго оставил генерала Цецешвица под Нейштадтом и вообще не собрал свою армию в одном лагере и не занял переправ через Заалу небольшими отрядами, как это намеревался герцог Брауншвейгский. Теперь войска, находившиеся на том берегу Заалы, поспешили усиленными маршами через Рода на

Иену, куда они тем не менее прибыли только 11 октября в очень расстроенном виде.

Этот беспорядок, потеря дивизии Тауэнцина, разгром дивизии принца Луи внесли такое смущение в армию Гогенлоэ, что 10-го и 11-го под Иеной, когда распространился слух о том, что противник будто бы вступил в город, возникла позорная паника, и лишь с большим трудом удалось восстановить спокойствие и порядок. 10-го князь отправил полковника Массенбаха в королевскую ставку с новыми представлениями, и, таким образом, постоянное неправильное стремление руководить действиями всей прусской армии привело к тому, что в армии Гогенлоэ упустили принять необходимые меры.

В такие минуты, когда начинаются сложные и ускоренные маневры, когда необходимо отдавать множество тактических распоряжений, начальник штаба отнюдь не является лишним, и это недостойное состояние силезской армии 10 и 11 октября можно приписать только бездарности полковника Массенбаха и тому ложному направлению, которое он придал действиям князя. Легко понять, что это было плохой подготовкой к генеральному сражению.

Расположение армии 10 октября было следующее:

главная армия — под Хохндорфом, однако, ещё не полностью в сборе;

генерал Рюхель — под Готой;

части армии князя Гогенлоэ (приблизительно):

генерал Граверт — под Орламюндэ и на марше оттуда на Рудольштадт;

генерал Притвиц — под Иеной;

генералы Цецешвиц и Тауэнцин — на марше из Миттель-Пельниц на Рода.

Левое крыло французов под командой Ланна 10-го атаковало принца Луи под Заальфельдом. Ожеро был в полупереходе за ним.

Центр продвинулся до Аумы и Геры, правое крыло находилось на марше от дороги на Плауэ до дороги на Шлайц. Бонапарт был в Шлайце.

11-го часть центра продвинулась на большой переход в направлении на Лейпциг и Наумбург и стала, таким образом, правым крылом, тогда как прежнее правое крыло перешло в тылу его фланговым маршем на дорогу из Шлайца и, таким образом, сделалось центром.

В этот день французская армия была расположена следующим образом:

Мюрат — между Цайцем и Лейпцигом;

Бернадот — в Цайце;

Даву — в направлении на Наумбург;

Сульт и гвардия — в Гера;

Ней — в Нейштадте;

Ланн — в Иене;

Ожеро — в Келе.

Так как из Заальфельда противник не продвинулся дальше на левом берегу Заалы, то из этого следовало, что он либо просто пройдет мимо нас, либо наметил место атаки, а следовательно, переправы, ниже по течению реки Заалы. Поэтому было решено 11-го передвинуть главную армию в Веймар, а князю Гогенлоэ приказать занять позицию между Веймаром и Иеной (в этот день генералы Цецешвиц и Тауэнцин подошли к Иене), спешно отозвать назад герцога Веймарского и подтянуть его, а также генерала Рюхеля в Веймар.

12-го расположение нашей армии было следующее:

главная армия — под Веймаром;

генерал Рюхель — между Эрфуртом и Веймаром;

князь Гогенлоэ — под Капеллендорфом и Иеной;

герцог Веймарский — на марше на Ильменау.

В этот день узнали, что противник выслал отряд на Наумбург и занял этот город.

Хотя расположение армии было в общем таким, каким его представляли себе при рассмотрении мероприятий, необходимых на случай обороны, и хотя положение армии не было ни неправильным, ни невыгодным, а таким, что в данную минуту трудно было бы указать лучшее, однако, обстановка значительно ухудшилась ввиду понесенных потерь, отделения герцога Веймарского от главной армии и генерала Винннга от корпуса Рюхеля, а также ввиду поколебленной уверенности и подорванного мужества войск.

Под влиянием крика, поднятого партией Гогенлоэ, и уже пережитых неудач начало распространяться и крепнуть мнение, что армию ведут к гибели. Известие о занятии Наумбурга, где у нас имелись военные склады (магазины), еще более увеличило общее недоверие и растерянность. Повсюду говорили об измене, причем неуклюжее воображение не знающих обстановки офицеров и необученных солдат, как это обычно бывает, начало создавать самые

необыкновенные предположения. В эти дни наша армия действительно обнаруживала признаки состояния горячки, и общая сумма ее моральных сил была значительно ослаблена, хотя отдельные лица сохранили ясность мысли и бодрость. Итак, армия была на 20 000 человек слабее, чем она могла бы быть, без доверия к своим начальникам, уже наполовину побежденная мыслью о непобедимости противника.

Если уже с самого начала было трудно внушить надежду на победу над французской армией, то при создавшейся теперь обстановке эту надежду приходилось считать совсем ничтожной. Все дело сводилось теперь к тому, чтобы решить, надо ли еще следовать за этим слабым лучом и постараться решительно использовать свои сосредоточенные силы и получить где-нибудь численное превосходство над противником или же следует отойти влево, расположиться прямо поперек пути противника и соединиться с герцогом Вюртембергским, чтобы затем действовать в зависимости от обстановки.

Так как в то время еще нельзя было предвидеть, пройдет ли противник мимо нас или он намеревается охватить нас слева, а затем атаковать, то теперь, одновременно с решением принять сражение, приходилось принимать решение, что в случае, если противник не перейдет в наступление через Заалу, а пройдет мимо нас, — последовать за ним, а затем атаковать его с тыла. Герцог думал, что противник пройдет мимо, полковник Шарнгорст полагал, что он атакует нас. Герцог считал слишком рискованным пропустить противника мимо себя и затем последовать за ним, полковник Шарнгорст видел в этом необходимое решение, которое должно быть принято, если не хотели немедленно отходить. Генерал Пфуль подал записку, в которой рекомендовал приблизиться к своим магазинам. Генерал Калькрейт предсказывал, что мы потеряем всю Саксонию; оба последние, а также Гогенлоэ и Массенбах держались такого мнения, что противник двигается на Лейпциг или выслал туда отряд.

Трудно поверить, какие устарелые и полинявшие оперативные идеи высказывались в этот момент, когда простое чутье должно было непосредственно указать цель. Ведь вопрос заключался не в том, что мы находимся ближе или дальше от своих магазинов, даже не в том, что мы могли потерять один или два магазина, и не в том, что мы прикрывали или не прикрывали Саксонию,

а в том, где и как можно выдержать и выиграть сражение: здесь ли или, соединившись с принцем Вюртембергским, за Эльбой, или, соединившись с русскими, за Одером. Было совершенно ясно, что Бонапарт не удовольствуется захватом посредством маневров двух-трех магазинов или клочка территории, а что он постарается одержать над нами решительную победу здесь или там, где он нас найдет, и что, следовательно, мы должны подготовить все для этого сражения. Перед нами стояла только следующая альтернатива.

1. Если мы хотели рискнуть дать сражение здесь, то надо было только держать все силы готовыми соединиться и удачно выбрать момент, когда мы могли бы обрушиться на отделившуюся часть армии противника; для этого расположение главной армии под Веймаром, а армии Гогенлоэ между Веймаром и Иеной было вполне подходящим. Одну дивизию следовало назначить для удерживания в течение возможно более продолжительного времени переправы под Иеной, другую спешно выслать на Кезен, как только узнают о движении противника на Наумбург, а переправы у Дорнбурга и Камбурга занимать небольшими отрядами. Таким образом, мы могли бы боем перед Заалой выяснить, где собираются переправляться главные силы противника, и двинуться туда, что было бы более решительным образом действия. Если бы мы захотели действовать более осторожно, то — против той части противника, которая была предназначена для обхода нашего левого фланга, а потому являлась для нас наиболее опасной. В последнем случае значительная часть армии должна была бы двинуться навстречу главным силам противника и удерживать их на Заале, пока это было бы возможно, не втягиваясь в решительный бой.

2. Если бы мы не захотели использовать эту очень простую и, не говоря о соотношении сил, весьма выгодную обстановку, для того чтобы дать сражение, то необходимо было немедленно отходить на р. Унштрут, чтобы попасть в Лейпциг раньше противника.

Если мы сопоставим эти решения, которые надо было принять на первых порах, с мероприятиями противника, как они выяснились впоследствии, то мы увидим, что бой на Заале произошел бы 13-го под Иеной, как это и случилось в действительности с генералом Тауэнцином, с той лишь разницей, что фактически этот генерал уже не имел нерасстроенной дивизии и сделал ошибку,

слишком рано очистив Иену и отойдя слишком далеко назад на Дорнберг. Генерал Тауэнцин чисто прусским инстинктом стремился на равнину и не нашел ничего лучшего, как оставить противоположные, неудобные обрывы долины Заалы в руках французов и отойти по ровному плато так далеко назад, чтобы быть в состоянии, как полагается, снова атаковать противника уступным порядком. Ведь сотни тысяч раз учили, рекомендовали и проповедывали, что на войне наступление является наилучшим образом действий и дает большие преимущества, что прусским войскам наиболее подходит эта форма боя; атака же уступом была до известной степени квинтэссенцией прусской тактики, благодаря которой Фридрих Великий разбил австрийцев под Лойтеном; к этому маневру и полагалось прибегать в самые опасные моменты. Такой момент наступил сейчас, и потому генерал Тауэнцин оставил долину Заалы и 13-го вечером отошел, чтобы 14-го в густом тумане снова перейти в наступление, предварительно по старому обычаю предоставив противнику время и пространство для построения боевого порядка.

Вместо этого прискорбного образа действий, вытекавшего из рутины парадных плацов и из пренебрежения здравым смыслом, дивизия, стоявшая под Иеной, должна была бы 13 октября шаг за шагом оборонять чрезвычайно трудно проходимую местность; здесь именно была вполне уместна пассивная, строго выдержанная оборона крутых скатов и оврагов. Силой взять их у 8 000 человек было невозможно, французам пришлось бы обходить генерала Тауэнцина, что потребовало бы времени; при таких условиях и ввиду близости армии Гогенлоэ не было ничего легче, как 13-го числа удержать в своих руках край долины Заалы и убедиться в том, что напротив находится Бонапарт со своими главными силами. В этом можно было убедиться по ходу самого боя; в этом не убедились, так как генерал Тауэнцин отошел без боя. Это привело к безусловно очень вредному и опасному состоянию неизвестности, в котором еще 14-го утром находился князь Гогенлоэ. Так как от Веймара до Иены всего 2 мили (около 15 *км*), то главная армия могла бы на рассвете 14-го быть уже под Иеной, то есть там можно было собрать 10 дивизий — примерно, 80 000 человек — и дать сражение в такой обстановке, при которой противник имел бы вплотную позади себя крутые скаты долины Заалы. При таких обстоятельствах Бонапарт не стал бы действовать иначе, чем он действовал, так как, переходя в наступление под Иеной, он не мог знать, что герцог ушел. Но под Иеной Бонапарт

имел с собой не более 60 000 человек; 60 000 были выделены под командой Даву, Бернадота и Мюрата, а 20 000 еще не успели подойти. Так обстояло бы дело, если бы мы пожелали дать сражение на Заале против главных сил противника; эту обстановку нельзя назвать иначе, как благоприятной.

Если же пожелали бы дать сражение тоже на Заале, но не главным силам противника, а той части его, которая обходила нас, то есть той, которая шла через Наумбург, то можно было уйти ночью, как это и случилось, а на рассвете атаковать противника на том направлении. В этом случае пришлось бы значительную часть армии, то есть 3—4 дивизии, использовать в качестве своего рода арьергарда, который как можно дольше задерживал бы главную французскую армию в долине Заалы, — до тех пор, пока противник, овладев другим, не так сильно занятым пунктом, не обошел бы позиции под Иеной, и пока он еще не был бы в состоянии принудить расположенные там войска принять сражение на равнине. С остальными же войсками, то есть с 8—9 дивизиями, мы обрушились бы на маршала Даву. Прежде чем главная армия противника смогла бы выгнать наш арьергард из долины Заалы и оттеснить его в район сражения, то есть на 3 мили (22 *км*), наступил бы вечер, и исход боя против Даву должен был бы уже решиться. Если бы нам удалось совершенно разгромить корпус этого маршала, мы могли бы обратиться всеми силами против главной армии противника. Но если бы успех против Даву не был столь решительным, то нам оставался отход через р. Унштрут. Если же мы хотели вовсе избежать сражения на Заале, то мы должны были еще 12-го двинуть армию на Фрейбург и 13-го, не задерживаясь, перейти там за Унштрут, в то время как 3—4 дивизии, оставленные в арьергарде под Иеной, в течение 13-го также отходили бы на Фрейбург, а Кезен оставался бы занятым в течение этого времени парой дивизий. Таким образом распутались бы нити стратегического клубка, образовавшегося 12 октября, и мы еще раз находим подтверждение того, что, не считая неудачных боев под Шлайцем и Заальфельдом и посылки 12 000 человек в Франконию, прусская армия находилась в самом благоприятном положении, какое только допускало ее физическое и моральное состояние *.

---

* Все, что журнальные писатели, в частности Массенбах и Р.ф.Л., возглавляющие всю кампанию, говорили о гибельном положении прусской армии, является безусловно неосновательным, то есть представляет собой рассуждение,

Герцог считал более вероятным, что Бонапарт пройдет мимо него, чем то, что он атакует нас; может быть, это было только притворное мнение, так как герцог знал, что при данной обстановке мало кто стал бы порицать его, если бы он отошел влево, чтобы снова преградить дорогу противнику. Но при таком отходе сражение на Заале становилось невозможным, а этого-то сражения герцог и хотел избежать. Он открыто мог бы высказать свое намерение избежать сражения теперь и дать его позднее, но все настолько прониклись мыслью о решительном сражении, что герцог не считал возможным отказываться от него без какого-нибудь нового, важного мотива.

Как бы то ни было, 12 октября герцог принял решение 13-го отойти влево. Дивизия Шметтау, расположенная на левом фланге, должна была выступить на несколько часов раньше, чтобы образовать авангард, остальные 4 дивизии — последовать за ней, генерал Рюхель — занять позицию под Веймаром, а князь Гогенлоэ — оставаться под Иеной для обеспечения движения. Первым переходом предполагалось дойти до района Ауэрштедта, вторым — за р. Унштрут до Фрейбурга. И это решение герцога нельзя безусловно порицать; оно давало ему возможность снова непосредственно преградить дорогу противнику, а первый переход, так как он был начат не 12-го, а только 13-го, позволял атаковать превосходными силами противника, который переправился бы через Заалу, примерно, у Кезена.

Однако, при осуществлении этой идеи было допущено несколько крупных ошибок.

1. Зачем было генералу Рюхелю итти в Веймар; почему нельзя было направить его прямо к Гогенлоэ или же в район Апольды для обеспечения связи между обеими армиями, если уже не хотели позволить ему двигаться вместе с главной армией, что мы считали бы за наилучшее. Если бы он находился при главной армии, то мы

висящее в воздухе, изворачивающееся в произвольных, переменных направлениях, не исходящих из каких-нибудь абсолютных твердых положений и потому приводящее к совершенно произвольным выводам. Поистине трудно понять, как можно хвастать рассуждением, в котором совершенно не видно никакой ясности, как можно думать совершенно бесплановыми разговорами решить уравнение, которого даже не сумели составить. Вполне естественно, что армия переписчиков еще меньше могла разобраться в том, чего не понимали писавшие оригинал, и, таким образом, вокруг этого вопроса возникла сбивающая с толку полемика, построенная на громких, но совершенно пустых словах и оборотах речи. — *Прим. автора.*

даже при всем желании вряд ли могли бы проиграть сражение под Ауэрштедтом.

Если бы он находился непосредственно при Гогенлоэ или под Апольдой, то это ничем не изменило бы хода событий; только это было бы естественнее, чем оставлять его под Веймаром. Вероятно, этим герцог хотел наложить узду на князя Гогенлоэ, чтобы помешать тому ввязаться в решительное сражение.

2. Дивизия Шметтау должна была вечером 13-го занять Кезен, для чего ей оставалось пройти всего 4 мили (30 *км*).

Если вообще не хотели вступать в бой с противником, то тем более следовало заткнуть эту дыру. Если противника хотели пустить на этот берег, то это всегда можно было достичь, и дивизия Шметтау послужила бы для того, чтобы еще лучше уяснить себе силы и замысел противника; кроме того, если бы эта дивизия стала отходить перед переправляющимся противником в естественном направлении, то есть параллельно реке, мы получили бы лучшую позицию для боя, чем та, которую нам пришлось занять 14-го утром ввиду расположения, занятого противником. Впоследствии мы увидим, какое влияние это имело на ход сражения.

3. Князю Гогенлоэ надо было не только строго-на-строго запретить атаковать, что и было сделано, а тем более переходить через Заалу, что было бы уже совершенной нелепостью, но и точно указать его задачу.

А задачей его было возможно дольше мешать противнику продвинуться через Иену и Дорнбург, а также энергично вести бой с противником на краю долины Заалы. Но с той минуты, как удерживаться там дольше оказалось бы невозможным, или если бы противник овладел другим пунктом или тесниной, выводящей из Иены, следовало начать отход, избегая серьезного боя на равнине. Сражения князь Гогенлоэ не смел проигрывать, да и вообще давать, так как было бы смешно ввязываться с 40 000 человек в сражение с главными силами французов, которые свободно могли насчитывать 80 000 человек. Избежать решительного боя на равнине было нетрудной задачей. Всегда можно избежать боя на равнине, если имеется достаточное пространство для отхода и если сил не так мало, что их может принудить к бою одна конница противника. Но так как армия и без боя не может пройти за день много больше 3 миль (22 *км*), то нельзя было ожидать, что за один день князь Гогенлоэ будет оттеснен больше, чем на 3 мили. В этой обстановке не представило бы затруднений оказать до известной сте-

пени упорное сопротивление и все же избежать поражения. Правда, на обыкновенной местности это было бы трудной задачей, даже, может быть, и невыполнимой ввиду численного превосходства противника, но дело обстоит совершенно иначе, когда перед фронтом проходит такая глубокая долина и если противник должен переправиться по мостам. Такой крутой скат, как край долины Заалы, нельзя штурмовать бегом. Нужно несколько часов, чтобы отогнать удачно расположенную пехоту и артиллерию противника, чего можно добиться только продолжительным превосходным огнем и небольшими обходами отдельных частей и т. д. Таким образом, французам, вероятно, потребовалось бы несколько часов, чтобы выйти на высоту; и тогда все еще было бы время отойти, так как противнику пришлось бы развертываться из теснины, что также требует не нескольких минут.

Нет сомнения, что князь Гогенлоэ без сражения выиграл бы, таким образом, больше времени, чем при таком сражении, какое он дал. Если герцог ясно и определенно не указал этой цели в своих распоряжениях, то это, несомненно, была его ошибка; однако, мы ничего не знаем относительно подлинных приказов герцога, а так как все болтливые писатели другой партии были настроены против герцога, а следовательно, не были заинтересованы в том, чтобы выяснить этот вопрос, то мы не можем позволить себе высказаться безусловно против герцога. По замыслу герцога армия Гогенлоэ, несомненно, имела такую задачу. Как бы то ни было, но даже и без подробной инструкции, если бы князь Гогенлоэ хотел быть достойным звания генерала, он должен был понимать свое назначение именно так и действовать в этом духе; то, что он сделал, ниже всякой критики и является одной из важнейших причин всей катастрофы. Об этом мы еще упомянем при рассмотрении сражения под Иеной.

4. Главной ошибкой герцога было то, что он недостаточно подумал об организации наступления. Если в силу обстоятельств приходится обращаться фронтом в сторону, то путь отступления проходит уже не прямо в тыл, а более или менее в сторону фланга. Если для отхода имеется всего одна дорога или две-три дороги, идущие параллельно на небольшом расстоянии одна от другой, то в такой обстановке вообще нельзя принимать бой. Если располагают широкой базой для отхода и могут в случае необходимости отходить в разные стороны, то можно принимать бой с повернутым фронтом. В таком именно положении находились мы на Заале.

В сущности должны были отходить на Виттенберг и Магдебург или на Лейпциг и Галле, но в случае крайней необходимости мы могли отступать также на Эльбу ниже Магдебурга, а в худшем случае даже в Вестфалию. Однако, видеть себя оттесненными от своей собственной базы всегда весьма неприятно, и поэтому, принимая бой, важно было сразу подумать о занятии такого положения, которое возвращало бы нас к естественному направлению на нашу базу.

Герцогу это было бы легко осуществить под Ауэрштедтом: ему стоило только в то время, как дивизии Шметтау и Вартенслебена вели бой с противником, пройти дальше в тылу их и расположиться тылом к Фрейбургу. Однако, дело касалось не только армии герцога. Нацелить в этом направлении армию Гогенлоэ было труднее. Последний не мог отходить от Иены на Фрейбург, так как это привело бы его к Ауэрштедту, и, если бы бой под Ауэрштедтом не был выигран, Гогенлоэ наткнулся бы на противника. Поэтому на тот случай, если бы мы были разбиты, чего впрочем вряд ли можно было ожидать на левом фланге, было бы естественно выбрать средний путь отступления, а именно переправиться через Унштрут не под Фрейбургом, а под Небра, Рослебеном и Артерном и предоставить князю Гогенлоэ направление через Бутштедт. В этом случае, если бы главная армия была вынуждена отходить, она могла бы у Бутштедта принять на себя князя, так как дальше Бутштедта ее резерв и так не зашел.

Однако, перед сражением, повидимому, не было принято никаких ясных решений относительно во всяком случае необходимого отступления; это всегда является большой ошибкой; при облическом расположении, имея перед собой смелого противника в превосходных силах, это было двойной ошибкой. Главная армия дралась под Ауэрштедтом так, словно она по необходимости должна была отходить на Веймар, и, действительно, 14-го вечером она собиралась отступать туда, намереваясь соединиться с князем Гогенлоэ. Но дорога на Веймар и Эрфурт вела скорее в сторону противника, чем к нашей базе. Как мы вскоре увидим, это обстоятельство, главным образом, привело к необычайно большим последствиям победы противника.

Возвратимся теперь к рассмотрению событий.

Три дороги, по которым Бонапарт наступал на Саксонию между лесистыми Богемскими горами и Тюрингенским лесом, были выбраны в предположении найти пруссаков на позиции на правом берегу

Заалы. Когда Бонапарт увидел, что это предположение неправильно, он совершил захождение налево, выслал свой центр вперед на Цайц и Наумбург и решил перейти через Заалу между Иеной и Наумбургом, чтобы дать пруссакам сражение на том берегу реки. Повидимому, он предполагал, что они застряли на оборонительной позиции вдоль Заалы. Поэтому 12-го левое крыло и центр французской армии оставались на месте, и только Даву продолжал свой марш на Наумбург, куда он пришел вечером.

Расположение корпусов не указано во французских «бюллетенях», но, вероятно, оно было таким же, как 11 октября, так как все они находились на расстоянии, самое большее, одного перехода от Заалы, на которую они вышли только 13-го. Повидимому, 12 октября было использовано для сбора корпусов и для других внутренних приготовлений. 13-го расположение было следующее:

Даву и резервная кавалерия Мюрата — под Наумбургом;

Бернадот — в Дорнбурге;

Ней — в Рода;

Ланн — в Иене, где он отбрасывает генерала Тауэнцина и прочно утверждается на Ландграфенберге;

гвардия — также под Иеной в тылу Ланна;

Ожеро — в Келе.

Причина, почему Сульт и Ней не подошли в тот же день к Заале, не указана. Как кажется, Бонапарт боялся, что кто-нибудь все же перейдет в наступление против его правого фланга или что Даву будет задавлен превосходными силами.

14 октября Сульт, Ланн, Ожеро и гвардия соединились под Иеной, Даву переправился через Заалу под Кезеном, Мюрат вернулся с кавалерией из Наумбурга в Иену, но прибыл туда только после сражения. Ней и Сульт были двинуты только вечером, ночью находились на марше и поэтому прибыли после сражения довольно поздно. Из корпуса Нея в сражении участвовало всего только 3 000 человек; остальные еще не успели подойти. Где находились остальные, об этом нигде не говорится; повидимому, они все же уже прибыли в район военных действий; зато отсутствовала гвардейская кавалерия, которая, по данным французского «бюллетеня», находилась еще в 36 часах пути позади.

Бернадот должен был наступать через Дорнбург, но 13-го находился уже в районе Наумбурга, а 14-го вовсе не появлялся, запутавшись в неправильных движениях, как говорят «бюллетени». Таким образом, случилось, что Бонапарт имел при себе, примерно,

только 60 000 человек, что 28 000 под командой Даву были расположены против герцога, а 40 000 человек частью еще не подошли, как отдельные дивизии корпуса Нея, а частью оказались вдали от поля сражения вследствие неправильных движений, как весь корпус Бернадота и большая часть конницы под командой Мюрата.

Теперь мы подошли к краткому рассмотрению сражений под Иеной и Ауэрштедтом.

О том, что князь Гогенлоэ должен был делать со своей армией под Иеной, мы уже говорили. Если бы он отдал свои распоряжения в этом духе, то он 13 октября совершенно отказался бы от своей позиции между Капеллендорфом и Иеной; она была занята в предвидении совершенно иной обстановки. У него было еще, примерно, 33 000 человек, из которых 10 000 с шестьюдесятью пушками он должен был расположить под Иеной, а 3 000 с двадцатью пушками занять местечко Дорнбург; тогда у него осталось бы в резерве 20 000 человек и 70 пушек, а также генерал Рюхель с 15 000 человек для обеспечения отхода.

Если бы генерал, командовавший под Иеной, — командовать там целесообразнее всего было бы самому князю, — уничтожил в Иене мосты, занял город несколькими тысячами человек, а остальных расположил бы на Ландграфенберге, искусно использовав все преимущества, предоставляемые местностью, то для противника было бы почти невозможно прорваться в этом пункте без больших потерь и большой траты времени. До полудня 14-го противник не достиг бы своей цели, так как ему пришлось бы затратить 13-е на наводку моста. Под Дорнбургом следовало принять подобные же меры. Если бы ввиду слишком прочного занятия Иены противник направил бы свой главный удар на Дорнбург, то князь должен был бы усилить находившиеся там войска половиной своего резерва, что было для него тем легче, так как такое движение было бы, примерно, в направлении его отхода.

Мы утверждаем, что такими мероприятиями князь был бы в состоянии 13-го точно выяснить намерения противника, 14-го в течение первой половины дня оказывать сопротивление, а затем без слишком больших потерь отойти к главной армии. Вместо этого князь остается на своей перевернутой позиции, на которой он был обращен к противнику скорее тылом, чем фронтом; его левофланговая дивизия вовсе не обороняет Заалу, то есть не держится на ней даже столько времени, сколько удерживают обыкновенную линию охранения, чтобы точнее выяснить движения противника; по-

этому 14-го князь ничего не знает о намерениях противника; мост через Заалу остается неразрушенным; скат долины отдают противнику без выстрела, а с ним и достаточное пространство, на котором противник может утвердиться. Князь может предполагать, что имеет здесь дело с Бонапартом и с 100 000 французов, он знает состояние своих войск, знает, что генерал Рюхель не подчинен ему, и все же вопреки всему, как бы издеваясь над приказами герцога, он единолично решается принять здесь большое сражение.

Какой же характер носит само сражение? В ночь с 13-го на 14-е генерал Тауэнцин отходит на равнину, с тем чтобы утром в густейшем тумане атаковать противника. Он, конечно, оказывается разбитым, и войска его наполовину рассеиваются. Затем подходит генерал Граверт, меняет свой фронт, также атакует противника и терпит поражение. После этого прибывает генерал Рюхель, переходит в наступление и терпит поражение. Тем временем саксонцы остаются в бездействии на своей фланговой позиции на горе Флоберг, словно ничего не происходит; противник обходит их и берет в плен. Таким образом, каждое из этих соединений в 6 000, 10 000 и 15 000 человек пыталось провести свое маленькое сражение против 60-тысячной массы без малейшего единства и согласованности действий.

Последовательное использование сил в сражении было разработано в новейшее время главным образом Бонапартом и является само по себе настолько сильным методом, что почти каждый раз приносило победу над противником, сразу вводившим в дело все свои силы. Но это, очевидно, нечто совсем другое, чем то, что произошло в данном случае. Прежде всего такой образ действий вообще более свойствен обороне, чем наступлению, так как здесь дело не только в том, чтобы постепенно вводить свои силы в бой, а в том, чтобы в течение долгого времени сковывать и утомлять противника, сохраняя в руках бо́льшую часть сил, то есть главный козырь. Это легче делать тому, кто в качестве обороняющегося использует местность и ее рельеф. Если же этот прием последовательного использования сил хотят применить при наступлении, то само наступление должно носить соответствующий характер. Медленным, осмотрительным продвижением, огневым боем редких цепей, продолжающимся часами, атаками небольших кавалерийских масс надо по возможности вызвать преждевременный расход сил со стороны противника, а затем свежими массами добиваться решения в тот момент, когда противник этого не ожидает.

Самое главное — связать этот последний акт в одно целое с первым, то есть не дать разбить, уничтожить, прогнать с поля сражения войска, используемые для первой атаки, и тем кончить дело, прежде чем начнется второй акт. Нет ничего менее соответствующего такому последовательному использованию сил, как тогдашняя прусская тактика, согласно которой наступали сомкнутыми массами, стремились покончить все несколькими батальонными залпами, а затем завершить победу штыками, то есть сразу и в несколько минут бросали все в бездну боя; при этом, если начинался второй бой, от действия первого не оставалось почти никакого следа. Если князь Гогенлоэ непременно хотел дать сражение, то при такой тактике не могло быть другого способа, как соединить все четыре дивизии в обычном боевом порядке и атаковать противника в надежде сбросить его в долину Заалы. Я не думаю, что князь выиграл бы сражение, но можно было хотя бы верить в такую возможность.

Князь Гогенлоэ не только проиграл сражение, но — что является почти неслыханным случаем — был совершенно уничтожен на самом поле сражения, так что из 48 000 человек, которые, считая и корпус Рюхеля, дрались там, после сражения не собралось и 10 000. Разумнее всего для князя Гогенлоэ было бы отступать на Апольду, а оттуда на Бутштедт, чтобы иметь возможность соединиться с главной армией, но он выбрал путь отступления на Веймар, откуда одна часть разбитой армии попала в Эрфурт, а другая ушла в направлении на Франкенгаузен, Зондерсгаузен и Нордгаузен. Если бы князь выбрал первую линию отступления, остатки его армии соединились бы под Бутштедтом с разбитой армией герцога, и разложение было бы не таким полным.

Во всем этом боевом акте у князя не заслуживает похвалы ничто, кроме его мужества и доброй воли.

Сражение под Ауэрштедтом

Утром 14 октября голова дивизии Шметтау, почевавшей на биваках меньше, чем в 1 миле (7 *км*), от Кезенского моста, сталкивается с противником. Герцог принимает решение наступать этой дивизией, остальными следовать за ней и отбросить противника, находящегося между ним и кезенской переправой, а для этого, если противник окажется в значительных силах, дать ему сражение.

Можно было прозакладывать сто против одного, что мы наткнемся здесь только на один, самое большее на два корпуса противника, а следовательно, будем иметь численное превосходство, и это преимущество не следовало упускать. Таким образом, решение дать сражение было в высшей степени уместным.

Дивизия Шметтау преждевременно выдвинулась головой в тумане и попала под жестокий картечный огонь с ближайшей дистанции, так что развертываться ей пришлось несколько дальше в тылу. Это произошло между деревнями Таугвиц и Хассенгаузен. Узнали, что противник имеет всего 30 000 человек, из которых 8 000 расположены под Хассенгаузеном, а остальные находятся на марше из Кезена. Было решено дождаться дивизии Вартенслебена, приказав ей через спешно высланных ей навстречу адъютантов ускорить свое движение.

Генерал Блюхер, который ввиду отсутствия дивизии герцога Веймарского должен был образовать новый авангард, получил теперь от короля 25 эскадронов кавалерии, взятых от дивизий, построил их слева от дивизии Шметтау и, обойдя с ними правый фланг первой линии противника, вскоре оказался на фланге и в тылу ее. Блюхер с 25 эскадронами неослабленной прусской конницы в тылу у французов! Ни один пруссак не усомнился бы в успехе. Однако, атаки были повсюду отбиты, и эта кавалерия отошла на порядочное расстояние от поля сражения.

Этот результат был вполне естественным. За первой линией противника были расположены резервы, находившиеся в полном порядке: этого было вполне достаточно, чтобы отбить атаки самой лучшей конницы, не говоря уже о такой, которая в большей своей части никогда не нюхала пороха.

Здесь опять была ошибка, вытекавшая из нашего предвзятого мнения и плацпарадной тактики: первое считало прусские сабли под командой такого начальника, как Блюхер, неотразимыми; вторая учила только одному — строиться в боевой порядок и атаковать. Следствием этого было то, что эта кавалерия больше не появлялась и что слабая неприятельская конница в составе каких-нибудь 9 эскадронов смогла позднее окончательно опрокинуть уже сильно потрепанное левое крыло дивизии Шметтау и тем нанести удар, решивший исход сражения. Герцог Брауншвейгский не хотел продолжать наступление с дивизиями Шметтау и Вартенслебена, а намеревался дождаться прибытия дивизии Оранского и резервов. Но фельдмаршал Меллендорф увлек короля вперед, напомнив ему

1806 год

поговорку, которую Фридрих Великий применил против Шверина во время сражения под Прагой: «Свежая рыба — хорошая рыба!» Таким образом, перешли в наступление двумя дивизиями, даже не дав себе времени дождаться артиллерии дивизии Вартенслебена, которая еще не успела так быстро подойти. Двинулись одной линией, дали залпы целыми батальонами и в результате сперва продвинулись вперед и отбросили те части, которые противник ввел в бой, но понесли сравнительно большие потери от его стрелкового и артиллерийского огня и, как только наткнулись на более густые массы и подошедшие подкрепления противника, остановились.

Теперь две прусские дивизии находились в бою против двух французских Гюдена и Фриана. Прусские дивизии были выведены прямо вперед без настоящего плана. Поэтому они развернулись приблизительно перпендикулярно дороге, по которой они подошли, а затем двинулись вперед. Так как своим левым крылом они наткнулись на деревню Хассенгаузен, в которой противник оказал сильное сопротивление, то прусское правое крыло имело больший успех, и само собой получилось вращательное движение, в результате которого пруссаки все больше поворачивались тылом к реке Ильм, тогда как их тыл должен был быть по меньшей мере обращен к Экартсберга.

Больше всего пострадала дивизия Шметтау, так как она раньше вступила в бой и наткнулась на деревни; она была уже значительно ослаблена, когда появилась конница противника, атаковавшая ее левый фланг и отбросившая так всю дивизию, что она образовала прямой угол (Haken) с дивизией Вартенслебена. Теперь, еще до прибытия дивизии Оранского, герцог был смертельно ранен.

Так как марш дивизии Вартенслебена был очень ускорен, то до прибытия дивизии Оранского прошло много времени, так что, когда она подошла, обе дивизии, находившиеся в бою, были уже значительно ослаблены и морально потрясены. Дивизию Оранского следовало целиком использовать для подкрепления левофланговой дивизии, чтобы восстановить надлежащее положение по отношению к линии отступления; однако, в течение всего сражения эта мысль, повидимому, никому не приходила в голову; ограничились тем, что из этой дивизии, которая по диспозиции должна была находиться на правом фланге, одну бригаду подтянули к левому флангу; но этим уже не смогли восстановить там положение.

Теперь маршал Даву подтянул и свою третью дивизию (Морана) и использовал ее для еще более глубокого обхода уже отогнутого назад прусского левого крыла, направив ее через Шпильберг на Таугвиц, а частью даже на Лисдорф. Даву было приказано взять прусскую армию во фланг, чтобы еще больше оттеснить ее от ее линии отступления. В этом духе он и маневрировал, считая, что опасность, которая при этом угрожала ему самому, будет предотвращена той помощью, которую могли оказать ему корпуса Бернадота и Сульта, находившиеся между ним и главной армией; эти корпуса в своем наступлении должны были выйти в тыл прусской армии.

Однако, эти корпуса не явились, так как Сульт был подтянут в Иену, а Бернадот совершал неправильные маневры. Между тем прусский резерв под командой Калькрейта находился всего в ¼ мили (менее 2 *км*) от поля сражения; таким образом, положение маршала Даву было в высшей степени опасным. До сих пор три прусские дивизии сражались с тремя французскими; силы обеих сторон были приблизительно равны и составляли, примерно, по 27 000 человек. Таким образом, налицо имелось равновесие сил. Но французы, имевшие больший боевой опыт, освоившие преимущества новой тактики, постепенно получили перевес; они понесли меньшие потери, чем их противник, и оттеснили последнего в невыгодное косое расположение. Этот результат был достигнут совершенно просто и естественно. Если бы в этот момент (вероятно, было, примерно, 10 часов утра) резерв под командой генерала Калькрейта получил приказ броситься на правое крыло французов, которое маршал Даву загнул вперед до Лисдорфа близ дер. Экартсберга, то было бы чудом, если бы маршал Даву не был смят и не потерял большей части своего корпуса, прежде чем он успел бы вернуться к Кезенскому мосту.

Но если Бернадот не вышел в тыл пруссакам, то и Калькрейт не вышел в тыл французам. Он так поздно выступил со своего бивака под Раштедтом, что, когда он подошел к Ауэрштедту, три его дивизии находились уже в потрепанном виде; король, лично принявший теперь командование, уже не думал о том, как ему удастся восстановить положение при помощи резерва. Если бы король знал положение своего противника, как мы его знаем теперь, то он, вероятно, не колеблясь ни минуты, использовал бы резерв против французов, и тогда, как уже сказано, было бы чудом, если бы он не одержал здесь блестящей победы. Од-

нако, считали, что в бою против наших трех дивизий противник имел значительно превосходящие их силы, так как видели, что эти дивизии разбились о них и что у противника все еще оставались резервы; еще недостаточно хорошо были знакомы с действием новой тактики, по которой силы вводятся в бой очень экономно, и поэтому не учли соответствующим образом разницы между результатами обоих способов ведения боя. Вообще на войне всегда склонны считать противника сильнее, чем он есть на самом деле, особенно же когда он, благодаря лучшему использованию своих сил, повсюду расстраивает наши замыслы. Но, кроме того, не было известно, какие еще силы подтягиваются вслед за маршалом Даву через Кезенский мост. Три дивизии, ведшие бой, были порядком расстроены, и если бы теперь атаковали резервом и потерпели неудачу, то и резерв пришел бы в такое же состояние, и проигранный бой превратился бы в полное поражение. Поэтому решили ограничиться тщетной попыткой отойти с ослабленной армией на князя Гогенлоэ, которого считали нетронутым, чтобы затем соединенными силами рискнуть на новое сражение или же отойти еще дальше назад. Таково было рассуждение, которое положили в основу дальнейших действий, и на первый взгляд оно представляется вполне естественным. Однако, если правильно вдуматься, то можно сделать следующие замечания.

Так как на войне мы всегда находимся в неизвестности относительно истинного положения дел у противника, то нужно приучаться действовать всегда на основании общих вероятностей; совершенно напрасно дожидаться минуты, когда не будет никакой неизвестности и когда можно будет обойтись без каких бы то ни было предположений. Поэтому тот, кто считает легкомысленным, что от него требуют действий на основании наиболее вероятных предположений, тот сам не знает, чего он хочет, и не понимает самого главного. Поэтому безусловно стоит труда проверить решение, принятое под Ауэрштедтом, представив себя в обстановке того момента и спросив себя, каков будет результат рассуждения, если положить в основу его наиболее вероятные предположения, а затем следовать строгой логике.

Первое сделанное тогда предположение заключалось в том, что за маршалом Даву следуют через Кезен другие корпуса; это предположение было совершенно произвольным. Конечно, это было возможно, так как местность между Хассенгаузеном и Заалой не стол, который можно окинуть одним взглядом; однако, она все же

не очень закрытая; никаких корпусов, следующих за Даву, не было видно; поэтому не было оснований считать их присутствие вероятным. Далее, можно было достаточно ясно понять, что Кезен находится на крайнем правом фланге противника, так как 10 октября он появился под Заальфельдом в крупных силах; трудно было предположить, что главные силы французов находятся впереди всей армии; гораздо вероятнее было, что крупные массы поведут наступление из Камбурга и Дорнбурга. Если бы они своевременно подошли к Ауэрштедту, то, конечно, победа не была бы возможна; но ведь вся попытка дать сражение была основана на том, чтобы напасть на одну из колонн противника, переправляющихся через Заалу, и разбить ее прежде, чем смогут подойти остальные; а остальные колонны и в самом деле еще не подошли. Поэтому то, что в основном замысле считали возможностью, а именно встречу со значительно более слабыми силами противника, нельзя было при осуществлении замысла считать невозможным из-за одного только малодушия.

Конечно, нельзя отрицать того, что возможность увидеть свой резерв разбитым, не добившись никакого успеха, была налицо; однако, такая опасность грозит во всяком сражении, учитывать же следовало не всяческие возможности, а только вероятность. Последняя же сулила блестящую победу над корпусом противника; если бы ее и оказалось недостаточно для решения исхода войны, то все же она была бы своего рода скидкой с тех неудач, которых приходилось ожидать, и во всяком случае была бы тем, чего хотели и на что при данной общей обстановке в сущности только и можно было претендовать. Таким образом, то, что сражение под Ауэрштедтом не продолжали, а значит и не выиграли, является ярким примером нерешительности на войне. Не имея абсолютной уверенности в успехе, сочли разумнее и осторожнее прервать бой, тогда как разум и осторожность требовали как раз наоборот — не упустить единственного преимущества, на которое можно было заранее рассчитывать в этой войне.

До сих пор ошибка, которую допустили, прервав сражение, была только следствием нерешительности. Но теперь она еще усугубляется неправильным рассуждением.

Второе сделанное предположение заключалось в том, что войска князя Гогенлоэ окажутся нетронутыми. И это предположение противоречило всякой вероятности, так как даже если бы князь не дал никакого сражения, то было совершенно невероятно,

чтобы он мог уйти непотесненным и без серьезного арьергардного боя. Теперь начинается неправильное рассуждение. Чего хотели от князя Гогенлоэ? Соединившись с ним, дать сражение? Но тогда лучше было вовсе не отделяться от него. Пока противник должен был переправляться через Заалу, прежде чем подойти к нам, мы могли надеяться атаковать соединенными силами отдельные части его армии, но как только он уже перешел бы через Заалу, соединение наших сил уже не могло обещать нам преимущества, так как в этом случае мы вероятнее всего наткнулись бы на соединенные силы противника. Если же хотели соединиться с Гогенлоэ, чтобы вместе продолжать отход и итти навстречу русским, то было более или менее безразлично, будут ли две дивизии Калькрейта нетронутыми или ослабленными сражением. Рассуждения, которыми руководствовались под Ауэрштедтом, относятся к поверхностным, праздным разговорам, так часто ведущимся на войне теми, кто окружает полководца и к кому он в минуту сомнения обращается за советом. Обыкновенные люди всегда отступают перед опасностью важного решения и поэтому склонны прикрываться поверхностным рассуждением, так как они даже не сознают своего малодушия. Тот, кто в такие минуты, не обладая незаурядным прирожденным мужеством, не может сохранить душевного равновесия, тот должен, по крайней мере, обладать сильной логикой, ясно представлять себе, чего он хочет, ясно понимать, что именно важнее всего в данную минуту, и всегда итти прямо к цели. Того и другого можно ожидать скорее от самого полководца, чем от окружающих его лиц, во всяком случае от тех лиц, которые с самого начала не были посвящены во все замыслы полководца. Поэтому всякие советы и разговоры в момент принятия важного решения приводят к очень нежелательным последствиям.

Теперь еще одно — третье — соображение. Для отхода, который хотели продолжать совместно с армией Гогенлоэ, надо было сперва с боем проложить себе дорогу под Ауэрштедтом. Весь план обороны за Заалой был построен на том, что если противник обойдет нашу армию слева и своими головными частями преградит нам естественный путь отступления, то мы должны отбросить эти головные части; только в том случае, если бы это не удалось, мы избрали бы другой путь отступления, возможно ближе к первоначальному. Но на самом деле под Ауэрштедтом мы не только не отбросили головного соединения противника, но допустили такой поворот нашего фронта, что в случае отхода прямо назад мы вер-

нулись бы туда, откуда вышли и где в это время уже должен был находиться противник, то есть в Веймар.

Чтобы провести совместно с князем Гогенлоэ отход, который поставил бы нашу армию в более выгодное положение, чем то, в каком она находилась в данное время, нужно было иметь возможность продержаться на позиции в районе Экартсберга, пока князь Гогенлоэ не достиг бы Бутштедта, а затем вместе с ним двигаться к р. Унштрут. Для этого надо было разбить противника под Ауэрштедтом, а без такой победы нам все равно пришлось бы отступать в невыгодных условиях, спешно двигаясь кружными путями, чтобы преградить дорогу противнику. Таким образом, и с этой точки зрения было большой ошибкой слишком рано прервать сражение под Ауэрштедтом.

Здесь пруссаков было 45 000 человек против 27 000 французов, которые имели у себя в тылу глубокую долину с единственным мостом. Пруссаки были разбиты потому, что не были знакомы с новыми приемами ведения боя и действовали недостаточно решительно. Можно сказать, что раз они не сумели победить здесь, то приемлемый для них исход войны был совершенно невозможен. Таким образом, неудачный оборот, который приняла кампания, объясняется тактическими результатами, а не стратегическим замыслом.

Теперь мы подошли к общему отступлению. Прежде чем рассмотреть условия, в которых оно происходило, укажем в общих чертах фактическую сторону, то есть самые существенные события.

14 октября. Армия Гогенлоэ и корпус генерала Рюхеля находились в таком состоянии разложения, что нельзя даже сказать, где они были. Часть их взяла направление на Эрфурт, другая часть — на Бутельштедт, третья — между двумя первыми, на р. Унштрут. Сам князь Гогенлоэ прибыл ночью в замок Финпах с частью конницы, которая вскоре затем куда-то исчезла.

В главной армии дело обстояло не лучше. В вечеру около 35 000 человек покинули в относительном порядке район Ауэрштедта, чтобы отойти через Бутельштедт на Веймар. Но так как узнали о проигрыше сражения князем Гогенлоэ, то направление марша изменили и свернули через Бутштедт на дорогу в Семерда. Об этом изменении узнали не все войска, и поэтому часть пошла на Бутельштедт, другая — на Бутштедт.

Часть первых выступила так поспешно, взяв под командой фельдмаршала Меллендорфа и принца Оранского направление на

Эрфурт, что уже не узнала о месте сбора армии, и 15-го была окружена в Эрфурте противником. Король и генерал граф Калькрейт отправились в Семерда, где должна была собраться армия герцога.

14 октября французская армия не преследовала нас далеко за пределами районов сражений; Даву дошел до Ауэрштедта и Экартсберга, а главная армия — до Веймара, где была ставка императора.

15 октября. Князь Гогенлоэ прибыл в Зондерсгаузен, где он начал собирать некоторые остатки своей армии, между тем как другие его части ушли на Франкенгаузен.

Король оставался до вечера в Семерда, затем переехал в Зондерсгаузен, чтобы там собрать войска, которые во время ночного марша разбрелись в разные стороны, и перевести их на квартиры на том берегу р. Унштрут. Хотя от Ауэрштедта до Семерда немного более 4 миль (22,5 *км*), однако, многие батальоны пришли только ночью; всего там собралось, примерно, 14 000 человек. Из французской армии Мюрат и Сульт двинулись на Эрфурт. Ней следовал за разбитой армией из Веймара в направлении на Франкенгаузен. Ланн и Ожеро свернули вправо на Наумбург. То же сделали Бернадот и Даву.

16 октября. Князь Гогенлоэ достиг Нордгаузена, где он продолжал собирать остатки своей армии; их уже собралось здесь, вероятно, от 8 000 до 10 000 человек. В Зондерсгаузене король передал командование армией, за исключением двух дивизий Калькрейта, князю Гогенлоэ, после чего уехал из армии. Генерал Калькрейт выступил из Семерда, чтобы через Вайсензее и Грейсен перейти в Зондерсгаузен. В Вайсензее он уже застал несколько кавалерийских полков противника под командой генерала Клейна, принадлежавших корпусу принца Мюрата. Генерал Клейн был очень рад услышать, что уже ведутся переговоры и что ввиду этого заключено перемирие; генерал не питал никаких замыслов против колонны Калькрейта, чувствуя, что она представляет для него большую опасность. Поэтому он беспрепятственно пропустил генерала Калькрейта на Грейсен. Но едва колонна дошла до этого местечка, как из Эрфурта подошел через Тенштедт маршал Сульт, имея в голове кавалерийскую дивизию Ласаля. Генерал Калькрейт рассчитывал спокойно переночевать под Грейсеном. Но так как маршал Сульт и слышать не хотел о перемирии, то пришлось продолжать марш до Зондерсгаузена, куда колонна пришла к утру.

Из французской армии Мюрат находился еще под Эрфуртом,

где 16-го утром фельдмаршал Меллендорф сдался ему, примерно, с 14 000 человек. Отсюда Мюрат выступил в направлении на Лангензальца. Сульт находился под Грейсеном, Ней — за Сультом, Ланн и Ожеро были в Наумбурге, Даву — в Вайсенфельсе, Бернадот двинулся прямым путем на Магдебург и находился в Кверфурте, Бонапарт и гвардия были в Веймаре.

17 октября князь Гогенлоэ дожидался генерала Калькрейта под Нордгаузеном; Калькрейт, не сделав привала, выступил из Зондерсгаузена и после полудня пришел в Нордгаузен. Вечером обе армии выступили и перевалили через Гарц, Гогенлоэ — через Штольберг и Гюнтерсберг на Кведлинбург, генерал Калькрейт — через Ильфельд и Штиге на Бланкенбург. Тяжелая артиллерия под прикрытием одного батальона и 600 коней под командой генерала Блюхера обошла через Остеродэ, Зезен и Брауншвейг вокруг западной оконечности Гарца, а впоследствии переправилась через Эльбу под Зандау.

Из частей французской армии Мюрат также двинулся в обход Гарца с запада и находился в этот день между Лангензальца и Зондерсгаузеном. Сульт и Ней следовали на Нордгаузен, куда они прибыли к вечеру. Ланн и Ожеро пришли в Мерзебург, Бонапарт с гвардией — в Наумбург. Бернадот двинулся на герцога Вюртембергского, стоявшего под Галле, и разбил его; Даву оставался в Вайсенфельсе.

Так случилось, что самая прямая дорога из Ауэрштедта на Магдебург, именно дорога через Айслебен и Штасфурт, не была занята ни нашим, ни неприятельским корпусом.

18 октября. Армия Гогенлоэ находилась под Кведлинбургом. Армия Калькрейта начинала собираться под Бланкенбургом после ночного марша, во время которого она рассеялась. Герцог Вюртембергский отошел 17-го от Галле на Дессау и теперь находился на марше из Дессау на Магдебург.

Из соединений французской армии конница под командой Мюрата, вероятно, находилась в районе Блайхероде, Сульт и Ней переваливали через Гарц, Ланн и Ожеро пришли в Галле, Бонапарт прибыл в Мерзебург, Даву вступил в Лейпциг. Бернадот снова покинул дорогу на Дессау и повернул на Магдебург; вероятно, он находился, примерно, под Кенерном.

19 октября. Гогенлоэ подходит через Эгельн к Магдебургу, Калькрейт прибывает в район Ошерслебена, герцог Вюртембергский — в Магдебург, Мюрат, Сульт и Ней достигают района

Хальберштадта, Бернадот — Бернбурга, Ланн и Ожеро — Радегаста, Даву — Дюбена, Бонапарт — Галле.

20 октября. Князь Гогенлоэ пришел в Магдебург, генерал Калькрейт на плотах переправился через Эльбу ниже Магдебурга до Ерихова. Таким образом, в этот день остатки прусской армии численностью около 45 000 человек соединились под Магдебургом. Командование принял князь Гогенлоэ. Генерал Калькрейт уехал в Пруссию.

Французы под командой Мюрата, Сульта, Нея и Бернадота подошли в район Эгельна и Ошерслебена, а частью даже под пушки Магдебурга, Ланн и Ожеро пришли в Дессау, Даву — в Виттенберг.

Таким образом, за этот первый период отступления прусская армия отошла на 18 миль (132 *км*) к Магдебургу, сделав крюк, примерно, в 8 миль (60 *км*), тогда как прямая дорога была фактически свободна; в течение 16-го и 17-го армия безостановочно прошла 14 миль (около 100 *км*) от Семерда до Бланкенбурга, перешла через Гарц ночью по скверным проселкам, что привело ее в полное расстройство, так что последние 8 миль (около 60 *км*) до Магдебурга она смогла пройти только в три дня. Несколько дней спустя, а именно 24-го, генерал Блюхер пришел указанным выше путем к Зандау, где и переправился через Эльбу. Герцог Веймарский, слишком поздно отозванный со своей дивизией из Франконии, подошел 15 октября к Эрфурту, где он хотел освободить запертый там гарнизон; так как эта попытка не имела успеха, он двинулся через Лангензальца, Мюльгаузен, Хейлигенштадт, Дудерштадт, Остеродэ, Зеезен, Вольфенбютель, Кенисглутер, Гарделеген на Зандау, где он 26-го, почти на глазах у Ожеро, благополучно переправился через Эльбу. Французы разделились на две главные массы. Левым крылом, а именно корпусами Мюрата, Сульта и Нея, они следовали за разбитыми армиями по тому кружному пути, по которому шли последние, не особенно впрочем наседая на них, до Магдебурга, а правым они старались отрезать всю прусскую армию в целом и для этого стремились занять Дессау и Виттенберг.

Бернадот, находившийся в центре между ними, хотел итти прямой дорогой, но был отвлечен с нее герцогом Вюртембергским. Гвардия следовала за правым крылом.

Под Магдебургом князь Гогенлоэ переформировал остатки армии и 21-го выступил дальше, примерно, с 24 000 человек. В Маг-

дебурге должны были остаться только 12 000 человек, но ввиду общего беспорядка и поспешности точный контроль был невозможен, и лишь впоследствии выяснилось, что осталась 21 000 человек.

Так как князь уже не надеялся попасть в Берлин до противника, то решил итти в Штеттин кружным путем через Ратенов и Руппин. Для этого он разделился на две колонны, из которых одна состояла из пехоты с одной кавалерийской бригадой, а другая из конницы. Пехота должна была следовать через Ратенов, Фризак, Руппин, Гранзее, Тэмплин, Пренцлау, кавалерийская колонна — через Хафельберг, Кириц, Витшток, Везенберг, Вольдегк, Пазевальк на Штеттин.

Третья колонна, состоявшая из 35 эскадронов легкой кавалерии и некоторого количества легкой пехоты, под командой генерала Шимельпфениг, должна была обеспечивать этот длинный фланговый марш, следуя по дорогам, проходившим ближе к противнику через Цизар, Плауэ, Фербелин, Цеденик.

У французов Ней, а на первых порах и Сульт остались под Магдебургом, Ланн, Ожеро и Даву продолжали движение на Берлин, откуда дальше пошел один Ланн; Мюрат и Бернадот, не смогшие переправиться через Эльбу под Магдебургом, вернулись в Дессау и выступили оттуда: Мюрат через Плауэ на Фербелин и Цеденик, где он соединился с Ланном, а Бернадот — через Ратенов и Вустергаузен. Точных указаний относительно их местонахождения на каждый день не имеется.

21 октября. Князь Гогенлоэ шел с пехотной колонной на Бург.

Кавалерийская колонна собралась на Эльбе. Шимельпфениг шел на Цизар.

22 октября. Пехотная колонна — в Гентин, кавалерийская колонна — в Ерихов, Шимельпфениг — в Плауэ.

23 октября. Пехотная колонна — Ратенов, конница — Зандау, Шимельпфениг — близ Науэна.

Так как мост под Фербелином был разрушен, то генералу Шимельпфенигу было приказано быть на следующий день в Фризаке; это послужило предлогом к тому, чтобы сделать с пехотой еще лишний крюк, а именно через Ринов. Кавалерийской колонне была придана бригада пехоты под командой полковника Хагена.

24 октября. Пехотная колонна находилась под Нейштадтом, кавалерийская колонна — под Кирицом, генерал Шимельпфениг —

под Проценом. В этот день генерал Блюхер переправился через Эльбу под Зандау.

Дивизия Нацмера, сформированная из вюртембергского корпуса, осталась под Риновом в качестве арьергарда и была теперь подчинена генералу Блюхеру, который должен был держаться с нею на расстоянии небольшого перехода позади армии.

25 октября. Пехотная колонна — Альт-Руппин, кавалерийская колонна — Витшток, генерал Блюхер — Нейштадт, Шимельпфениг — Цеденик.

В этот день капитулировала крепость Шпандау.

26 октября. Пехотная колонна — Фюрстенберг, кавалерийская колонна — Везенберг, генерал Блюхер — Альт-Руппин.

В этот день отряд генерала Шимельпфенига был настигнут головой колонны Мюрата под Цедеником, совершенно рассеян и большею частью взят в плен; только два эскадрона его полка под командой князя фон-Плес достигли р. Одер. Маршал Ланн находился позади Мюрата, но подошел к Цеденику только к вечеру.

Князь Гогенлоэ сделал новый крюк, пройдя из Гранзее не на Тэмплин, а на Фюрстенберг, чтобы приблизиться к своей кавалерийской колонне; но из-за этого войска лишились продовольствия, заготовленного в Тэмплине.

27 октября. Князь Гогенлоэ следовал через Лихен на Бойценбург. Но так как за полчаса до его прибытия туда пришел разъезд противника, то он опять бросил продовольствие и сделал новый крюк через Кревиц на Шенермарк, куда колонна пришла только к утру.

Кавалерийская колонна должна была соединиться с пехотой под Пренцлау. Но приказ об этом был получен только некоторыми полками. Поэтому при пехотной колонне была только бригада Беерена в составе 5 эскадронов жандармов и 5 эскадронов полка Беерена. Из бригады Шверина лейб-полк, из бригады Вобезера 5 эскадронов Притвица, 5 эскадронов Крафта, 5 эскадронов Квицова, 5 эскадронов Вобезера, всего 35 эскадронов. 15 эскадронов под командой генерала Била должны были последовать за ними, но уже не смогли соединиться с пехотной колонной. Полк жандармов должен был соединиться с генералом Била, а последний — обеспечивать вместо Шимельпфенига правый фланг пехотной колонны. Поэтому полк жандармов двинулся из Лихена справа от озера мимо Бойценбурга в направлении на Пренцлау. Под Вихьмансдорфом он был задержан превосходными силами неприятельской конницы

и принужден к сдаче. Только майор Юргас пробился с одним эскадроном, который впоследствии был взят в плен под Анкламом.

Таким образом, 27 октября или, вернее, 28-го перед рассветом прусские войска были расположены следующим образом.

Пехотная колонна — под Шенермарком; 35 эскадронов кавалерии — под Шенермарком, остальные полки кавалерийской колонны в составе 45 эскадронов — под Фюрстенвердером; генерал Била с 15 эскадронами — между Лихеном и Шенермарком; генерал Блюхер — в Лихене и Фюрстенберге.

28 октября. Князь Гогенлоэ выступает на рассвете из Шенермарка и следует на Пренцлау, куда приходит почти одновременно с конницей противника.

Мюрат подошел с головными частями своей конницы из Тэмплина через Хаслебен, Ланн следовал за ним. Бернадот находился дальше позади и следовал за генералом Блюхером через Руппин и Лихен. Сульт переправился в этот день через Эльбу под Зандау. Остальные французские корпуса частью находились на марше на Франкфурт и Кюстрин, частью оставались в Берлине и окрестностях.

Драгунский полк Притвица развернулся против первых частей конницы противника, но был опрокинут; вследствие этого Королевский полк был в беспорядке отброшен в Пренцлау, а батальон принца Августа и полк Квицова отрезаны. Последний был взят в плен несколько часов спустя по дороге в Пазевальк после продолжительного сопротивления; полк Квицова бежал к генералу Била.

Князь Гогенлоэ считал свои войска слишком обессиленными, чтобы продолжать марш; он сдался генералу Мюрату, примерно, с 10 000 человек, которые были еще в сборе при нем.

Вечером 28-го Блюхер пришел в Бойценбург, где узнал о капитуляции князя Гогенлоэ; он остался под Бойценбургом.

Генерал Била узнал в районе Пренцлау от полка Квицова, что он отрезан. Теперь он совершил форсированный марш через Штрасбург, Юкермюнде в Фалькенвальде в 3 часах от Штеттина, чтобы этим кружным путем добраться до Штеттина, так как он думал, что под Лекеницем ему больше не пробраться. Он прибыл туда 29-го в полдень, выслал разъезд на Штеттин и получил сообщение, что противник уже у ворот города и что поэтому его не пропустят. Тогда он вернулся в Анклам, где 30-го встретился со своим братом, генералом Била старшим, с 1-м батальоном Гревеница, сопровождавшим королевскую казну, которая и была благополучно переправлена на остров Узедом. Для переправы войск

времени уже не оставалось, и 31 октября генерал Била старший сдался французской кавалерийской бригаде Бекера.

Кавалерийская колонна с пехотной бригадой Хагена выступила 28-го на Пазевальк, куда она пришла 29-го утром и где она сдалась французской кавалерийской дивизии, так как проход под Леконицем был уже занят.

Так как генерал Блюхер видел, что ему уже не попасть в Штеттин, то он 29-го свернул на Штрелиц с намерением соединиться с герцогом Веймарским. Последний по письменному предложению короля сдал командование своим корпусом генералу Винингу, а генерал Вининг ушел через Кириц и Витшток в Миров, куда прибыл 30-го и где узнал о капитуляции под Пренцлау. Поэтому он решил направиться на Росток, чтобы, если возможно, погрузиться с войсками на суда. Под Вареном он встретился с генералом Блюхером, который теперь принял командование над обоими корпусами, насчитывавшими 20 000 человек со 100 пушками. Генерал Блюхер решил во всяком случае отвлечь противника как можно дальше от Одера и либо отойти за Эльбу под Лауенбургом, либо, если это окажется невозможным, дать позднее сражение неприятельскому корпусу. Этим он надеялся дать королю время перейти в наступление на Одер с прусскими и русскими войсками. Поэтому он свернул с направления на Росток и двинулся в направлении через Альт-Шверин на болото Левиц между Ной-Шверином и Нейштадтом. Однако, французские маршалы Мюрат, Бернадот и Сульт,— первый справа, второй в центре, третий слева,— следовали за ним по пятам, так что он не мог больше сохранять направление на Эльбу, и даже в лучшем случае он все равно не успел бы переправиться через нее; он даже не смог нигде остановиться, чтобы дать своим войскам время передохнуть и собраться. С целым рядом арьергардных боев он пошел через Роггендорф на Любек, куда прибыл 5 ноября в надежде на то, что, благодаря сильной позиции за Травэ и нейтралитету датской территории, ему представится удобный случай дать сражение.

Но 6 ноября неожиданная потеря замковых ворот Любека, а также самого города с значительной частью расположенных там войск убила и эту надежду, и после того как ночью часть его войск была еще внезапно атакована за Любеком, он 7 ноября счел себя вынужденным сложить оружие с 9 000 человек.

Теперь мы приступим к рассмотрению общих условий этого отступления.

Король и окружавшие его так плохо поняли мысль, что под Ауэрштедтом следовало победить, чтобы обеспечить себе лучшие условия отступления. Им не пришло также в голову выбрать ближайшую дорогу к естественному пути отступления, а они собирались по собственной воле отойти сначала на Веймар, чтобы там соединиться с князем Гогенлоэ. Только известие о том, что на Веймарском шоссе уже появилась конница противника, заставило их взять направление на Бутштедт, то есть на Гарц.

Даже после того, как провели сражение под Ауэрштедтом с совершенно неправильной линией фронта, даже после того, как к концу сражения войска оказались расположенными за Ауэрштедтским ручьем, то есть тылом к Веймару, все же еще оставалась возможность двигаться прямо вперед, то есть через Экартсберга на Небра или Рослебен на р. Унштрут, где 15-го можно было собрать войска на позиции в глубокой долине. Правда, во время сражения прусские войска все время несколько охватывались слева; правда, фланговый марш после проигранного сражения представляется делом необычным, но не надо упускать из виду общей обстановки. Ведь дрались не с неприятельским центром, который выдвигает с фланга корпуса для охвата; против нас был крайний фланг охватывающего корпуса; это-то знали наверняка. Охват, который Даву производил парой батальонов, был детской игрой; если бы мы двинулись вперед с 35 000 человек, которых мы имели за Ауэрштедтом, то этот крайний фланг крайнего флангового корпуса противника не смог бы задержать наше движение. Нельзя считать положение прусской армии под Ауэрштедтом таким отчаянным, если подумать о том, как под Кюстрином русские два-три раза повернулись кругом и в конце концов, вопреки воле победителя, прошли мимо его левого фланга и снова вышли на свое естественное направление отступления, или о еще более трудной задаче того же рода, которую Фридрих Великий разрешил после сражения под Хохкирхом, когда его первый отход на Клайн-Бауцен на следующее утро был тактическим фланговым маршем на глазах у неприятельской армии или, вернее, между двумя неприятельскими корпусами — правым и левым крылом австрийцев, а дальнейший его отход от Клайн-Бауцена до Герлица был стратегическим фланговым маршем с целью выиграть также основательно утраченную стратегическую линию отступления.

Но допуская даже, что в первую минуту можно было подчиниться естественному чувству начать отход прямо в тыл и дойти до Бутштедта, все же мы должны были бы подойти к Бутштедту, имея, примерно, 35 000 человек, а не 10 000, как это случилось, а 15 октября был возможен марш от Бутштедта на Рослебен. Если бы 15-го мы были под Рослебеном, то 16-го вполне свободно могли быть под Галле, куда от Рослебена только 4,5 мили (около 32 *км*). но даже и 17-го было бы не слишком поздно притти в Галле, так как на герцога Вюртембергского наступал только корпус Бернадота, который при этих условиях не решился бы на наступление. 18-го дорога из Галле на Виттенберг и Дессау была свободна. Но 15-го мы не пошли на Рослебен по следующим причинам.

1. Так как в ночь с 14 на 15 октября армия совершенно разбрелась и частью попала в Бутштедт, частью даже в Эрфурт, то пришлось обеспечить возможность ее сбора назначением более близкого сборного пункта. Причина того, что части разошлись в разные стороны, как и причина проигрыша самого сражения под Ауэрштедтом, заключалась в недостатке боевого опыта и неумелых действиях нашей армии. Отсутствие твердого, решительного управления, отсутствие информации командиров дивизий, дряхлость генералов, полковых и батальонных командиров — вот причины, почему после ночного марша 35 000 человек превратились в 10 000.

2. Мы не пошли на Рослебен, так как все время имели в виду соединиться с Гогенлоэ и надеялись скорее достигнуть этого по пути на Зондерсгаузен. Но соединение с Гогенлоэ не представляло никакого интереса; самое главное было — дойти до ближайших переправ через Эльбу и обеспечить их. Князю Гогенлоэ всегда оставалась переправа под Магдебургом, а соединенными силами уже ничего нельзя было сделать по эту сторону Эльбы.

Но об этих ближайших переправах через Эльбу — в Дессау и Виттенберге — никто и не подумал; этому вопросу придавали так мало значения, что герцог Вюртембергский, который находился под Галле и главной задачей которого должно было бы быть обеспечение этих переправ, получил сведения и инструкции через военного губернатора крепости Магдебург.

Из Семерда, откуда полковник Клейст писал об этом губернатору Магдебурга, до Галле всего 10 миль (72 *км*), а через Магдебург 27 миль (195 *км*); неудивительно, что герцог остался без инструкций. Итак, наша плохая внутренняя организация продолжала тащить нас по ложному пути до Семерда. Здесь генерал Каль-

крейт имел в сборе 15 октября, примерно, 15 000 человек. Если мы снова представим себе тогдашнюю обстановку, то мы увидим, что если бы 16-го рано утром генерал Калькрейт выступил с этими силами на Франкенгаузен, то 17-го или 18-го он без затруднений вышел бы на прямую дорогу на Магдебург и в этом случае достиг бы этого города на сутки раньше, чем случилось в действительности.

Но в Вайсензее было два-три кавалерийских полка противника. Хотя у Калькрейта было больше, чем два-три кавалерийских полка, и хотя полки противника, расположенные в самом местечке, скорее подвергались опасности быть взятыми нами в плен, чем грозили взять в плен нас, однако, генерал Калькрейт предпочел предложить им своего рода перемирие и продолжать движение на Зондерсгаузен.

От Семерда до Бланкенбурга 14 миль (100 *км* с лишним), из них 5 миль (37 *км*) по Гарцу. Это расстояние генерал Калькрейт прошел с утра 16-го до утра 18-го, то есть в 48 часов, причем 5 миль по Гарцу войска шли темной ночью по отвратительным проселкам. Можно представить себе, в каком состоянии они пришли в Бланкенбург. К тому же князь Гогенлоэ прождал Калькрейта полсуток, а значит без этой задержки мог бы также быть на Эльбе 19-го. Все это случилось из-за небольшого передового отряда противника, который мы застали в Вайсензее и который легко могли отбросить.

Но и самый марш по Гарцу через Штиге, а не через Хасельфельд, как это должно было бы быть, совершался в намерении как можно более скрытно уйти от противника, так как на большой дороге опасались быть атакованными с обеих сторон хотя бы стрелковыми цепями противника, которые грезились повсюду. Непрерывная стрельба наших мародеров все время поддерживала эту боязнь; так случилось, что большая часть нашей артиллерии застряла в Гарце, а войска спустились из него в состоянии непревзойденного никем беспорядка.

Подсчет понесенных до тех пор потерь дает нам, примерно, следующие цифры: князь Гогенлоэ выступил из Магдебурга с 24 000 человек, капитулировало в этой крепости 21 000. Генерал Блюхер выступил, примерно, с 20 000, итого 65 000 человек. Если считать численность нашей армии без саксонцев, но включая крепостные гарнизоны Эрфурта и Магдебурга, в 115 000 человек, то потери составили 50 000. Из 45 000, которые Гогенлоэ имел под

Магдебургом, примерно, 25 000 принадлежали к главной армии, 8 000 — к армии Гогенлоэ, 8 000 — к резервной армии, а остальные — к гарнизону Магдебурга.

Численность главной армии достигала под Ауэрштедтом 45 000 человек; таким образом, она потеряла 20 000. Сразу после сражения она насчитывала до 35 000; следовательно, во время отступления она потеряла еще 10 000 человек только одними отсталыми, отбившимися и дезертирами.

Князь Гогенлоэ и генерал Рюхель имели в сражении 30 000 прусских войск; в Магдебурге из этой армии было 8 000 человек, следовательно, ее потери составили 22 000; из них капитулировало в Эрфурте 8 000; остается 14 000, из которых половину следует считать дезертирами и отсталыми.

При правильно организованном, проведенном в порядке отступлении капитуляция в Эрфурте не могла бы иметь места, а потери в 18 000 человек отсталыми и отбившимися, которые имели обе армии, можно было бы свободно сократить до 10 000; таким образом, под Магдебургом было бы на 20 000 человек больше, а потери составили бы всего 30 000 человек. Далее, оставление в Магдебурге 10 000 человек сверх численности гарнизона крепости надо считать последствием беспорядочного отступления. Следовательно, князь Гогенлоэ мог бы выступить из Магдебурга не с 24 000, а с 55 000 человек, а за ним мог бы следовать Блюхер с 20 000 человек. Таким образом, неудачный выбор пути отступления, столь же неудачное управление войсками во время отступления и отсутствие боевого опыта у войск привели армию в Магдебург вместо Дессау или Виттенберга и явились причиной того, что она выступила оттуда, имея в своем составе на 30 000 человек меньше, чем это могло случиться.

Другой основной ошибкой, которая была сделана еще по сю сторону Эльбы, был образ действий герцога Евгения Вюртембергского. То, что он, даже не имея в виду столкновения, позволил ослабить себя на 4 000—5 000 человек, было опять-таки следствием недостатка боевого опыта, не говоря уже о том, что он находился на естественном пути отступления нашей армии и что единственной его задачей было по возможности обеспечивать этот путь, что было легко сделать, заняв мосты в Дессау и Виттенберге. Вместо этого он оставляет Виттенберг совсем без внимания, уходит из Дессау и, таким образом, добровольно переходит с прямого пути на неправильный, руководствуясь только идеей соединения с осталь-

ной армией, в чем никакой необходимости не было. Не установлено, получил ли он на это приказ через Магдебург. Таким образом, после того как на левом берегу Эльбы упустили сделать все, что было бы естественно при данной обстановке, армия оказалась 20 октября под Магдебургом в действительно критическом положении, и возможность добраться до Одера начинала становиться сомнительной или во всяком случае могла быть обеспечена лишь ценой величайшего напряжения.

Поставим себя еще раз в положение князя Гогенлоэ и спросим себя, какие меры он должен был принять 20 октября.

От Магдебурга до Берлина 18 миль (135 *км*), от Виттенберга до Берлина 14 миль (около 105 *км*), то есть первый на 4 мили дальше от Берлина, чем второй. Берлин лежит на кратчайшем пути на Штеттин — последнюю переправу через Одер — как от Магдебурга, так и от Виттенберга. Если бы мы пришли в Берлин раньше противника, задача была бы решена.

Путь, избранный князем Гогенлоэ с пехотной колонной, именно через Ратенов и Руппин, правда, не намного длиннее; путь кавалерийской колонны длиннее, примерно, на 4 мили (около 30 *км*). С этим еще можно было бы примириться; тем не менее с точки зрения выхода на Одер было решительной ошибкой выбрать эти пути, так как в этом случае прямая дорога оставалась совершенно открытой для противника. Если даже больше нельзя было оказать сколько-нибудь значительного сопротивления по эту сторону Одера, то для наступления противника составляет огромную разницу, иметь ли против себя значительные силы, которые приходится ежедневно оттеснять, или же совершать обыкновенный марш вне воздействия противника. В данном случае, как и во всех подобных случаях, первое правило заключается в том, чтобы как можно скорее расположиться на путях противника, преграждая ему дорогу. Можно было считать в высшей степени вероятным, что 20-го противник еще не переправился через Эльбу; поэтому, выступив с Эльбы одновременно с ним, то есть 21-го, можно было надеяться форсированными маршами наверстать время, необходимое для прохождения этих лишних 4 миль. Во всяком случае, если бы мы все-таки пришли слишком поздно, то из Бранденбурга и Потсдама было так же легко свернуть влево, как из Магдебурга. Бранденбург и Потсдам как две важные переправы могли предоставить армии обеспеченные квартиры на одну-две ночи. Таким образом, князь Гогенлоэ, принимая решение выступить 21-го из

Магдебурга, должен был одновременно задаться целью пройти 18 миль до Берлина в три дня, то есть притти в Берлин 23-го. Во время этого отступления пехоте дважды пришлось покрывать 14 миль в двое суток, именно от Семерда до Бланкенбурга и от Руппина до Пренцлау, притом без заготовленного продовольствия и фуража. Тем более можно было совершить такой марш здесь, где в Бранденбурге и Потсдаме могло быть заготовлено продовольствие и где отступали бы, не будучи преследуемы противником и в известном порядке.

Распоряжения свелись бы в этом случае, примерно, к следующему. Коннице, находящейся под Магдебургом, следовать 21-го до Цизара, где остановиться на несколько часов для дачи корма, а затем продолжать марш до Гольцова, куда она должна прибыть еще вечером. Всей пехоте следовать до Цизара, отдохнуть там несколько часов, а затем продолжать марш до Бранденбурга. В Бранденбург необходимо притти 22-го к утру. Коннице, переправившейся ниже Магдебурга, следовать через Гентин и Плауэ на Бранденбург, куда она должна прибыть 22-го утром.

Если в Бранденбурге узнают, что противник еще не появлялся в Потсдаме, то 22-го в полдень выступить туда, имея в голове конницу, которая должна притти в Потсдам ночью, и занять переправы через Хафель конной артиллерией. Пехота должна была бы дойти до Потсдама 23-го утром, а вечером того же дня выступить на Берлин.

Первые французские корпуса — Ланна и Даву — пришли в Потсдам только 24-го, а в Берлине были 25-го, то есть, примерно, через 36 часов после того, как мы могли прибыть туда. Из Берлина можно было отходить на Нейштадт — Эберсвальде, а оттуда переправиться через Одер под Шведтом, что могло произойти, примерно, 29 или 30 октября.

Смог ли бы при таких условиях корпус герцога Веймарского попасть в Штеттин, трудно сказать наверняка, однако, это было более вероятно, чем когда своим собственным маршем преждевременно привлекли противника в район Штеттина.

До самой Эльбы французы не обращали на герцога Веймарского никакого внимания. Только на Эльбе его появление потревожило корпус Сульта, который облагал Магдебург со стороны Нойхайденслебена. Однако, Сульт уже не мог помешать герцогу переправиться 26-го под Зандау, а следовательно, по отношению к Штеттину находился позади герцога. Если бы герцог шел со всей

возможной скоростью, он, вероятно, мог бы пройти 30 миль до Штеттина в 6 суток, то есть до 31-го, и, быть может, в этот день противника там еще не было бы. Во всяком случае спасение этого корпуса уже не могло входить в задачу князя Гогенлоэ, который и сам еле-еле мог спасти себя.

Зато не подлежит никакому сомнению, что Блюхеру с тяжелой артиллерией и небольшим отрядом, составлявшим ее прикрытие (дивизия генерала Рацмера, сформированная из остатков Вюртембергского корпуса, должна была оставаться при князе Гогенлоэ), удалось бы пройти. 24-го Блюхер находился под Риновом, а 28-го пришел в Бойценбург, откуда он свободно мог дойти до Лекеница 29-го, то есть в тот день, когда князь Гогенлоэ мог, самое раннее, переправиться через Одер под Шведтом.

Даже по той дороге, по которой шел Гогенлоэ, он достиг Пренцлау раньше противника, и если последнему все же удалось преградить ему конницей дорогу у Лекеница, то это объясняется неправильными распоряжениями, в силу которых Гогенлоэ не имел при себе своей конницы. Поэтому нельзя сказать, что он действительно был отрезан. Однако, он подошел к Пренцлау одновременно с противником, не имея времени для принятия необходимых мер, и пришел с войсками, которые уже двое суток тащились 14 миль в самом жалком состоянии, голодные и измученные. Однако, даже примирившись с маршрутом, избранным князем, нельзя не упрекнуть его в трех вещах.

Во-первых, в нелепом отделении конницы от пехоты, когда он мог предвидеть, что будет отрезан не пехотой, а конницей противника; во-вторых, в том, что в первые пять дней он недостаточно ускорил марш, так как с 21-го по 25-е было пройдено только 17 миль; из-за этого в последние решительные моменты пришлось ускорять движение сверх всякой меры; в-третьих, в том, что несколько раз делали лишние обходы: в первый раз, когда пошли не через Фризак, а через Ринов, затем через Фюрстенберг вместо Тэмплина и, наконец, через Шенермарк вместо Бойценбурга.

Он должен был бы вести всю свою конницу тем путем, который он назначил генералу Шимельпфенигу. Численность этой конницы достигала 10 000 коней; она встретила бы Мюрата под Цедеником и, вероятно, не рассеялась бы, так как у самого Мюрата было только, примерно, 4 000—5 000 коней, так что пехота могла бы безопасно дойти до Тэмплина.

Капитуляция под Пренцлау непростительна, так как мы нахо-

дились за дефиле и еще не были по-настоящему обойдены. Правда, несколько пугала мысль о том, что с этими войсками придется отходить еще 4 мили (около 23 *км*) до Лекеница в присутствии неприятельской конницы, однако, я по собственному опыту знаю, что на самом деле это не было бы так трудно. Правда, войска были утомлены до крайности, но трудно себе представить, насколько опасность стимулирует моральные и физические силы. Батальон принца Августа, который находился в арьергарде, был утомлен не меньше других и на мой взгляд не мог протащиться и четверти мили,— в тот момент, когда он увидел себя отрезанным и окруженным конницей противника, снова превратился в вполне боеспособную часть. Он построился в каре и в течение трех часов продолжал свой путь по левому берегу Юкера, отбиваясь от непрерывных атак драгунской дивизии Бомона, так что он действительно уже дошел до района Банделова, когда глубокие рвы с водой привели его в такое расстройство, что от него фактически осталось всего около 150 человек, которые и были взяты в плен в виде беспорядочной кучки. Я убежден, что если бы вместо одного батальона отходило 20, имея между собой свою артиллерию, можно было бы пройти в таком порядке 4 мили, оставшиеся до Лекеница, не будучи разгромленными конницей противника.

К капитуляции побудил князя Гогенлоэ, по всей вероятности, главным образом, полковник Массенбах. В каком состоянии деморализации находился этот человек, видно из его же собственных записок. Будучи послан князем в качестве парламентера, он считал, что встретил маршала Ланна по нашу сторону дефиле, тогда как он находился на неприятельской стороне.

То, что полковник Массенбах пишет в своих воспоминаниях о генерале Блюхере, является одной из тех слезливых декламаций, которыми наполнены эти мемуары, как и вообще все писания Массенбаха,— без точных фактов, без определенного учета времени и пространства; и все же они произвели впечатление на праздно болтающую публику и на часть авторов.

Князь Гогенлоэ выступил из района Руппина 26-го утром и до утра 28-го, когда он пришел в Пренцлау, он совершил марш в 14 миль (около 104 *км*) через Гранзее-Фюрстенберг, Лихен, Кревиц, Шенермарк, причем войска не останавливались ни на квартирах, ни даже организованными бивакамп и не получали ни хлеба, ни фуража. Генерал Блюхер находился 25-го, примерно, в 3 милях (22 *км*) позади князя Гогенлоэ; следовательно, чтобы

притти в Пренцлау одновременно с князем Гогенлоэ, ему пришлось бы пройти без передышки 17 миль (126 *км*). Этим объясняется все, и мы знаем, как приходится расценивать жалобы Массенбаха на потерю 2—3 часов времени, в течение которых князь будто бы дожидался Блюхера под Гранзее и Шенермарком.

Такой же характер неосновательной, поверхностной, почти ребяческой болтовни носят мемуары полковника Массенбаха в отношении всех остальных периодов кампании 1806 года. Ни одного достоверного сведения, ни одной ясной мысли, ни одной твердо поставленной цели. Повсюду к без того уже неясным идеям мозга примешивается болезненная раздражительность характера. Такой человек вообще не создан для практической жизни, а тем более для войны; таким именно человеком всегда проявлял себя полковник Массенбах в последующие годы. Под Вайсензее, когда нужно было перешагнуть через генерала Клейна, а поведение фельдмаршала Калькрейта так мало свидетельствовало о таком намерении, что находившийся при колонне принц Август, опасаясь капитуляции, вызвал из арьергарда старого Блюхера,— полковник Массенбах произносил патетические речи о долге повиновения, причем присутствовавшие невольно покачивали головами. Марш через Кревиц на Шенермарк в ночь с 27 на 28 октября, предпринятый вместо того, чтобы проложить себе дорогу через Бойценбург, он тщетно пытается оправдать тем, что движение это будто бы было направлено на Ниден; но о Нидене в то время не было и речи, да, кроме того, под Ниденом не было тогда никакого моста.

Точно так же напрасны декламации против генералов Била и Шимельпфенига; первый шел по совершенно другой дороге; его надо было сперва подтянуть к себе, так что он находился в таком же положении, как Блюхер, и вряд ли мог бы нагнать безостановочно марширующую колонну. Генерал Шимельпфениг, правда, не покрыл себя особой славой под Цедеником, где он дал совершенно разгромить себя, так что из 35 эскадронов ушло только два, но так как у него было всего-на-всего 2 000 коней, а противник двинул на него 4 000, то, конечно, от него нельзя было требовать обеспечения марша на Пренцлау. Полковник Массенбах был бы, пожалуй, прав, если бы из 10 000 конницы, которые мы еще имели, по крайней мере 8 000 находилось бы на дороге, по которой шел генерал Шимельпфениг. Однако, довольно о полковнике Массенбахе.

Кроме многих ошибок, допущенных во время отступления прус-

ской армии ее командирами, имеется еще одно важное обстоятельство, которое очень способствовало неудачным результатам и даже было одной из причин ошибок со стороны командования: мы говорим о постоянном квартирном расположении войск.

Прусская армия имела еще в то время полное лагерное снаряжение из палаток, больших котлов для варки пищи и хлебных повозок; это создавало огромный обоз, от которого в минуту опасности, конечно, приходилось освобождаться, но который тем не менее во время быстрого отхода все время стеснял нас, тысячу раз вызывал остановки, без того чтобы ими можно было сколько-нибудь пользоваться. Таким образом, войска остались без котлов, но они не имели также и шинелей, а одеяла, которыми они в холодные ночи укрывались в палатках, находились, естественно, при палатках. Кроме того, они не имели никакой организации и инструкций для снабжения на месте. Все это заставляло прусских генералов считать первостепенным условием, чтобы войска ежедневно располагались по квартирам даже в самые опасные моменты, причем квартиры нельзя было занимать очень тесно, так как важно было, что солдаты могли получить пищу от квартирохозяев. Нетрудно понять, какие невыгоды вытекали из этого порядка расквартирования.

1. Он значительно сокращал длину маршей. Если армия должна продвинуться на 3 мили (22 *км*), то, считая всякие побочные передвижения, солдату приходится проходить 5—6 миль (37—44 *км*); следовательно, если армия должна продвинуться на 4 или 5 миль (30—36 *км*), то солдат уже не имеет возможности сходить с дороги; между тем в современных войнах такая скорость является довольно обычной, а в трудной обстановке, какой была наша,— даже неизбежной.

2. Он связан с совершенно реальной опасностью, так как ночью, вечером и утром войска никогда не находятся в сборе. Если бы французы знали, что у нас существует такой порядок, они рассеяли бы нас в самые первые дни.

3. Неизбежны всякого рода ошибки. Они вызываются всяким изменением направления марша и диспозиции; войска не все узнают об этих изменениях, выступают по неправильным дорогам, оказываются отрезанными, попадают в плен.

4. Будучи редко в боевой готовности, войска позволяют любому кавалерийскому полку противника сбивать себя с надлежащего направления, расстраивать наши планы и т. п.

5. Потери от дезертирства гораздо больше, а в такой обстановке приходится очень считаться с этим, даже если армия состоит целиком из уроженцев своей страны.

Мы оставляем открытым вопрос о том, могли ли наши генералы избежать такого порядка, сосредоточивая войска в лагерях. Отсутствие шинелей можно было бы возместить разведением большого числа бивачных костров; кроме того, время года было еще не очень позднее, а погода очень благоприятная. Если бы имелась посуда для варки пищи, то продовольственное снабжение не представило бы слишком больших затруднений, так как скот можно было реквизировать повсюду; армия проходила большей частью по зажиточным районам, а колонна в 10 000—15 000 человек, каковой была численность наших колонн, представляет собой небольшое войсковое соединение. Но, конечно, без посуды из мяса ничего сделать нельзя. Надо было также позаботиться, главным образом, о хлебе и водке; и это, с нашей точки зрения, не представило бы больших затруднений, но наша беспомощность в этих делах была поистине серьезным препятствием *.

Молодые, решительные, предусмотрительные люди, стоящие во главе войск, сумели бы найти выход из положения, подсказанный им здравым смыслом, но старцы, одряхлевшие физически и умственно за много лет мирного времени, с парой окаменелых традиционных идей, ничего придумать не могли. Итак, если прусская

* Это противоречило также традициям войск. Когда мы после сражения под Ауэрштедтом оставались без продовольствия в течение 14 и 15 октября и наши войска совершенно голодными пришли 16-го в район Грейсена, принц Август послал команду в близлежащую деревню, чтобы достать продовольствие. Крестьяне были очень удивлены, когда от них потребовали съестных припасов, а когда таковые были взяты у них силой, они подняли страшный крик. Старый майор Рабпель, командовавший одним из гвардейских гренадерских батальонов и служивший в одной бригаде с принцем, пришел в негодование от такого образа действий и, вызвав к себе автора, настоятельно просил его доложить принцу, что такая система грабежа не принята в прусской армии и противоречит ее духу. Принц, мол, молодой человек, который этого еще не понимает. Накануне вечером, когда войска в довольно сильном беспорядке и уже очень утомленные пришли в Семерда, генерал Калькрейт пытался восстановить порядок длинным приказом, в котором говорилось между прочим следующее: «Выдать войскам хлеб, а если хлеба нет, выдать им хлебные деньги». О хлебных повозках нечего было и думать, но денег тоже не было. Поэтому принц Август совершенно справедливо заметил, что это равносильно распоряжению: «Выдайте людям деньги, которых у вас нет, чтобы они могли купить себе хлеба там, где купить его нельзя». — *Прим. автора.*

армия совершенно развалилась, не успев дойти до Одера, если, не будь капитуляций под Пренцлау, Пазевальком и Анкламом, она дошла бы до Одера в составе каких-нибудь 10 000 человек, то это следует объяснить недостаточной обдуманностью и целесообразностью мероприятий во время отступления, отсутствием соразмеренности и преувеличенным опасением встречи с какой-нибудь передовой частью противника на прямой дороге. 14-го вечером развал вовсе не был еще неизбежным.

В самом деле, противник не прошел мимо нашей главной армии, следовательно, не обогнал ее; его головная часть и наша находились в одном и том же районе под Экартсберга и под Бутштедтом, на равном расстоянии и от Берлина и от Штеттина. Во время сражения он слегка охватил наш фланг, но только своей крайней передовой частью, так что это не имело никакого значения. Но если даже согласиться с тем, что мы уже не могли попасть в Виттенберг и Дессау, а должны были итти через Магдебург, то ведь от Бутштедта через Магдебург до Берлина только 36 миль (около 270 *км*), через Виттенберг — 33 мили (около 246 *км*). Противник прошел эти 33 мили в 11 дней, поэтому не представляло особого труда пройти 36 миль в 10 дней.

Но это означает только, что по чисто геометрическому расчету не представлялось невозможным дойти до Берлина скорее, чем противнику. С военной же точки зрения дело обстояло иначе. Под Галле находился герцог Евгений Вюртембергский с 16 000 человек. 14-го вечером можно было предвидеть, что по сю сторону Эльбы мы уже не сможем больше оказывать сопротивление и что самое главное сейчас — снова выйти на естественный путь отступления. Поэтому, если думали, что мы уже не сможем попасть в Галле, то надо было приказать герцогу итти в Виттенберг, выслать отряд в Дессау, разрушить оба моста и как можно дольше оборонять Эльбу, что, несомненно, задержало бы противника дня на два — на три.

Само собой понятно, что армии, с самого начала слабейшей в численном и моральном отношении, после полного поражения не могущей ожидать значительной поддержки с близкого расстояния, требуется особо искусное, мужественное и разумное управление. Нельзя отрицать того, что ввиду поворота фронта отступление прусской армии было еще более затруднено. Если бы прусская армия была расположена прямо против противника, примерно, в районе Лейпцига, то она сохраняла бы за собой кратчайший путь че-

рез Берлин на Нижний Одер; противник мог сильно потеснить ее, но вряд ли мог отрезать. Никто не станет отрицать невыгоды ее облического расположения за р. Заалой. Однако, она добровольно поставила себя в это невыгодное положение, чтобы иметь возможность дать сражение в лучших условиях; так как она была слабее, то ей приходилось брать в долг у будущего, чтобы быть сильнее в настоящий момент. В конце концов чем могла она обеспечить себе возможность благополучного исхода сражения, если не каким-нибудь риском? Из ничего не может что-нибудь получиться.

Когда в октябре 1813 года Бонапарт увидел себя вынужденным сосредоточить все свои силы в одном пункте против надвигавшегося противника, то он, понимая, что сможет противопоставить своим противникам, примерно, только вдвое слабейшие силы, выбрал поле сражения под Лейпцигом, где сливаются реки Плайсе, Партэ и Эльстер, разбивающие местность на резко разграниченные отсеки. Он расположился не позади речек, чтобы тем усилить свой фронт; это преимущество не казалось ему достаточно решающим; он расположился впереди них, подвергая величайшей опасности свое отступление, чтобы во время самого сражения иметь то преимущество, что армия противника была бы разделена естественными отсеками, а сам он смог бы долго вести бой на одном из участков, не считаясь с происходящим на других. 16 октября Блюхер одержал победу под Мекерном за Лейпцигом и р. Партэ, в то время как Бонапарт чуть не разбил главную армию противника под Лейпцигом; только 18-го положение его стало критическим, и только тогда победа Блюхера начала сказываться на самом Бонапарте.

Вопрос о том, поступил ли здесь Бонапарт самым правильным образом, может остаться открытым, но мы видим отсюда, как великий полководец понял эту идею, которую, следовательно, нельзя считать наивностью. Если Бонапарт не погиб под Лейпцигом так, как мы в 1806 году, то этим он обязан лучшим качествам своих войск.

Здесь, как в механике: то, что выигрывают в одной точке, приходится временно терять в другой. Поэтому нельзя ставить вопрос так, что мы обеспечили бы себе лучшие условия отступления, если бы расположились прямо против противника, а затем непосредственно делать вывод, что мы сделали ошибку, не расположившись так; вопрос стоит иначе: неужели при таком расположении мы безусловно уже не могли попасть на Одер и, следовательно, не слишком ли велика была жертва, которую мы принесли ради

достижения кратковременного преимущества? Как нам кажется, мы доказали, что это не так.

Волна победы донесла французскую армию не только до Одера, а даже до Вислы, где сила победы до известной степени выдохлась, движение приостановилось и где было встречено первое новое сопротивление. Следовательно, кампанию 1806 года надо рассматривать до этого момента. Без быстрого падения всех крепостей, расположенных на театре военных действий, это вряд ли могло бы случиться; первая остановка произошла бы на Одере, и русская армия вместе с нашими прусскими войсками, вероятно, продвинулась бы до Одера.

Крепости эти капитулировали в следующем порядке:

15 октября пал Эрфурт перед Мюратом и Сультом,
25 » » Шпандау перед Ланном,
29 » » Штеттин перед Ласалем,
1 ноября » Кюстрин перед Даву,
8 » » Магдебург перед Неем,
19 » » Ченстохов перед отрядом поляков и французской конницы,
20 » » Хамельн перед Савари с отрядом 8-го корпуса,
25 » » форт Плассенбург под Кульмбахом перед отрядом корпуса принца Жерома,
2 декабря » Глогау перед Вандамом,
5 января » Бреславль перед Вандамом.

Из соединений французской армии корпуса Даву и Ожеро двинулись через Франкфурт и Позен на Вислу, Ланн последовал за ним через Штеттин.

Мюрат, Бернадот, Сульт и Ней вернулись из своих походов в Берлин в середине ноября, а затем также двинулись на Вислу, где Ожеро, Даву, Ланн и Мюрат вступили 28 ноября в Варшаву.

Вюртембергские и баварские войска образовали под командой Жерома Бонапарта корпус, который по пятам следовал из Франконии за главной армией и через Дрезден вступил в Силезию, где взял Глогау и Бреславль.

8-й корпус под командой маршала Мортье перешел из Франкфурта в Гессен-Кассель, где обезоружил армию этого герцогства, а затем двинулся через Ганновер в Гамбург, а оттуда в Шведскую Померанию.

Если бы Эрфурт, Магдебург, Шпандау и Штеттин не были сданы без правильной осады, то для обложения и осады этих крепо-

стей противник должен был бы выделить из 6 корпусов своей главной армии 4 или 5 корпусов; следовательно, у него не осталось бы достаточно сил для наступления на Вислу, а так как можно было рассчитывать, что эти крепости, за исключением Эрфурта, продержатся два месяца, считая с начала обложения, то наступил бы январь.

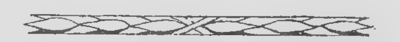
Причина столь быстрой капитуляции, очевидно, заключается в трех отрицательных явлениях:

1) в том, что для их обороны нехватало многого; это не было предусмотрено вследствие плохого руководства нашего военного ведомства;

2) в том, что военные губернаторы и коменданты были дряхлыми старцами;

3) в том, что общая растерянность и отсутствие мужества подорвали всякую мысль о сопротивлении.

Чтобы оборонять крепости, не снабженные всем необходимым в достаточном количестве, нужны энергичные, осмотрительные, решительные начальники, которые не ограничиваются тем, что раз в сутки заводят часы служебной рутины, а работают головой. Для того чтобы крепости могли мужественно обороняться после таких катастроф, как та, которая постигла нашу армию в 1806 году, необходимо энергично воздействовать сверху, внушать страх и надежду, будить энтузиазм. Но это было совершенно не в нашем духе; напротив, иногда случалось обратное, и нечего удивляться тому, что у некоторых комендантов естественная слабость доходила до полной потери стыда, что было, например, в Кюстрине, Штеттине и Шпандау.

Бой батальона
принца Августа

Гренадерский батальон принца Августа был слит под Магдебургом с несколькими сотнями людей, оставшихся от гренадерского батальона Райнбабена, и в составе 600 человек выступил 26 октября из Ной-Руппина. После невероятно тяжелого марша, во время которого войска таскались с одного пункта сбора на другой и не получали абсолютно никакого продовольствия, батальон пришел в Шенермарк 28-го утром, растаявший до 240 человек. Прочие остались лежать на дороге, обессилевшие от голода и усталости. Во время марша на Пренцлау мы образовали арьергард. Когда после рассвета мы собирались пройти через деревню Гюстов в 1/2 миле (3,7 *км*) от Пренцлау, с фронта пришло распоряжение арьергарду сомкнуться вплотную с колонной. В эту минуту несколько сот повозок, находившихся ночью между нами и остальными войсками, незаметно для нас быстро съехали с дороги в сторону, так что мы увидели перед собой значительное свободное пространство. Мы продолжали двигаться на Пренцлау так скоро, как только могли. Командир нашей дивизии генерал Гиршфельд еще раз послал назад графа Штольберга из Королевского полка, чтобы ускорить наше движение. Принц Август поручил мне выехать вместе с графом Штольбергом вперед на Пренцлау, чтобы посмотреть, как обстоит дело. Подъехав шагов на тысячу к Пренцлау, мы увидели в стороне от дороги три или четыре кавалерийских полка противника, которые, повидимому, собирались атаковать Королевский полк, только что подошедший к воротам Пренцлау. Граф Штольберг сказал: «Нам нельзя терять времени; едем со мной, остальные все отрезаны». Я ответил, что здесь наши судьбы расходятся, что он может во весь опор догонять свой полк, а я останусь здесь дожидаться принца Августа. Я пробыл там некоторое время, наблюдая за боем, который вели с конницей про-

тивника одна рота гренадерского батальона Дона и драгунский полк Притвица. Драгунский полк был опрокинут противником и отброшен в Пренцлау через дорогу, по которой мы шли. Я видел смятение, возникшее у въезда в Пренцлау, где все перемешалось — кавалерия, пехота, свои и противник. Затем я поехал навстречу принцу, который как-раз подходил со своим батальоном к этому району, и рассказал ему о том, что видел. Мы посоветовались, что делать, и так как считали, что не можем больше ожидать слишком многого от наших людей, и вообще никогда не слыхали, чтобы батальон пехоты мог проложить себе дорогу сквозь неприятельскую конницу, то сочли за самое разумное удирать влево в надежде на то, что противник, занятый под Пренцлау, не так скоро заметит нас. Только теперь мы увидели, что за нами следует еще кавалерийский полк, именно кирасирский Квицова. Пока мы еще находились на дороге, нас обстреляли несколькими выстрелами батареи противника, выехавшие на позицию справа от нас по ту сторону ручья, который течет со стороны Бойценбурга; от этих нескольких выстрелов полк Квицова рассыпался, как брошенная на землю пригоршня гороха. Мы свернули головой батальона влево и, перейдя через небольшой ручей, пересекли огород с капустой и сад. По ту сторону мы построились в каре и продолжали марш вниз по Юкеру, имея реку, примерно, в 1 000 шагах справа, то есть приблизительно в направлении на Элинген. Принц Август начал резко упрекать командира полка Квицова за поведение его полка. Впрочем последний и сам был очень рассержен этим и честно сделал попытку собрать свой полк, приказав трубить «сбор». Ему удалось собрать, примерно, 100 коней, то есть эскадрон, тогда как остальные вскоре скрылись от нас. Они собрались на некотором расстоянии и затем присоединились к генералу Била, находившемуся еще позади с 15 эскадронами. Принц Август попытался теперь уговорить полковника Коспота остаться при нем, что тот и обещал, но из этого, конечно, ничего не вышло.

Батальон продолжал свой марш в течение, примерно, получаса, когда мы увидели слева 3—4 эскадрона, появившихся из-за совсем невысокой гряды холмов, тянувшейся параллельно нашему пути. Сперва мы приняли их за полк Квицова, убежавший в этом направлении. Но так как вслед за тем мы увидели, что позади нас строится еще большее число эскадронов, мы вскоре поняли, что это противник и что нам предстоит энергично обороняться.

В батальоне оставалось только 7 офицеров и, как уже сказано, 240 рядовых. Принц сказал несколько ободряющих слов о необходимости обороняться с честью, приказал офицерам и рядовым соблюдать спокойствие и не терять головы, а последним, главное, ни в коем случае не стрелять без команды. Через несколько минут стала подходить конница противника, батальон остановился и изготовился; людям все время напоминали: «Не стрелять!» Автору живо представился момент сражения под Минденом, когда французская кавалерия атаковала два ганноверских батальона, и так как последние не открывали огня на обычной дистанции, кавалерия постепенно перешла из галопа в рысь, а из рыси в шаг. Как-раз то же случилось и здесь: французские драгуны подошли галопом, и видно было, что они со страхом ждут момента, когда мы откроем огонь; когда же мы, допустив их на 100 шагов, все еще не открывали огня, они стали все больше сдерживать лошадей, так что под конец подходили мелкой рысью. С 30 шагов скомандовали «огонь!», изрядное число французов упало, остальные пригнулись к шеям своих лошадей, повернули и поскакали обратно. Этим мы завоевали полное доверие у наших людей; они, казалось, были очень удивлены результатом приема, которому их так часто учили на плацу и на который они всегда смотрели, как на какую-то игру; когда один из неприятельских драгун, упавший перед самым фронтом батальона, выкарабкался из-под своей убитой лошади и бросился бежать прочь, контраст между этим боязливым бегством и диким, до известной степени скифским видом этого драгуна в каске с конским хвостом произвел такое впечатление на наших людей, что раздался общий хохот. Мы продолжали свой марш. Спустя немного времени последовала вторая атака, которая была отражена точно таким же образом.

Когда мы возобновили движение, мы увидели, что дорогу нам преградили два-три эскадрона, а остальные окружили нас так тесно, что мы ежеминутно могли ожидать атаки. Поэтому мы снова остановились, выдвинули тех немногих стрелков, которые у нас оставались, и приказали им сделать по нескольку выстрелов в гущу эскадронов. Это подействовало немедленно; противник очистил нам дорогу, и мы смогли продолжать марш. Затем через известные промежутки времени последовало еще пять атак, и мы заметили, что число эскадронов противника достигает четырнадцати, составлявших в то время, как мы потом узнали, дивизию Бомона. Но у них не было артиллерии.

Промаршировав таким образом еще полчаса и узнав от взятого в деревне (Шенвердер) проводника, что до Пазевалька мы не найдем переправы через Юкер, так как берега этой реки непроходимы из-за болот и рвов, мы, предвидя возможность на протяжении 4 миль иметь дело с конницей противника, стали опасаться, что нам может нехватить патронов и что силы и добрая воля наших людей могут иссякнуть. Поэтому принц решил лучше забраться в Юкерские болота, убежденный в том, что в большинстве случаев удается проходить с пехотой по таким местам, хотя на первый взгляд они кажутся непроходимыми. Неприятельская конница не могла бы ничего поделать с нами, и нам оставалось бы только ценой величайшего физического напряжения добраться до Пазевалька. Поэтому, вопреки совету крестьянина, мы вступили на болото и очень обрадовались, когда в течение часа смогли, хотя и с великим трудом, пробираться вперед, тогда как конница противника, следовавшая у нас на фланге по более высоким местам, оставалась безучастной зрительницей. Часть ее даже спешилась и как будто отказалась от преследования. Но грунт становился все тяжелее, часто стали попадаться широкие рвы, наполненные водой и настолько глубокие, что мы проваливались до подмышек. На этом тяжелом грунте осталось около сотни наших людей, у которых нехватало сил выбраться из трясины. Всех наших верховых лошадей нам пришлось уже оставить позади; только принцу удалось пока еще вести в поводу прекрасную, особенно крепкую английскую лошадь; это была та самая лошадь, на которой брат принца, принц Луи, был изрублен под Заальфельдом; кровь храброго принца была еще видна на седле. Однако, сильными движениями, которые делало животное, выбираясь из болота, оно вырвало повод и спрыгнуло в реку, по которой и поплыло рядом с нами вниз по течению. Несколько попыток поймать лошадь длинными алебардами (так называемыми «курцгеверами»), которые в то время еще носили унтерофицеры, оказались тщетными, и это было тем прискорбнее, что принц по долгу своего происхождения решил, в крайнем случае, лично пробиваться верхом. Подъехала артиллерия противника, которая начала обстреливать нас ядрами, так как болото было слишком широко, чтобы можно было использовать против нас картечь; огонь не производил особенного действия. Таким путем мы продолжали бы пробираться вперед по одному и, вероятно, спаслись бы, если бы после одного очень широкого рва, через который мы переправились лишь с величай-

шим трудом, грунт вдруг не стал бы тверже, что позволило коннице противника приблизиться к нам, хотя и шагом, но в довольно большом числе. Как только мы выбрались на этот твердый грунт, мы крикнули нашим людям опять построиться в каре, и я хотел бы упомянуть здесь о капитане Шверине, в мирное время всегда отличавшемся тем регулярным, как часовой механизм, чрезвычайно размеренным стилем работы, который обычно называют педантизмом; говорю, что хотел бы упомянуть о нем, потому что он, что редко бывает, сохранил эту спокойную медлительность и в минуту крайней опасности. Он никак не мог успокоиться, что не удается снова построить каре. Но люди, перебираясь через рвы, пользовались своими ружьями, как палками, почти все они побывали в воде до подмышек, и потому их патронные сумки и находившиеся там боевые припасы совершенно промокли. Видя невозможность дальнейшей борьбы и потеряв охоту к ней, они побросали ружья и позволили неприятельской кавалерии взять их в плен. Принцу тоже не оставалось ничего другого, как разделить участь своих людей. В первую минуту у принца отняли его шпагу, звезду ордена Черного орла и часы, но вскоре подъехал командир дивизии генерал Бомон, и эти вещи были тотчас же возвращены; по желанию принца приказали отыскать и его лошадь, которая вскоре и была приведена к нему.

Противник взял здесь в плен приблизительно 100 человек, остальные были еще на болоте. Увидев нашу участь, часть из них повернула обратно на Пренцлау. Раненых у нас было очень мало, в том числе один офицер; все они были ранены огнем из карабинов, из которых драгуны противника обстреливали нас во время атаки и во время нашего отступления. Какое действие произвел огонь артиллерии, в частности несколько выпущенных под конец выстрелов картечью, мы судить уже не могли. Противник признавал, что он потерял убитыми и ранеными около 80 человек. Так как известно, какие небольшие потери несет конница в подобных случаях, то надо считать эту цифру вполне правдоподобной.

Во время боя принц послал вниз по Юкеру в Хюльзе случайно находившегося с нами гусара полка Шимельпфенига, затем своего егеря и, наконец, моего рейткнехта в надежде на то, что они застанут там какой-нибудь отряд, который смог бы оказать нам поддержку. Ни один из этих людей не вернулся. К нашему общему удивлению мы не увидели на том берегу наших войск, уходящих из Пренцлау. Поэтому мы решили, что они уже успели пройти,

пока мы еще находились в ожесточенном бою. С изумлением и прискорбием принц узнал от генерала Бомона о капитуляции князя Гогенлоэ.

Мы находились между деревнями Банделов и Ниден, больше чем в 1¼ милях (11 *км*) от Пренцлау, куда нас теперь и отвели, так как дальнейшую участь принца должен был решить великий герцог Берг; мы прибыли туда в 4 часа пополудни. Выезжая из района, где мы были взяты, мы видели, как французская кавалерия тщетно пытается захватить людей, которые еще оставались в болоте и теперь отражали противника ружейными выстрелами. Генерал Бомон предложил теперь принцу приказать этим людям прекратить стрельбу, как будто бы взятие в плен их командира распространяется и на них; принц ответил благородными словами: «Эти люди счастливее меня; они мне больше не подчинены, и я могу только радоваться тому, что они обороняются, как храбрые солдаты». Части этих людей, действительно, посчастливилось переплыть в узком месте через Юкер на доске, которую один из умевших плавать притащил с того берега, а впоследствии добраться до Штеттина.

В Пренцлау принца привели к великому герцогу Берг, который в расшитом золотом маршальском мундире был занят тем, что очень косыми строчками и неуклюжим почерком писал на целом развернутом листе донесение императору Наполеону. Он сказал принцу несколько лестных слов и сообщил ему, что в эту же ночь его отправят в Берлин в сопровождении штаб-офицера.

По пути туда мы на следующее утро прибыли в Ораниенбург, где почтмейстерша, не знавшая принца в лицо, спросила, правда ли, что вся гвардия в плену. Когда принц ответил на это только мрачным взглядом, она воскликнула: «Ах, боже мой, хоть бы всех поскорее взяли в плен, чтобы это кончилось!»

Автор приводит здесь этот эпизод, так как он характеризует состояние духа и настроение народа. К полудню мы приехали в Берлин, где, к великому нашему отвращению, стали объектами народного любопытства. Нас немедленно отвезли во дворец, где в апартаментах покойного короля мы нашли императорскую главную квартиру. Принца немедленно впустили к императору, тогда как автору в совершенно растерзанном виде пришлось дожидаться среди блестящих, казавшихся презрительно вызывающими мундиров адъютантов императора. Минут через пять император отпустил принца, сказав ему, что он может оставаться у родителей.

Однако, через два месяца, по распоряжению военного губернатора Берлина генерала Кларка, принц был отвезен в Нанси.

Во время описанного небольшого боя с конницей автор убедился в том, как сильна пехота против конницы. Каре, в которое мы построились, было старинного типа. Люди были так измучены морально и физически после проигрыша сражения и после 14-суточного безостановочного отступления и недостатка в съестных припасах, а французская кавалерия настолько воодушевлена и опьянена постоянными успехами, соотношение сил (240 человек пехоты против, примерно, 1 500 конницы) настолько неблагоприятно, что пехота находилась здесь в одном из худших положений, какое только можно себе представить. Все сделали самообладание, которое сохраняли командиры и офицеры, постоянные уговоры не стрелять и открытие огня только в самую последнюю минуту.

Автор убедился здесь в том, что в характере кавалериста — не давать пристрелить себя в таком положении. Принято думать, что именно в тот момент, когда конница поворачивает назад, она могла бы атаковать безопасно для себя; но это — ложное представление; огонь пехоты, в каком бы виде он ни велся (у нас были приняты батальонные залпы, выпускавшиеся одновременно всеми атакованными фронтами, и этот вид огня — вероятно, единственно практичный в таких серьезных случаях), прекращается не так быстро, чтобы конница, продолжающая скакать вперед, не обстреливалась все с более близкой дистанции и под конец, как говорится, в упор. Выстрелов с ближайшей дистанции боятся все. Во всех случаях прорыва пехотных каре конницей мы можем быть уверены в том, что эта пехота либо уже была не в полном порядке и начала колебаться прежде, чем храбрая конница успела повернуть, либо открыла огонь слишком рано, на дистанции от 100 до 200 шагов, так что в тот момент, когда конница подходила совсем близко, пехотное каре вовсе или почти не стреляло. Я не говорю о том, что может сделать конная артиллерия при подготовке атаки; против пехоты, не отличающейся воинской доблестью, это почти всегда оказывается решающим фактором; но это очень мало действует, например, на французскую пехоту, как автор убедился на собственном опыте.

Итак, повторяю: не говоря о действии конной артиллерии, наилучшим и самым действительным построением конницы для атаки пехоты является построение в шахматном порядке, когда конница

атакует несколькими эшелонами, так что за первой атакой немедленно следует вторая. Этого можно достигнуть только путем разделения эскадронов на взводы; но такое построение настолько противно эскадронным командирам, что его вряд ли можно будет ввести, как обязательное, при всех построениях для атаки.

НАПОЛЕОН
О ПОХОДЕ 1806 ГОДА

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ТРУДА

„ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА, РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ ПЕРЕД СУДОМ ЦЕЗАРЯ, АЛЕКСАНДРА И ФРИДРИХА

Глава IX

Пруссия внезапно решается на войну

Хотя предложения о Ганновере не возымели никаких последствий, созданный ими в Берлине эффект был молниеносен. Со времени Потсдамского договора королева, принц Луи Прусский, герцог Брауншвейгский, барон фон-Гарденберг оказались во главе партии, стоявшей за войну. Они без труда увлекли за собой и короля, который смог успокоить общественное мнение лишь выгодами приобретения Ганновера за все испытанные невзгоды.

Была использована видимость вероломства для того, чтобы настроить против меня умы, причем не задавались вопросом, действительно ли я требовал Ганновера, а если и требовал, то не давал ли я за него Пруссии достаточную компенсацию. Притворялись, что видят во мне лишь недобросовестного союзника, который одной рукой отнимает то, что дал другой, и нарушителя территории, который по своему произволу распоряжался тем, что ему не принадлежало. Доходили даже до того, что публично утверждали, будто я подкупил русского посла д'Убри и будто для того, чтобы склонить его государя к заключению мира и к признанию меня как императора, я предложил ему раздел Пруссии с уступкой Варшавы великому князю Константину.

Для того чтобы вскружить головы, которые уже сами год ходили кругом, незачем было прибегать к такой нелепой басне. Пруссаки вдруг вспоминают, что они — наследники славы великого Фридриха: правительство, которое подавило взрыв, в свою очередь само подает пример этого. Король усматривает в потере Ганновера не что иное, как потерю своей монархии, последнего залога ее безопасности, личной своей чести. Ему остается лишь пасть со славой или, подобно трусу, оставаться на ногах. Всеобщий клич «к оружию» раздается от Потсдамской площади до Кенигсберга. Вопрос о войне решили, не дожидаясь даже сотрудничества России; с нею заключают союз, но не желают дожидаться ее войск, ибо война чести не терпит отлагательства.

Необычайный ультиматум

За долгим оцепенением следует, таким образом, рыцарский порыв. Генерал Кнобельсдорф, заменивший в парижском посольстве Луккезини, вручает мне необычайный ультиматум, который по своей форме совершенно не соответствует тому, что принято по отношению к великим державам. С меня требовалось: *1) приступить к очищению Германии, начиная с того дня, когда король сможет получить мой ответ, и без перерывов; 2) выделить Везель из состава своей империи; 3) отправить мой ответ в королевскую ставку до 8 октября.*

Сципион перед Карфагеном, наверное, не обращался к побежденным с более властной речью. Можно было подумать, что лишь вчера произошло Росбахское сражение.

Ошибка подобного поведения берлинского кабинета была тем большей, что он был заинтересован в выигрыше времени. Если бы он потребовал у меня в более приличных выражениях эвакуации Германии к обоюдно установленному сроку, он был бы прав, а вся вина агрессии легла бы на меня.

Напав на меня в тот момент, когда у меня были трения с русскими и с австрийцами, пруссаки могли причинить мне много зла. Но то, что они собирались объявить мне войну одни и так некстати, было настолько необычайно, что я не сразу этому поверил. Тем не менее это было так; пришлось предпринять поход.

Я, конечно, знал, что расположенная на Немане русская армия неизбежно вмешается. Но для этого нужно было время: я мог поспеть в Берлин до нее; к тому же я рассчитывал, что Себастиани удастся втянуть Турцию в войну, поскольку договор между Англией и Россией отдавал ей Молдавию и Валахию за ее выступление против Франции.

Не в моем характере было дожидаться недостоверного сотрудничества Селима III для того, чтобы напасть на моих противников, которые сами ставили себя в условия для нападения на них врасплох. Я приказал собрать свою армию и тотчас же выступил на Майнц.

6 октября я прибыл в Бамберг. Численность моей армии достигала 180 000 человек. Главные силы, состоящие из пяти корпусов Бернадота, Даву, Сульта, Ланна и конницы великого герцога Бергского, собрались в Кобурге и Бамберге; моя гвардия под командой Лефевра взяла направление на Бамберг; Ожеро направился на Франкфурт, чтобы угрожать Кассельской дороге, а потом взял направо; Мортье собрал 8-й корпус на границах Вестфалии; мой брат Людовик с 15 000 галло-батавов направился на Везель; Мармон с 2-м корпусом остался в Иллирии, имея задачей прикрывать Рагузу, занимать Каттаро и пр.

Позиция и план пруссаков

Пруссаки продвинулись в Саксонию и заставили курфюрста присоединить его войска к прусским. Курфюрст Гессен-Кассель-

ский готовился сделать то же самое. Они расположились на северной стороне Тюрингенского леса. Корпус Рюхеля в 20 000 человек стоял на правом фланге в Эйзенахе. Главная армия под командой короля, помощником которого был герцог Брауншвейгский, находилась в окрестностях Эрфурта. Левая армия, вверенная князю фон-Гогенлоэ, численностью около 50 000 саксо-пруссаков, была сосредоточена в Бланкенхайне; из нее был выделен один корпус в распоряжение Тауэнцина для прикрытия крайнего левого фланга в Шлайце.

Мои стратегические возможности

Для того чтобы перенести войну в Пруссию, я имел лишь три комбинационных возможности: я мог оперировать своим левым флангом, выйдя из Майнца и Везеля на Вестфалию, что было бы нелепо; я мог, напротив, действовать густыми колоннами в центре по Эйзенахской дороге на Кассель и Лейпциг; я имел, наконец, возможность броситься густыми колоннами с правого фланга, с тем чтобы охватить левый фланг неприятеля и через Гоф и Геру отрезать пруссаков от Берлина, как я отрезал Мака через Донаверт от Вены и Меласа от Маренго. Было очевидно, что этот последний маневр был не только наилучшим, но и самым разумным.

Ошибка неприятеля

Чтобы избежать катастрофы, пруссакам оставались на выбор лишь две возможности: броситься в середине сентября на мои рассеянные в Франконии части или, сосредоточившись в верховьях Заалы и упираясь левым флангом в австрийскую границу, выжидать меня в оборонительном порядке. Я мог бы напасть на них с фронта, но тогда они имели бы путь для безопасного отступления на Дрезден и Силезию. Они двинулись бы на соединение с русскими на Одере, и монархия была бы спасена. Они же, напротив, устремились своим правым флангом на Эйзенах, уперлись своим центром в Эрфурт и изолировали свой левый фланг в окрестностях Шлайца. Это-то мне и нужно было.

Портреты их полководцев

Став лично во главе своей армии, король откопал всех своих старых полководцев эпохи Семилетней войны и роздал им роли руководителей; герцог Брауншвейгский и Меллендорф должны были привести армию к победе. Первый, будучи при его отце, великом Фердинанде, генералом авангарда, с тех пор сражался лишь при Кайзерслаутерне против Оша, где он ограничивался храброй защитой своего лагеря. Хороший администратор, доблестный в бою, но робкий в кабинетной обстановке, он ничего не смог предпринять за истекшие пятнадцать лет войны, хотя эти годы были богаты серьезными уроками для всякого военного, умеющего ими

воспользоваться. Меллендорф, будучи не менее храбрым, был полководцем не лучшим. Возраст охладил в них достоинства, доставившие им такую репутацию, но гениальности им не дал; ибо гений никогда не является плодом ни возраста, ни опыта. Князь фон-Гогенлоэ и его правая рука Массенбах были умны и образованы ровно настолько, чтобы извлекать из войны все, что в ней есть наиболее ошибочного. Одним словом, в этом блестящем кругу потсдамских воротил не было ни одного, который понял бы мою систему настолько, чтобы судить о трех только что указанных и весьма простых предположениях и при этом сделать отсюда вывод о том, что, если прусская армия осмелится перейти Заалу, я обойду ее через Кобург и Гоф. Они спешили навстречу своей гибели с непостижимым самомнением.

Эти пребывающие уже десять лет в летаргическом сне ловкачи так были уверены в оттеснении нас к Майнцу, что не приняли никаких подготовительных мер к укреплению своих передовых позиций, находящихся в нескольких переходах от наших расположений. В то время как в Келе, Касселе, Везеле я громоздил бастионы на бастионы, они не создали ни одного заграждения в Магдебурге, не установили ни одной пушки в Шпандау.

Впрочем армия была превосходна, с замечательной выправкой и дисциплиной, с отличной артиллерией, а конница еще не совсем забыла Зейдлица и его бессмертных заветов; больше того, главный штаб был очень образован, но образован в мелочах. Таким образом, несмотря на великолепную внешность, эта армия была телом без души.

Виды герцога Брауншвейгского

Продвигая свой правый фланг до Эйзенаха, герцог Брауншвейгский рассчитывал прикрыть Кассельскую дорогу и привлечь Гессенского курфюрста, который уже набирал контингент в 20 000 человек для подкрепления армии.

Герцог рассчитывал далее перейти границы Франконии в трех точках, чтобы напасть на мою майнскую линию, где, по его мнению, я должен был оставаться для обороны. Это был странный способ суждения обо мне лично, о моей позиции и моем прошлом. Как можно было, в самом деле, думать, что полководец, устремившийся с быстротой орла на соединенные силы Австрии и России, погрузится в сон за Майном перед изолированными силами второстепенной державы — в особенности тогда, когда у него были столь сильные мотивы для решительных действий до прибытия русских и до пробуждения австрийцев?

Узнав о моих первых продвижениях на Кобург, герцог оправился от иллюзии, доказывавшей все его простодушие; он отказался от наступления и решил сосредоточить свою армию близ Веймара и ждать нас с фронта.

Это сосредоточение было благоразумным шагом, но его следовало произвести на левом фланге, в Гофе, а не стягивать этого

фланга к главным силам, оставляя неприкрытой ту самую дорогу, которая вела к моей цели.

Я завладеваю неприятельскими коммуникациями

Я вскоре принял решение, когда узнал по прибытии в Бамберг обо всем, что творилось вокруг Эрфурта. Рядовой полководец удовлетворился бы на моем месте поражением врага, но я глядел дальше: я решил уничтожить его.

Я задумал свой план так, чтобы отрезать их армию от сердца прусской монархии, обойти ее слева и утвердиться между ней и Эльбой. По существу, действуя таким образом на неприятельские коммуникации, я рисковал своими, но на это можно было итти без боязни, так как за нами было численное превосходство, а также потому, что, строго говоря, тотчас же свернув из Геры на запад, я прикрыл бы Гофскую, Нордхальбенскую и Кобургскую дороги, которые в случае неудачи привели бы меня обратно в Франконию.

Моя армия проникла в Саксонию тремя путями; справа Сульт, Ней и одна баварская дивизия двинулись из Байройта через Гоф на Плауэ; в центре великий герцог Бергский, Бернадот и Даву шли из Бамберга через Кронах на Заальбург; слева Ланн и Ожеро, выступив из Швайнфурта, взяли направление через Кобург и Граффенталь на Заальфельд.

Первая схватка произошла 8 октября. Один прусский отряд, желавший защищать Заалу у Заальбурга, был сбит великим герцогом Бергским; на другой день моя центральная колонна, следуя по своему пути, натолкнулась в Шлайце на корпус Тауэнцина. Бернадот атаковал его и одержал победу, которая мало кем оспаривалась.

Мой левый фланг начал так же успешно. 10 октября Ланн атаковал у Заальфельда авангард армии Гогенлоэ, которой командовал принц Луи Прусский. Противник был разбит и потерял тысячу человек и тридцать пушек. Принц Луи, молодой человек, подававший большие надежды, не желая пережить позор поражения, сознательно пошел на смерть: он жил храбрым рыцарем и умер героем. Будучи сначала моим поклонником, он стал потом моим заклятым врагом, так как считал меня опасным для Пруссии. Он был введен в заблуждение своим патриотизмом, и, несмотря на все то, что он сделал против меня, я с удовольствием воздаю ему должное.

Я ждал большего сопротивления. Воспоминания о Фридрихе, Зейдлице, Лейтене, Праге внушили мне самое высокое мнение об этой армии, и я сказал одному из своих офицеров в Майнце, что этот поход не будет похож на Ульмский, что здесь придется приложить руки. Первые победы вывели меня из заблуждения: они были хорошими предзнаменованиями для похода. Я почувствовал тогда, что невысоко ставлю прусскую армию, которая не обнаруживала достаточной выдержки перед лицом крупной неудачи.

Решительный маневр

Сразу же после выступления нам удалось охватить левый неприятельский фланг, упредив его 12 октября в Гере. Нужно было отрезать его полностью. Для этой цели мой левый фланг послужил стержнем для полного перемещения всей моей армии. 13 октября мы заняли следующую позицию: Даву, Бернадот и Мюрат с одной лишь легкой конницей перешли в Наумбург, где мы завладели значительными складами, предназначенными для прусской армии; Сульт находился на пути из Геры на Иену; Ней — в Рода; Ланн — в Иене; Ожеро — в Келе; одна баварская дивизия была моим соседом справа, утвердившись в Плауэ.

Прежде чем покинуть Геру, я 12 октября написал Фридриху Вильгельму, предложив ему мир. Отвезти это письмо я поручил своему офицеру-ординарцу Монтескью. Этот шаг был плохо встречен. Если верить князю Гогенлоэ, Монтескью был арестован аванпостами ночью 13-го, так как путешествовал один и без обычных для парламентеров предосторожностей. Гогенлоэ оставил его у себя, отправив письмо королю, который получил его лишь в самый разгар боя. Приходится признать, что было несколько поздно и трудно избежать войны. Но когда я писал это письмо, я рассчитывал на две возможности: король или доверится мне и подпишет все, или же будет упорствовать в своем решении победить или умереть, принятом еще при выступлении из Берлина. И в одном и в другом случаях он будет колебаться вечером 13-го и утром 14-го, и у него не будет времени, чтобы решиться на ночной форсированный марш, чтобы избежать атаки с тыла. Эта военная хитрость позволительна. Я прикинулся сторонником мира, не переставая преследовать свою цель. Это письмо было не худшим из маневров этого похода; если бы король получил его, как я рассчитывал, 13-го, это не мешало ему двигаться со всей своей армией на Фрейбург независимо от того, принял бы он мир или нет. Следовательно, его военное и политическое спасение зависело от него самого. Одной уж даты этого написанного в Гере письма было достаточно, чтобы убедить его в необходимости ускорить свой отход и выйти из затруднительного положения, дав, однако, на это письмо ответ.

Сражение при Иене

Неприятель, сосредоточенный в окрестностях Веймара, понимал мои маневры лишь после того, как они удавались. Но увидя, наконец, что мы стали хозяевами дороги от Веймара на Лейпциг и завладели его складами в Наумбурге, он решил отступить, чтобы достигнуть Эльбы ранее нас.

Вечером 13-го король и герцог Брауншвейгский с главной армией двинулись на Зульцу. Князь фон-Гогенлоэ, имея задачей прикрывать это движение, остался близ Капеллендорфа на высоте Иены. Поддержкой ему служил корпус Рюхеля, который отступил

к Веймару. Я был далек от мысли предоставить неприятелю время для того, чтобы он мог ускользнуть. Захватив уже его коммуникации, я решил произвести его разгром, дав ему сражение.

Хотя Иенское ущелье, через которое нам приходилось двигаться, было весьма трудно, оно не было препятствием для нас, прошедших Сен-Бернар и де-Барскую скалу. Оттеснив авангард Тауэнцина к Иене, Ланн имел смелость взобраться на гору Ландграфен и стать на ее вершине лицом к лицу с прусской армией, которую я обнаружил в ее расположении по трем линиям. Я не знал, что она разделилась: я думал, что она сражалась, по системе Фридриха, вместе. Я ускорял движение своей гвардии и заставил ее взобраться в 10 часов вечера по очень крутой тропе на Клозевицкое плато, так как нужно было устроить себе как бы предмостное укрепление для того, чтобы взобраться на гору и выбраться из этой пропасти. Сульт следовал за нами по пятам. Ночью он прибыл к моему правому флангу, Ожеро — к левому. Ней расположился биваком в Роде.

Распоряжения о сражении

Считая, что вся армия короля сосредоточена в этой точке и что ее левый фланг простирается в сторону Апольды, я приказал Бернадоту двигаться на Дорнбург, а Даву — направиться от Наумбурга по левому берегу Заалы на Апольду, чтобы устремиться на оконечности неприятельской линии и напасть на нее с тыла. Мюрат со своей легкой конницей соединился со мной в Иене. При моих предположениях эти распоряжения были правильны. Если бы я знал, что прусский король хочет прорваться через Наумбург и что Бернадот туда уже прибыл, я не оставил бы Даву одного выдерживать удар главных сил неприятеля и не послал бы Бернадота в Дорнбург, где он не был нужен ни мне, ни Даву.

14-го на заре завязался бой. Ночь была холодна. Густой туман застилал горизонт; в двух шагах ничего не было видно; для нас это было вдвойне хорошо, так как неприятель не мог открыть, что мы еще не на плато. В 8 часов я сел на лошадь и, проезжая по фронту дивизии Сюшэ, обратился к его батальонам со следующими словами: «Солдаты! Эта столь гордая прусская армия такова же, как и армия Мака при Ульме. Она сражается только для того, чтобы открыть себе проход. Корпус, ее пропустивший, покроет себя позором!» Авангард князя фон-Гогенлоэ был выбит Ланном из ущелий, вход в которые он еще занимал. Мы расположились в Лютцероде и Клозевице. Услышав шум боя, Гогенлоэ поднял свой лагерь в Капеллендорфе и двинулся нам навстречу на Фирценгейлиген.

В течение двух часов я довольствовался этим небольшим успехом, ограничиваясь тем, что поддерживал сражение до прибытия моей конницы и трех корпусов, которых я ждал. Движимый прискорбным избытком усердия и недовольный своим резервным поло-

жением позади Ожеро. Ней бросился один с 3 000 отборных людей в атаку на всю прусскую линию при Фирценгейлигене: в течение часа он выдерживал всю силу неприятельского огня и заставил меня поддержать его Ланном. Эта преждевременная атака вызывала во мне тем бо́льшую досаду, что я все еще предполагал, будто вся армия короля находится в этом пункте. Когда же колонны Сульта и Ожеро, наконец, вышли, а вместе с ними и главные силы Нея, я дал знак к решительному удару. Герцог Далматский устремился на левое крыло Гогенлоэ, Ней и Ланн — на центр в Фирценгейлигене, Ожеро — на Изерштедт.

Ни на одну минуту нельзя было сомневаться в победе: вся линия пруссаков была сломлена и была обращена в беспорядочное бегство. Рюхель, прибыв из Веймара со своим запыхавшимся резервом, не сумел даже заметить, что дела были слишком плохи для того, чтобы можно было улучшить их его 20 000 человек. Вместо того чтобы ограничиться прикрытием отступления князя Гогенлоэ, он неблагоразумно вступил в бой с главными силами моей армии и, имея возможность напасть на нас с фланга, бросился на нас с фронта. Он был опрокинут и сам был тяжело ранен. Его поражение лишь увеличило потери неприятеля. Деятельно преследуемые беглецы были отброшены за Ильм, который они перешли ниже Веймара. Этот город был занят нашими войсками в вечер того же дня, в шести лье от места начала боя.

Сражение при Ауэрштедте

В то время как мы одерживали победу у Иены, Даву одерживал при Ауэрштедте не менее замечательные успехи против армии короля. Последняя выступила накануне, чтобы занять Наумбург и Фрейбург. Открывавшая движение дивизия Шметтау продвинулась до Гернштедта, а ее разведчики, достигшие Кезенского ущелья, взяли в плен нескольких разведчиков Даву. Герцог Брауншвейгский, узнав о наличии корпуса этого маршала в Наумбурге, продолжал думать, будто это лишь партизанский отряд: вместо того чтобы в тот же вечер продвинуть Шметтау до Кезена, он оставил его на старых позициях, а две другие дивизии и дивизию резерва расположил биваком между Эберштедтом и Раништедтом. Главный штаб находился в Ауэрштедте. О том, какая участь угрожала армии, подозревали так мало, что сама королева оставалась там с непостижимой беспечностью; король с трудом уговорил ее вернуться в Веймар.

Грубая ошибка герцога Брауншвейгского

Герцог же Брауншвейгский, уведомленный о наличии корпуса наших войск в Наумбурге и хорошо зная, что одна дорога ведет от Кезенского плато непосредственно во Фрейбург на Унштруте, рассчитывал занять этот город без усилий. Он приказал дивизии Шметтау занять к завтрашнему дню высоты Кезена и прикрывать

марш четырех других дивизий, которые за ней пройдут. Этим путем можно было бы легко ускользнуть, если бы Даву оставался неподвижно в Наумбурге. Но если бы даже армия короля и спаслась этим скрытым маршем, то что сталось бы с князем Гогенлоэ, которого бросили с его 50 000 человек посреди моей армии? Если они хотели тайком выбраться из ловушки, им следовало, по крайней мере, предписать Гогенлоэ двигаться ночью со своей пехотой на Зульцу, чтобы соединиться там с королем и тем поднять шансы операции. Это было единственное средство спасти армию от того разгрома, который ей угрожал. Дивизия Тауэнцина и вся конница Гогенлоэ остались бы в капеллендорфском лагере для маскировки марша, а опасности подверглись бы в крайнем случае десять батальонов Тауэнцина, да и те могли бы с наступлением дня выйти на Эрфуртскую дорогу или даже последовать за королем по Экартсбергской дороге.

Ясно, таким образом, что герцог Брауншвейгский великолепно умел поставить армию в затруднительное положение, но не был в состоянии вывести ее оттуда.

Армия короля двинулась на заре; туман, о котором речь была выше, затруднял и замедлял движение. Тем не менее дивизия Шметтау, прибыв к Хассенгаузену, наткнулась на дивизию Гюдена, которую Даву отправил ночью для того, чтобы днем мог состояться выход из Кезенского ущелья. Часом позднее все было готово; наши войска, сгрудившиеся в ущелье, никогда не смогли бы иначе выйти оттуда и кончили бы плохо.

Вернувшись накануне из разведки и получив мои приказы к двум часам утра, Даву предложил Бернадоту итти с ним через Кезен на Апольду и даже передал ему командование двумя корпусами. Приказ принца Нефшательского, адресованный Даву, действительно гласил, что в случае прибытия к последнему первого корпуса они могут двигаться вместе; но Бернадоту эта фраза не была повторена, и он, проявляя чрезмерную точность, понял в буквальном смысле приказ о движении на Дорнбург. Все, что ему говорил коллега, оказалось бесполезным, и он действительно направился на Камбург. Это непонятное упорство чуть не погубило Даву и исход сражения, как мы это скоро увидим.

Король Пруссии лично отправился в дивизию Шметтау, но так как туман мешал ему разглядеть все, что происходило, то он поручил Блюхеру выйти вперед с 2 500 сабель и атаковать войска, которые появятся на плато. Как раз в это время Гюден прибыл со своей колонной к Хассенгаузену. Наша легкая конница столкнулась лицом к лицу с превосходящей ее конницей Блюхера и была отведена, но бригада Готье сумела во-время построить свои каре. Король приказал атаковать их. Артиллерия, установленная на шоссе и поддержанная пехотой, свела на-нет все усилия Блюхера и его эскадронов.

Это неожиданное сопротивление испугало герцога Брауншвейгского; он хотел ввести армию в бой и выждать рассеяния тумана.

Старик Меллендорф уверял, что у нас нет ничего, кроме летучего отряда, который нужно столкнуть в Кезенскую долину. Разделяя это мнение, король приказал дивизиям Вартенслебена и принца Оранского пересечь Ауэрштедтскую долину. Поскольку они решились взять инициативу в свои руки, было большой ошибкой, что это ущелье не было пройдено ночью: в этом случае прусская армия подошла бы в сформированном виде к нашим колоннам на марше.

Вартенслебен, который вышел первым, построился на правом фланге и атаковал левый фланг Гюдена. В то же время Блюхер, продвинувшись до Пунхерау, оказался в тылу нашего правого фланга и атаковал его со всем натиском, который позволял несколько рассеявшийся туман. Минута была решающая. Даву, расположив свои каре в шахматном порядке и поддержанный Гюденом, с одной стороны, и героической выдержкой своей пехоты, с другой, отбил ряд последовательных атак. Под Блюхером была убита лошадь. Его эскадроны всюду наталкивались на железный фронт и на убийственный огонь, который косил наиболее храбрых, а вся эта конница в беспорядке двинулась по Экартсбергской дороге.

Прибытие дивизии Фриана, которая заняла место на правом фланге, довершило успех в этой точке. Освободившись с этой стороны, Гюден вскоре подвергся нападению на правом фланге со стороны войск Вартенслебена. Шметтау, который потерял уже половину своих людей, был поддержан с обоих флангов принцем Оранским.

Было девять часов. Герцог Брауншвейгский решил предпринять общую атаку против нашего левого фланга и сам стал во главе дивизии Вартенслебена. Непоколебимый Гюден твердо выдержал этот новый натиск, несмотря на резкое несоответствие в численности войск. Атака шла вяло, хотя и храбро. Пруссаки слишком старались сохранять равнение и дистанции, как на параде. Наши солдаты, укрываясь за заборами, канавами, деревьями и садами, окружавшими Хассенгаузен, пронизывали их пулями. Многие батальоны дрогнули, а герцог Брауншвейгский, желая их увести, был смертельно ранен; та же участь постигла Шметтау. Под Вартенслебеном была убита лошадь. Лишенная своих начальников, прусская линия заколебалась; остановилась, но не отступала. Гюден уже слабел, когда на плато появилась дивизия Морана и направилась на наш левый фланг. Это мощное подкрепление свежими и бодрыми войсками решило исход. Отброшенные от Хассенгаузена, пруссаки все же не удержались в тылу. Король решил предпринять на наш левый фланг конную атаку, подобную той, которая так плохо удалась Блюхеру днем. Принц Вильгельм храбро произвел несколько атак против войск Морана, расположенных в каре батальонами в шахматном порядке. Доведенная до упрямства самоотверженность этого принца несколько раз разбивалась о странное сопротивление, которое оказывали наши храбрые пехотинцы.

Останавливаемый скрещенными штыками, расстреливаемый в упор, обстреливаемый нашими батареями, сам раненый, принц не мог остановить беспорядочного бегства своих эскадронов, которые устремились отчасти на Нейзульцу, отчасти — на Ауэрштедт.

Фриан, со своей стороны, проник до Таухвица, обошел левое крыло принца Генриха и оконечность неприятельской линии.

Как только Моран освободился от кавалерийской атаки, он устремился на Рехаузен. Король всюду находился в разгаре атак, и под ним уже одну лошадь убили. Этот государь проявлял столько же хладнокровия, сколько и храбрости. Часть своего резерва он бросил на наш левый фланг, но так как он был разбит с фланга артиллерией и пехотой, которые Даву вывел на Зоненберг, он уже не был в состоянии продолжать бой и помешать Морану овладеть Рехаузеном. В прусскую пехоту стали проникать беспорядок и смятение.

Тогда Даву решил, что наступил момент нанести решительный удар. Высоты Экартсберга командовали над левым флангом неприятеля. Овладеть ими значило захватить и тактический, и стратегический пункты поля сражения, потому что это значило овладеть непрямой дорогой на Фрейбург и закрыть последнюю линию для неприятельского отступления. Дивизия Гюдена направилась туда через Таухвиц и Герштедт, а дивизия Фриана — через Лиздорф. Ничто не могло устоять против натиска их удара. Старый Меллендорф, раненый выстрелом, передал командование Калькрейту, но так как его последнее резервное ядро не могло остановить экартсбергской атаки, не было уже ни малейшей надежды на продолжение боя. Его войска прошли довольно глубокую Ауэрштедтскую долину в беспорядке.

Не зная о поражении князя Гогенлоэ, король приказал отступить на Веймар. Разгром его армии был бы полным, если бы Бернадот выполнил то, что он мог сделать, хотя бы наполовину. Отправившись в три часа утра из Наумбурга и прибыв в Камбург около шести часов, он мог еще выйти оттуда на Зульцу, атаковать короля и отрезать ему все пути к отступлению. Но он предпочел продолжать свое движение на Дорнбург, где Заальская долина гораздо труднее для перехода, а потому достиг окрестностей Апольды лишь к ночи. Тем не менее его неожиданное появление на этих высотах, прикрывающих на некотором расстоянии Веймарскую дорогу, и встреча с бегущими отрядами корпуса Гогенлоэ довершили отчаяние прусских войск, которые рассеялись во все стороны.

В разгар этой катастрофы король получил письмо, которое я отправил ему 12-го из Геры через Монтескью, чтобы избежать войны. Луч надежды проник в его разбитое сердце. Он послал мне своего адъютанта, графа Денгофа, с предложением о перемирии. Но я, находясь на столь прекрасном пути, остановиться уже не мог: молниеносно начатая война должна была повергнуть Пруссию к моим ногам. Я мог вести переговоры только в Берлине.

Таков был исход знаменитого Ауэрштедтского сражения. Фридрих Вильгельм мог сказать, как Франциск I: все потеряно, кроме чести. Хотя он был разбит войском, наполовину меньшим по численности, он мог приписать это лишь неопытности своих войск и полководцев. 324 убитых или раненых офицера, 10 000 выведенных из строя солдат, раненые или убитые маршалы герцог Брауншвейгский и Меллендорф, принц Вильгельм, генералы Шметтау и Вартенслебен свидетельствуют о том, что если маневрировали они плохо, то сражались героически.

Одна лишь дивизия Гюдена потеряла выбывшими из строя 3 500 солдат и 130 офицеров — потери огромные, так как это была половина всего состава. Это — лучшее доказательство бесстрашия и выдержки, которые она противопоставляла непрерывному натиску неприятеля: Даву и все его солдаты соперничали друг с другом в доблести и завоевали неоспоримое право на восхищение военных и потомства. Ни один день революционных войн не ознаменовался сражением, которое велось бы столь неравными силами и в то же время завершилось бы столь блистательным успехом. Я с трудом верил донесениям Даву, считая их сильно преувеличенными, и лишь прусские донесения убедили меня в умеренности их тона. Эту победу он купил ценой крови семи тысяч храбрецов, но, к счастью, доброе их число оказалось лишь легко ранеными, и более половины их вернулось в строй.

Необычайные последствия этих двух побед

Ночь, которая последовала за этим двойным сражением, оказалась для пруссаков не менее роковой, чем самое сражение. Армия короля, выйдя в беспорядке на Веймарскую дорогу, натолкнулась близ Бутельштедта на беглецов армии Гогенлоэ. Паника достигла тогда высшей точки. Князь Гогенлоэ прибыл в Финнах почти один. Для подготовки отступления ничего не было сделано. Когда умеют выигрывать сражения, подобно мне, едва ли простительно не давать указаний на случай отступления; ибо это — величайшая ошибка, какую может допустить полководец. Он, конечно, не должен оглашать своих указаний, но он должен предусмотреть соединение с теми частями, которые могут быть тут же отрезаны.

Два начальника вышли из строя, третий бежал. Никто этой беде помочь не мог. Части налетали друг на друга, смешивались, сбивались в кучу, рассеивались; никто еще не видел столь плачевного зрелища, — разве лишь в ту ночь, которая последовала за битвой при Ватерлоо. Одни следовали по Эрфуртской дороге, другие — по Колледской; главные силы достигли Семерды, но в ужасном беспорядке.

Прибыв из Колледы в Вайсензее с 6 000 сабель, Блюхер застал там уже драгунскую дивизию Клейна и бежал, уверив последнего, что перемирие заключено.

Калькрейт, теснимый у Грейсена корпусом Сульта, хотел пустить в ход ту же военную хитрость, но был атакован и опрокинут; он добрался в отчаянном состоянии до Зондерсгаузена. Там к остаткам его войск и присоединился Гогенлоэ.

Меллендорф, бежавший с 6 000 солдат и 6 000 раненых в Эрфурт, был там окружен Мюратом и Неем. Губернатор этого пункта, имевший возможность хорошо защищаться, капитулировал на следующий день и сдал даже две прекрасных крепости, которые командовали над этим пунктом.

Распоряжения, которыми следует воспользоваться

Таким образом, один единственный день решил участь прусской монархии. Мы захватили уже 60 знамен, 200 полевых пушек, 25 000 пленных. Однако, чтобы не давать противнику опомниться и перестроить свои силы, нельзя было давать ему передохнуть ни минуты. Я и принял соответственные меры.

Хотя герцог Брауншвейгский обнаруживал желание сосредоточить свои силы, он ничего в этом отношении не сделал или сделал настолько плохо, что его армия была застигнута врасплох. Тогда как одна половина погибла при Иене, а другая была разбита во время движения на Фрейбург и Наумбург, два других корпуса под командой герцога Веймарского и генерала Виннига двинулись от Тюрингенского леса к Эйзенаху; четвертый, численностью в 14 000 человек, образовал резерв под командой герцога Вюртембергского в Галле.

Молниеносный удар, только что поразивший армию в таком положении, должен был иметь тем более тяжелые последствия, что, не имея уже начальников, — а сам король должен был спешить с занятием столицы и Одера, — каждому корпусу приходилось заботиться о том, как бы самому спастись. Бюлов мог бы найти здесь прекрасный образец эксцентрических отступлений.

Гогенлоэ и Калькрейт бежали через Гарц на Магдебург. Первый должен был принять там верховное командование, собрать все, что он мог найти, и двинуться на Одер к Штеттину. Но ему пришлось обогнуть Магдебург, а так как господами положения были мы, то мы могли упреждать его всюду, если только не представится непреодолимое препятствие при переходе через Эльбу. В то время как Мюрат, Сульт и Ней преследовали его на Нордгаузен, где атаковали его арьергард, я с Бернадотом, Ланном, Даву, Ожеро и своей гвардией отправился по Дессауской дороге, чтобы перейти Эльбу, направиться на Берлин, отрезать неприятеля от Одера и завладеть как его столицей, так и его коммуникациями. Результат этих переходов, хорошо задуманных и молниеносно быстрых, должен был бы снискать благосклонность в глазах хулителей моей славы; но как требовать, чтобы слепцы оценивали по достоинству мою стратегическую систему, если сам герцог Брауншвейгский так плохо о ней отзывался?

Бой у Галле

17 октября Бернадот встретил в Галле резервный корпус герцога Евгения Брауншвейгского. Этот принц только что узнал из косвенных источников об Иенском сражении такие ужасные подробности, что не смел поверить этому. Он ожидал 2 000 человек, которые шли из Магдебурга через Зандерслебен по левому берегу Заалы. Потому ли что он был застигнут врасплох, или потому что он не решался разрушить Заальский мост до прибытия этого отряда, дивизия Дюпона атаковала его с такой силой, что у него не было времени закончить свои распоряжения о движении на Магдебург, как он собирался сделать.

Напасть на батальоны, оставленные на Заальском мосту, и смять их было для наших войск делом четверти часа. Главные силы прусского корпуса, расположенные за городом, имели еще глупость пожелать войти в город и отбить его. Завязался весьма жаркий бой. Дюпон вышел через Лейпцигские ворота, поддержанный Риво и конницей Тилли, которые атаковали неприятеля со стороны Неймарка и захватили Магдебургскую дорогу. Неприятель не мог долго устоять против превосходных сил Бернадота. Последний, чтобы довершить свою победу, попытался перерезать Дессаускую дорогу. Герцог сделал попытку спасти свою последнюю коммуникацию; это ему удалось, и он отступил, деятельно преследуемый колоннами Дюпона и Риво. Он перешел Эльбу у Дессау и, не вполне сжегши мост, достиг потом Магдебурга, ослабленный потерей 30 пушек и 5 000 человек. Полк, который шел по левому берегу Заалы, будучи окружен со всех сторон в Крольвицком ущелье Друэ и конницей Тилли, также попал в плен.

Эта борьба 12 000 пруссаков против превосходных сил Бернадота облегчалась высоким качеством пункта, но она все же делает честь его защитникам. Герцогу следовало скорее послать полку, который он ждал, приказ бежать во что бы то ни стало в Магдебург. Тогда он был бы в состоянии перерезать заальские мосты и в полной неприкосновенности отправиться по Дессауской и Вюртембергской дорогам, чтобы полностью разрушить эльбские мосты и закрыть проход. Это задержало бы наше движение на два или на три дня и спасло бы как корпуса Гогенлоэ и Блюхера, так и Штеттин.

Я двигаюсь на Потсдам и Берлин

В то же самое время Даву, вступивший 18-го в Лейпциг, взял направление на Виттенберг, а мой главный штаб за ним последовал. В этом богатом городе были захвачены большие количества английских товаров. Ланн двинулся на Дессау; Бернадот спустился по Заале до Бернбурга и Ахерслебена и получил приказ навести мост на Цербст, чтобы отрезать корпус, только что им разбитый, но укрывшийся под Магдебургом. Ланн приказал починить дессауские мосты, и Даву, за которым следовал Ожеро, 23-го

вступил, не встречая сопротивления, в Виттенберг. Находившийся там небольшой прусский отряд неумело поджег мост, но не сжег его. Мы тотчас же отправились на Потсдам, в который вошли 24-го.

Посещение кабинета Фридриха Великого

Поднимаясь по ступеням дворца Фридриха и обозревая в Сан-Суси все места, которые обессмертил этот великий король, я не мог отделаться от какого-то трудно передаваемого чувства. Семь лет он сопротивлялся половине всей Европы, а за 15 дней его монархия пала перед моими орлами: таков ход дел в зависимости от того, какие обстоятельства и какие люди управляют судьбами народов. Я нашел в его кабинете пюпитр для нот и другой пюпитр, на котором лежало «Военное искусство» Пюисегюра. Книга была открыта на главе, озаглавленной «О ношении шпаги»; он, конечно, читал не эту главу. Я чрезвычайно удивился, найдя там также нагрудный знак, меч, портупею и большую ленту его орденов, которые он носил в Семилетнюю войну. Подобные трофеи стоили 100 знамен, а то, что о них забыли, свидетельствовало о хаосе и отупении, охвативших всю Пруссию при слухах о катастрофе, которая постигла их армию. Я их тотчас же послал в Париж для передачи в «Дом инвалидов». Многие из этих старых солдат были современниками позорного поражения при Росбахе. Я гордился тем, что посылал им доказательства своего блистательного возмездия.

25 октября Даву вступил в Берлин, где мы нашли великолепный арсенал и громадные запасы. Наш переход был настолько стремительным, что столица имела лишь одно единственное сообщение из армии и находилась, так сказать, в том самом состоянии, в котором король, уезжая, ее оставил. Увезли, правда, бумажный хлам из архивов, но оставили все орудия войны. В тот же самый день крепость Шпандау, которую неблагоразумно оставили безоружной, сдалась маршалу Ланну. В арсенале нашли 80 пушек и 1 200 человек гарнизона. Во главе своей гвардии я отправился в Шарлоттенбург на поддержку Ланну и оставался там в течение 27-го, чтобы дать указания о преследовании корпуса Гогенлоэ.

Мое вступление в Берлин

Я вступил в Берлин 28-го. Я побывал уже триумфатором в Милане, в Каире, в Вене, но, признаюсь, нигде меня не встречали так горячо, как у тех самых пруссаков, которые так громили меня в своих речах, не давая себе труда дать мне оценку. Меня приняли скорее как освободителя, чем как победителя. Буржуазный класс, столь многочисленный и столь почтенный в германских государствах, видел во мне в сущности защитника своих принципов, которые восторжествовали в революции. Враждебно относясь к устремлениям знати, этот класс не принимал никакого участия в тех дворянских выходках, которые вызвали войну.

Гогенлоэ покидает Магдебург, чтобы отправиться в Штеттин

Сражения при Иене и при Ульме должны послужить когда-нибудь уроками, на которых полководцы могли научиться искусству во-время соединять свои силы и потом, после удара, разъединять их. Разгром прусской армии был настолько необычаен, что для его объяснения мне приходится войти в некоторые подробности.

В то время как я двигался на Берлин, Мюрат, Сульт и Ней преследовали остатки прусской армии до Магдебурга. Король, справедливо рассудив, что положение отчаянное, вышел на Одерскую дорогу, передав верховное командование князю Гогенлоэ и поручив ему реорганизовать армию тут же, под пушками этого важного пункта. Это было немыслимо, если только не допускать осады, которая была бы неизбежна. Сульт преследовал его с такой стремительностью, что прусский арьергард едва только входил в расположение лагеря под Магдебургом, как дивизия Леграна ворвалась туда вместе с ним и вызвала в этом пункте величайшее смятение.

Здесь князь Гогенлоэ узнал об исходе сражения при Галле и о моем продвижении на Дессау и Виттенберг. Он еще надеялся на то, что сожжение эльбских мостов даст ему возможность добраться до Штеттина раньше нас. Мы только что видели, что эти мосты в исправном виде перешли в наши руки.

Оставалось одно из двух. Во-первых, можно было реорганизовать и перестроить армию в 50 000 человек под прикрытием Магдебурга, всячески выдерживать кампанию по обоим берегам Эльбы и выжидать последствий прихода русских на Одер, будучи готовыми в случае необходимости войти в укрепленный пункт: для этого нужны были большие количества продовольствия и обмундирования, но не было ни того, ни другого. Во-вторых, можно было броситься на Сульта и проложить себе путь в Ганновер, чтобы соединиться с дивизией генерала Лекока и сражаться в Вестфалии до последней возможности. Третий выход заключался в том, чтобы, не теряя ни минуты, добраться до Штеттина. Гогенлоэ предпочел последнее, что при данном положении вещей было наиболее благоразумным.

Гогенлоэ рассчитывал выйти из Магдебурга с 68 батальонами и 159 эскадронами, включая сюда и те, которые были приведены принцем Вюртембергским из Галле и предназначались для прикрытия марша. Беспорядок был, однако, настолько велик, что Калькрейт, вместо того чтобы эшелонировать свою многочисленную конницу на правом берегу, расположил ее на левом берегу Эльбы до Зандау *, а для охраны Магдебурга было по ошибке оставлено 52 батальона штатного состава вместо 26 батальонов уменьшенного состава.

* Один прусский историк обращает этот упрек к Калькрейту; другие говорят, что эту конницу отвел на Зандау, в 15 *км* ниже Магдебурга, Блюхер.

Из Магдебурга ведут на Одер две дороги: лучшая и самая прямая из них — Берлинско-Бранденбургская, другая ведет севернее через Ратенау, Руппин, Цеденик, Пренцлау и Штеттин. Князь не мог отправиться по первой дороге, не встретившись с нашими колоннами, выходящими из Виттенберга на Потсдам. Выбрав вторую дорогу, он шел впереди своей конницы, двигавшейся из Зандау на Нейштадт, и отдалял момент, когда мы могли его настигнуть. Ничего другого он выбрать не мог, но ему надлежало прибегнуть к наилучшим средствам для выполнения этого плана и двигаться быстро и дружно.

Штеттинская дорога, по которой он шел, сходится в Цеденике с Ораниенбургской, по которой шел я. Нужно было всячески торопиться, чтобы он не достиг Ораниенбурга со своими главными силами и в особенности со своими многочисленными эскадронами. Его прибытие туда ранее нас было тем более вероятно, что Мюрат следовал за ним по пятам через Гарц и только что через генерала Бальяра потребовал у него сдачи. Как можно было предполагать, что французские войска, разбросанные между Гальберштадтом и Магдебургом, войска, которым предстоял переход через Эльбу, прибудут в Цеденик ранее князя Гогенлоэ? И все же это произошло, так как Мюрат быстрыми переходами достиг Цеденика раньше колонн Ланна, которые открывали мое движение.

Его грубые ошибки

Выйдя из Магдебурга, князь Гогенлоэ 23 октября направился тремя колоннами на Ратенау во главе 28 батальонов и около 30 эскадронов. Главные силы конницы перешли Эльбу пониже и соединились с ним близ Нейштадта. Блюхер принял командование корпусом герцога Вюртембергского, предназначенным для арьергарда.

25-го Гогенлоэ имел, таким образом, в своем распоряжении 50 батальонов и 160 эскадронов. Но вместо того чтобы двигаться плотной сомкнутой массой и располагаться на биваке, организуя доставку продовольствия населением и прусскими властями, он решил разбрасывать свои войска по деревням на постой и этим нелепым рассеиванием довершил беспорядок и отсутствие дисциплины. Эта система была тем более непонятна, что приходилось быть готовым к тому, чтобы прокладывать себе путь с оружием в руках, и что в подобных случаях нельзя передвигаться этапным порядком.

В довершение всего, вместо того чтобы пустить свою многочисленную конницу на правый фланг, с тем чтобы прикрыть свое движение от нас, он бросил ее на крайний левый у Витштока; пехота же направлялась в Ней-Руппин, а слабый авангард под командой Шимельпфенига — в Цеденик.

Этот город, расположенный, как сказано, у разветвления взятой мною дороги, был, следовательно, решающей точкой, которой нужно было достигнуть раньше нас; а так как авангард туда при-

был, то и остальная часть корпуса могла бы прибыть, если бы отданы были лучшие распоряжения.

Сдача Шпандау

Состоявшаяся в тот же день (25-го) сдача Шпандау приобрела особое значение в связи с приближением корпуса Гогенлоэ. Бернадот, получивший сведения о его марше на Бранденбург, тотчас же уведомил меня об этом и двинулся в направлении Фербеллина и Креммена.

Указания о разгроме Гогенлоэ

Великий герцог Бергский, которому, в связи с прибытием неприятеля в Магдебургскую крепость, нечего было делать в окрестностях этого города, получил приказ быстро направиться на Бальби или Дессау, чтобы перейти там Эльбу. Он проделал это с такой быстротой, что прибыл в Шпандау в момент его взятия и тотчас же направился через Ораниенбург на Цеденик. Ланн, который должен был за ним последовать, дошел 26-го лишь до Ораниенбурга.

Ожеро и Даву я держал в окрестностях Берлина на тот случай, если бы неприятель, убегая от других корпусов, напал на наш тыл. Первый охранял важный мост из Нейбрюка на Гавель; второй должен был бросить свою легкую кавалерию до Одерберга.

26-го, узнав о наличии наших войск в Ораниенбурге, князь Гогенлоэ принял запоздалое решение о форсировании марша путем перехода со своей пехотой через Гранзее в Цеденик, а на следующий день — в Пренцлау, чтобы 28-го достигнуть Локницкого ущелья близ Штеттина, где он мог бы, наконец, укрыться. Конница должна была взять то же направление через Витшток и Вольдек.

Гогенлоэ упрежден в Цеденике, на прямом пути в Штеттин

Прибыв в Гранзее, Гогенлоэ получил неожиданное известие о том, что генерал Шимельпфениг опрокинут у Цеденика конницей великого герцога Бергского и в беспорядке бежал на Пренцлау. Было смешно терять свою прямую коммуникацию из-за кавалерийской стычки, когда 10 000 прусских сабель шли без всякой пользы на Витшток.

Отчаявшись в возможности проложить себе путь, Гогенлоэ решил тогда, сделав крюк через Фюрстенберг и Лихен, достигнуть Бойценбурга*, где ждать Блюхера и части кавалерийской колонны, которую он взял к себе для пополнения убыли в коннице после исчезновения Шимельпфенига. Эта мысль была целена, так как наши войска направлялись по прямой и более короткой Тэмплин-

* Бойценбург близ Пренцлау, который не следует смешивать с Бойценбургом-на-Эльбе.

ской дороге, и следовало, конечно, ждать их во главе колонны, причем их скорее всего могли поддержать армейские корпуса, прибывшие в Берлин первыми (Ланн и Даву).

Как бы то ни было, Гогенлоэ прибыл в Линен 27-го, напрасно прождал там Блюхера, который, будучи слишком поздно осведомлен об этом вынужденном переходе, не перешел Ганцера. Не соединилась с ним также и конница, которую он ждал, а так как ему нельзя было терять времени, то он продолжал свой путь на Бойценбург.

Мюрат снова настигает его

Не такой был человек Мюрат, чтобы позволить Гогенлоэ мирно пройти. Узнав во время своего марша от Тэмплина на Пренцлау о взятом пруссаками направлении, он повернул с дивизиями Груши, Бомона и Ласаля на Вихмансдорф, где натолкнулся на гвардейских жандармов, которые фланкировали марш. Атаковать, опрокинуть и смять этот великолепный кирасирский полк на берегу озера было делом одного мгновения. Офицеры этой части и были как раз те, которые, чтобы более верным образом склонить короля к войне, оскорбили французского посла. Этот свой поступок они искупили позором капитуляции в открытом поле, чего кавалерия никогда не должна делать.

Напуганный этим сообщением, Гогенлоэ построил свою пехоту и поколебался, итти ли ему на Бойценбург или свернуть на поперечную дорогу между Пренцлау и Пазевальком. Это последнее решение было бы, конечно, наиболее благоразумным, но по донесению разъезда он решил ночью вступить в Бойценбург, а на следующий день отправиться по Пренцлауской дороге, где он должен был найти продовольствие и фураж для своих войск.

Бой и капитуляция у Пренцлау

28-го корпус продвинулся на Шенермарк и Густров. Он вступил в Пренцлау без больших препятствий, но великий герцог Бергский, прибыв по Тэмплинской дороге и не будучи в состоянии занять город своей конницей, силами драгунского отряда заставил его повернуть, а сам двинулся с двумя дивизиями по реке Гольмиц, стремительно напал на хвост прусской колонны, преследовал ее до предместья, рубил, стрелял по Королевскому полку, отрезал арьергард принца Августа и заставил его, после прекрасной обороны, сдаться в плен со своим батальоном.

Прусская пехота прошла Пренцлау и неизвестно почему пошла вместо Штеттинской дороги по Пазевалькской. Мюрат предложил Гогенлоэ сдаться, а Ланн, который лично находился там, хотя его корпус далеко еще не прибыл, сделал то же самое, чтобы обмануть неприятеля.

Убедившись в том, что достигнуть Локница, который, по его мнению, был занят нашей пехотой, уже нет надежды, захваченный

спереди одной нашей кавалерийской дивизией, а сзади — двумя другими, князь сложил оружие вместе с 17 батальонами и 19 эскадронами, в которых было не менее 12 000 человек.

Захват прусской конницы и Штеттина

Великий герцог Бергский поспевал всюду. Едва только он одержал этот блестящий успех, как дивизия легкой кавалерии Ласаля заставила капитулировать Штеттин, который был сдан нашим гусарам дураком-губернатором с гарнизоном в 5 000 человек. Мюрат тотчас же направился на Пазевальк, где укрылась большая колонна конницы Гогенлоэ, узнав о разгроме своего начальника. Шесть кирасирских полков и одна пехотная бригада, изнуренные, правда, форсированными переходами, сдались без единого выстрела.

Одна единственная бригада, отрезанная накануне от Пренцлау, явилась к Штеттину. Губернатор отказался открыть ей ворота 28-го, а на следующий день открыл их по первому требованию нашего авангарда. Эта бригада прибыла в Анклам, где дивизия генерала Бекера ее настигла и заставила сложить оружие.

Блюхер отступает к Мекленбургу

От всей этой недавно столь блестящей армии оставались лишь Блюхер и старый корпус герцога Веймарского под командой генерала Винцинга, который, обманув Сульта, перешел Эльбу у Зандау, откуда прибыл в Мекленбург.

Узнав о поражении Гогенлоэ, Блюхер тотчас же повернул на Ней-Штрелиц, где соединился с этим корпусом. Это дало ему небольшую армию в 21 000 человек. Но прежде чем перейти к дальнейшим ее продвижениям, вернемся к моей армии.

Капитуляция Кюстрина

Остановившись на несколько дней перед Берлином, Даву отправился по дороге Франкфурт-на-Одере — Кюстрин. Этот пункт, расположенный на острове Одера, героически оборонявшийся майором Гейденом во время Семилетней войны, сдался нашим легким частям, отделенным от него двойным руслом реки. Для того чтобы мы могли завладеть им, гарнизон должен был снабдить нас судами! Став господином этого важного опорного пункта и не имея перед собой неприятеля, Даву тотчас же отправился по Позианской дороге. Ожеро занял Франкфурт. Мои гвардейские части остались в Берлине. Ней продолжал блокаду Магдебурга.

В то время как мои орлы быстрым полетом преодолевали расстояние между Рейном и Одером и покоряли за три недели пространство между этими двумя реками, я делал все, чтобы укрепить свое могущество и обеспечить свои владения.

Мероприятия по овладению страной между Рейном и Одером

Уже Мортье с двумя слабыми дивизиями 8-го корпуса занял княжество Фульде. Принц Оранский, которому оно досталось по Люневильскому миру в виде возмещения за наместничество Голландии, стал сражаться на стороне неприятеля. Я наказал его за это захватом его владений. Мортье двинулся потом на Кассель вместе с королем голландским.

Курфюрст, будучи некоторым образом вассалом Пруссии и одним из самых отъявленных моих врагов, уехал в Англию, увозя с собой значительную казну, накопленную из тех субсидий, которые его дом постоянно получал от Англии со времени коалиции против Людовика XIV в 1705 году. 20-тысячное войско, которое он подготовил для того, чтобы сражаться со мной, сложило оружие и было расформировано численно меньшими силами. Затем король голландский двинулся на Ганновер с галло-батавской армией и после нескольких легких стычек обложил прусскую дивизию Лекока в Гамельне и Ниенбурге, овладел почти без единого выстрела всем курфюршеством, равно как и герцогством Брауншвейгским и городами Ганзы — Бременом и Гамбургом.

Баварские и вюртембергские контингенты, завладев Байройтом и прикрыв правое крыло великой армии в ее решительном переходе, направились через Плауэ на Дрезден и, продвигаясь к Одеру, соединились с Даву; они образовали 9-й корпус.

Контингент других мелких принцев образовал гарнизоны в нашем тылу: гессен-дармштадтский — в Шпандау, нассауский — в Берлине.

Я отрываю саксонцев от союза с Пруссией

Я думал также о том, чтобы привлечь на свою сторону саксонцев. Уже до войны я выпустил прокламацию, чтобы ознакомить их с проектами Пруссии, которые сводились ни более, ни менее как к превращению Саксонии в прусскую провинцию. С саксонским генералом, взятым в плен при Иене, я подписал перемирие. Остатки саксонского контингента покинули прусскую армию при Бальби на Эльбе, и курфюрст тотчас же начал переговоры о сближении с нами.

Преследование Блюхера до Любека

Узнав о соединении Блюхера с корпусом генерала Вининга, я поручил Бернадоту преследовать эту маленькую армию с тыла, а Мюрату — отрезать ее от Штральзунда и Ростока; Сульт должен был помешать ей вернуться на Нижнюю Эльбу.

При таком эскортировании ему трудно было ускользнуть. Выдержав арьергардный бой с Дюпоном у Носсентина и довольно

блестящую кавалерийскую стычку близ Кривица, Блюхер направился на Шверин. Сначала он, кажется, хотел двинуться по Густровской дороге, чтобы попытаться погрузиться на суда в Ростоке или добраться до Штральзунда. Но Мюрат, прибывший уже в Деммин, свернул налево к Мекленбургу с желанием броситься на Нижнюю Эльбу и перенести военные действия в Ганновер. Предупрежденный со всех сторон, он отступил на Гадебуш-на-Любеке, куда прибыл 5 ноября. Бернадот отправился туда через Шонберг, а Сульт — через Рацбург; их поддерживала конница Мюрата.

Прибыв с севера, Бернадот узнал, что остатки шведского отряда, столь самонадеянно занявшего Лауенбург, только что погрузились на суда на Траве и отплыли в Любек. Течение этой реки извилисто; плавание до Травемюнде трудно и медленно. Одна бригада дивизии Дюпона, посланная с полпути на Шлютуп, увела охранный батальон и остатки богатого обоза.

Этот город берется с бою

Наши колонны, прибыв к Любеку 6-го на заре, тотчас же начали атаку. Бернадот бросил дивизию Друэ на штурм Мекленбургских ворот и прилегающего бастиона. Крепость имела лишь один простой пояс укреплений в плохом состоянии, но неприступный для атак; вооружена она не была; пруссаки наскоро установили на валах полевые пушки. Утверждают, что два прусских батальона, неблагоразумно выставленные впереди ворот и сбитые бригадой Фрера, послужили причиной того, что наши колонны смешались с противником. Как бы там ни было, воодушевленные прежними блистательными удачами, смельчаки 27-го легкого и 94-го линейного полков бросаются на врага, уничтожают огороженный тамбур и ближайшие батареи и при поддержке остальной части корпуса проникают на улицы.

Сделав свои распоряжения, Блюхер вернулся в свою квартиру. Едва он вошел туда, как наши солдаты уже ворвались по его пятам на Королевскую улицу. Он едва успел вскочить на лошадь, но его штаб попал в плен. У колонн Сульта было больше препятствий, чтобы разрушить Ганноверские ворота, но и они проникли туда, когда на прилегающей улице показались части Риво. Блюхеру удалось проложить себе выход через Гольштейнские ворота с 4 000—5 000 пехотинцев и соединиться с кавалерией, расположенной на левом берегу Травы. Остальные, в количестве 8 000 человек, погибли от меча победителей или были захвачены с оружием в руках. Кровавый бой завязался за каждую улицу, за каждый дом, в общественных учреждениях. Нелегко сдержать солдатскую вольницу, озверевшую от кровавых зрелищ. Жителям этого цветущего города пришлось, конечно, пережить все ужасы взятого приступом пункта. Но Сульту и Бернадоту удалось, наконец, немного восстановить порядок и спокойствие.

Блюхер капитулирует

Убежище, которого Блюхер искал за Травой, смогло отдалить его гибель лишь на один день, ибо нейтралитет Дании не давал ему никакого выхода. На следующий день в Ратенау он вместе с 10 000 человек, которые у него оставались, был вынужден сложить оружие.

Взятие Магдебурга

Уничтожение прусских армий было не единственным результатом сражения при Иене. Уныние, охватившее военных Пруссии, привело к падению наиболее грозных оплотов монархии. К уже поименованным присоединилась вскоре важная крепость Магдебург с гарнизоном 18 000—20 000 человек и с 600 пушек. Она сопротивлялась не более стойко, чем другие, и после нескольких часов бомбардировки старый Клейст сдался Нею, силы которого не превышали сил гарнизона.

Гамельн и Ниенбург также сдались по первому требованию галло-батавской дивизии под командой Савари.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

АВГУСТ, принц прусский (1779—1843), племянник Фридриха Великого. В кампанию 1806 г., командуя гренадерским батальоном, оказал французам, перед капитуляцией князя Гогенлоэ у Пренцлау, упорное сопротивление, причем был ранен и взят в плен. В 1808 г. вместе с Шарнгорстом провел реорганизацию артиллерии. Принимал деятельное участие в войне 1813—1815 гг. в качестве артиллерийского начальника. В 1816 г. был назначен генерал-инспектором артиллерии и оставался на этой должности до смерти (стр. 33, 128, 137, 138, 140, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153).

БЕЙМЕ, Карл (1765—1838). С 1798 г. кабинет-советник (Kabinettsrat) Фридриха Вильгельма III — докладчик по делам внутренней политики; в 1808 г. был назначен министром иностранных дел, но вскоре оставил этот пост вследствие недоверия к нему Штейна; впоследствии был министром юстиции (стр. 33, 46, 47, 48, 54).

БЕРНАДОТ, Жан (1764—1844), князь Понте-Корво, французский маршал, а затем король Швеции под именем Карла XIV. Бернадот, сын адвоката, поступил в 1780 г. солдатом в королевскую морскую пехоту. К началу революции он был только сержантом, но затем, в войнах республики и империи, сделал чрезвычайно быструю карьеру. Наряду с некоторыми удачными операциями его действия в сражениях под Иеной (1806) и Ваграмом (1809) вызвали справедливое порицание. Между тем в 1810 г. государственный сейм Швеции избрал Бернадота наследником шведского престола после бездетного короля Карла XIII. Вступив фактически в управление государством, бывший французский маршал в 1812 г. втайне от сейма заключил с Россией наступательный союз против Франции с условием позднейшего присоединения к Швеции Норвегии. Сверх того, по словам Энгельса, император

Александр при свидании в Або подал Бернадоту надежду, что «когда-нибудь императорская корона Франции, упавшая с головы Наполеона, быть может, будет возложена на его голову». Этой надеждой объясняются крайне нерешительные действия шведского наследного принца в войну 1813 г., когда он командовал Северной коалиционной армией. Не желая восстанавливать против себя французов, он предоставлял другим армиям побеждать их. Во время польского восстания 1831 г. Бернадот предложил лорду Пальмерстону образовать фронт против России, но, получив решительный отказ, повернул в обратную сторону и в 1834 г. вступил в тесный союз с императором Николаем (стр. 54, 80, 97, 99, 100, 101, 103, 107, 112, 113, 118, 123, 124, 125, 126, 128, 129, 131, 143, 158, 161, 162, 163, 165, 167, 170, 171, 174, 178, 179).

БЛЮХЕР, Гебгард (1742—1819), князь Вальштадтский, прусский фельдмаршал, из старинного, но совершенно обедневшего дворянского рода. Получив самое скудное образование, в 1758 г. поступил юнкером в шведский гусарский полк. В 1760 г. во время военных действий в Померании попал в плен к пруссакам и вскоре перешел к ним на службу, был произведен в офицеры и участвовал в последних кампаниях Семилетней войны. В походах против Французской республики (1792—1794), а затем и в кампании 1806 г. Блюхер проявил мужество, но в конце концов после долгого отступления от Иены вынужден был капитулировать с остатками армии у Радкау близ Любека. В феврале 1812 г. по требованию Наполеона Фридрих Вильгельм III уволил Блюхера в отставку, но после изгнания французов из России под давлением общественного мнения назначил его главнокомандующим прусской армии. В войне 1813—1815 гг. Блюхер сделался главной движущей силой коалиционных армий: он тянул за собой и толкал вперед нерешительных полководцев (Бернадота, Шварценберга и др.). Войска называли Блюхера «Marschal Vorwärts» (маршал Вперед), но он был не более, чем простой рубака. Практический ум, железная воля, всегдашняя готовность взять на себя ответственность, самоотверженный патриотизм и влияние на массы выделяли его из среды союзных военачальников. Ему нехватало широкого стратегического кругозора и знакомства с техникой управления армией, но в этом отношении его дополнял начальник штаба — талантливый и образованный Гнейзенау (стр. 116, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 133, 136, 137, 138, 142, 166, 167, 169, 171, 173, 174, 175, 176, 178, 179).

БОЙЕН, Леопольд (1771—1848), прусский фельдмаршал. В кампании 1806 г. находился в свите короля и в сражении при Ауэрштедте ранен в ногу. В 1808 г. был помощником Шарнгорста в «комиссии по реорганизации армии». В войне 1813—1814 гг. принимал участие в качестве начальника штаба корпуса. По заключении мира назначен военным министром; издал в 1814 г. за-

кон «О всеобщей воинской повинности». В 1819 г., когда восторжествовала реакция, Бойен оставил службу, но в 1841 г. был опять назначен военным министром (стр. 48).

БОМОН, Марк-Антуан (1763—1830), граф, французский генерал. Сначала паж Людовика XVI и офицер королевской кавалерии, а в 1792 г. командир республиканского драгунского полка. В качестве кавалерийского начальника, участвовал во многих войнах республики и империи и в том числе в кампании 1806 г. (стр. 137, 149, 151, 152, 175).

БРАУНШВЕЙГСКИЙ ГЕРЦОГ Карл II (1735—1806), прусский фельдмаршал, племянник Фридриха Великого, участвовал в Семилетней войне. В 1792 г. король Фридрих Вильгельм II вверил ему командование армией, направленной против Франции. Перед выступлением из Кобленца герцог издал знаменитый манифест, угрожавший сравнять Париж с землей, но этим не испугал французов, а, наоборот, ускорил свержение монархии. В походах 1792 и 1793 гг. он одержал некоторые частные успехи над республиканскими войсками, но в конце концов должен был вернуться за Рейн, ничего не достигнув. После этого герцог отказался от командования, заявив, что чувствует себя «морально больным» вследствие отсутствия единства в действиях союзников. Через тринадцать лет, в кампанию 1806 г. против Наполеона, король Фридрих Вильгельм III опять назначил его главнокомандующим. Подобно другим прусским начальникам, герцог оставался верен фридриховской линейной тактике и магазинной системе довольствия войск. При армии находился король со своими советниками (фельдмаршал Меллендорф, полковник Пфуль и др.). При таких условиях в главной квартире все время собирались военные советы, и главнокомандующий быстро утратил всякий авторитет в армии. В сражении при Ауэрштедте, находясь в боевой линии, герцог был тяжело ранен и, потеряв зрение, оставил армию (стр. 16, 23, 24, 25, 26, 36, 37, 38, 39, 41, 50, 51, 53, 67, 73, 81, 82, 83, 84, 85, 87, 89, 90, 91, 92, 93, 97, 98, 99, 101, 104, 106, 108, 110, 111, 112, 114, 115, 116, 117, 122, 132, 157, 159, 160, 161, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 177).

ВАНДАМ, Доминик (1770—1830), граф Юнебург, французский генерал. До революции служил офицером в колониальном полку на острове Мартинике, участник войн республики и империи, особенно отличился под Аустерлицем. В 1813 г. в бою под Кульмом был взят в плен русскими и отправлен в Вятку. Отпущенный после первого Парижского мира (1814), он при возвращении Наполеона с острова Эльбы стал на его сторону и сражался при Линьи (1815) (стр. 143).

ВЕЙМАРСКИЙ герцог — см. Карл Август.

ГАРДЕНБЕРГ, Карл (1750—1822), князь, прусский государственный деятель, сопровождал Фридриха Вильгельма II в третьем Рейнском походе 1794 г. и заключил с Французской республикой в 1795 г. Базельский мир. В 1804 г., при Фридрихе Вильгельме III. он был назначен министром иностранных дел. Во время войны третьей коалиции (Австрия, Россия, Англия) против Наполеона. когда Александр I прибыл в Потсдам, там было заключено 3 ноября 1805 г. соглашение, по которому Пруссия обязалась выступить против Франции. Однако, Гаугвиц, посланный к Наполеону, вторгшемуся в Австрию, с ультиматумом, прибыл в Вену уже после победы французов под Аустерлицем и, напуганный императором, вместо предъявления ему ультиматума по собственной инициативе подписал 15 декабря в Шенбрунне союзный договор с Францией. который два месяца спустя пришлось подтвердить в Париже. Так как подобное чересчур откровенное предательство в отношении коалиции создало для Пруссии опасное изолированное положение, то Гарденберг пытался поправить дело новым соглашением с Россией, а Наполеон, узнав об этом, настоял на его увольнении. Впоследствии, в 1810 г., Гарденберг был назначен государственным канцлером, провел в Пруссии некоторые буржуазные реформы и участвовал в конгрессах в Вене (1815), Париже, Троппау, Лайбахе и Вероне (1822) (стр. 24, 57, 60, 157).

ГАУГВИЦ, Христиан (1752—1832), граф, прусский министр иностранных дел в царствование Фридриха Вильгельма II. При нем произошли второй и третий разделы Польши и был заключен Базельский мир (1795) с Французской республикой. В 1804 г. он уступил пост министра иностранных дел Гарденбергу (стр. 33, 42, 43, 44, 47, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 74, 81, 91).

ГОГЕНЛОЭ, Фридрих (1746—1818), князь, прусский фельдмаршал. В 1768 г. поступил на прусскую службу, участвовал в трех походах против Французской республики в 1792, 1793 и 1794 гг. В кампанию 1806 г. под общим начальством герцога Брауншвейгского Гогенлоэ командовал армейской группой из прусских и саксонских войск, расположенной у г. Иены. После разгрома прусской армии под Иеной и Ауэрштедтом 14 октября, когда был тяжело ранен герцог Брауншвейгский, король назначил главнокомандующим князя Гогенлоэ. Последний повел остатки армии через Магдебург на Штеттин, но, не доходя до р. Одер, у Пренцлау, по совету Массенбаха, сдался на капитуляцию войскам Мюрата с 12 000 человек при 64 орудиях (стр. 25, 28, 29, 34, 38, 39, 42, 82, 83, 84, 85, 88, 89, 90, 91, 92, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 109, 110, 111, 113, 114, 115, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 152, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173. 174, 175, 176, 177).

ГРАВЕРТ, Юлий (1746—1821), прусский генерал, участвовал в конце Семилетней войны и в войне за Баварское наследство (1778—1779). В походах против Французской республики (1792—1794) был начальником штаба армии. В кампанию 1806 г. он командовал дивизией в армейской группе Гогенлоэ. В 1812 г. по желанию Наполеона был назначен начальником вспомогательного прусского отряда, входившего в состав французского корпуса маршала Макдональда, действовавшего против Риги. Вскоре по болезни заменен генералом Иорком (стр. 41, 42, 99, 100, 101, 102, 114).

ГУСТАВ АДОЛЬФ IV (1792—1837), король Швеции. Враг Французской республики. После Тильзитского мира (1807) ввязался в войну с Францией и потерял Шведскую Померанию и остров Рюген. Затем начал войну с Россией и в 1809 г. лишился всей Финляндии. Наконец, в том же году государственные чины низложили его с потомством, и корона перешла к его дяде, герцогу Карлу Зюдерманландскому, под именем Карла XIII. Густав Адольф выехал из Швеции и жил в разных странах под именем полковника Густавсона (стр. 57).

ГЮДЕН, Цезарь (1768—1812), граф, французский генерал. Начал службу в гвардии Людовика XVI, но, несмотря на свое аристократическое происхождение, перешел на сторону революции и участвовал в войнах республики и империи. В бою под Смоленском (1812), командуя дивизией в корпусе Даву, был смертельно ранен (стр. 117, 165, 166, 167, 168).

ДАВУ, Луи (1770—1823), герцог Ауэрштедтский, князь Экмюльский. Учился вместе с Наполеоном Бонапартом в Бриенской военной школе, откуда выпущен в 1788 г. лейтенантом кавалерии. Примкнув тотчас же к революции, он принимал выдающееся участие в войнах республики и империи. В 1813 г. упорно оборонял Гамбург и Любек и капитулировал только в мае 1814 г. с правом свободного выхода своих войск во Францию. В 1815 г. при возвращении Наполеона с острова Эльбы он стал на его сторону и во время «ста дней» был военным министром. При Бурбонах, в 1819 г., получил титул пэра Франции (стр. 80, 97, 99, 103, 107, 112, 117, 118, 119, 123, 124, 125, 126, 130, 135, 143, 159, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 170, 171, 174, 175, 177, 178).

ЙОРК, Иоганн (1759—1830), граф Вартенбург, прусский фельдмаршал, участвовал еще при Фридрихе Великом в войне за Баварское наследство (1778—1779), но в том же году за нарушение дисциплины был разжалован и заключен в крепость. В кампанию 1806 г. командовал бригадой, а затем арьергардом Блюхера при отступлении к Любеку, где был ранен и взят в плен. В 1812 г.

вместо заболевшего генерала Граверта назначен начальником вспомогательного прусского отряда, входившего в состав французского корпуса маршала Макдональда, действовавшего против Риги. При отступлении французской армии из России Иорк по собственной инициативе отделился от французов и заключил с русским генералом Дибичем Таурогенскую конвенцию. Король Фридрих Вильгельм III по политическим причинам удалил его от командования отрядом, но потом Иорк в должности корпусного командира принял деятельное участие в войне 1813—1814 гг. (стр. 42).

КАЛЬКРЕЙТ, граф, прусский фельдмаршал (1737—1818), отличился своей храбростью еще в Семилетнюю войну. Участвовал в походах против Французской республики (1792—1794). В кампанию 1806 г., в сражении при Ауэрштедте, командовал двумя дивизиями. По этому поводу Меринг говорит: «Генерал Калькрейт с резервом в 13 батальонов и 13 пушек стоял на высоте, расположенной в 4 000 шагов от решительного пункта сражения, и смотрел на бушевавший у его ног бой, руководимый ненавистным Брауншвейгом, как будто он присутствовал на театральном представлении, совершенно его не касавшемся». В 1807 г. Калькрейт, командуя прусскими и русскими войсками, упорно оборонял крепость Данциг от маршала Лефевра и сдался лишь по истощении всех средств (стр. 58, 99, 104, 118, 121, 122, 123, 124, 125, 132, 138, 140, 167, 169, 170, 173).

КАРЛ АВГУСТ, великий герцог Саксен-Веймарский (1758—1828). В кампанию 1806 г. командовал авангардом герцога Брауншвейгского и во время сражения при Иене и Ауэрштедте, по словам Меринга, «блуждал в Тюрингенском лесу с целью, якобы, нападения на сообщения противника». Затем он отступил за Эльбу, но вскоре по требованию Наполеона должен был оставить прусскую службу и в декабре 1806 г. вошел против воли в Рейнский союз, из которого вышел лишь после Лейпцигского сражения (1813) (стр. 73, 98, 100, 103, 116, 125, 129, 135, 136, 202, 227, 235).

КЛЕЙСТ, Фридрих (1762—1823), граф фон-Ноллендорф, прусский фельдмаршал. С 1803 до 1807 г. был генерал-адъютантом докладчиком короля (vortragender Generaladjutant). В войну 1812 г. против России командовал пехотой во вспомогательном отряде Иорка (Граверта). В войну 1813—1814 гг. в качестве командира русско-прусского корпуса принял видное участие в сражениях при Бауцене, Дрездене, Кульме, Лейпциге и Лаоне (стр. 28, 81, 91, 132).

КЛЕЙСТ, Франц (1736—1808), прусский генерал. Участвовал в походах против Французской республики (1792—1794). В кампанию 1806 г., будучи комендантом Магдебурга и поддавшись общей

панике, сдал эту крепость маршалу Нею без всякого сопротивления (стр. 39, 40, 179).

КРУЗЕМАРК, Фридрих (1767—1822), прусский генерал и дипломат. В начале 1810 г. назначен послом в Париж, в 1815 г. — послом в Вену; в 1821 г. был представителем Пруссии на конгрессе в Лайбахе (стр. 61, 72).

ЛАНН, Жан (1769—1809), герцог Монтебелло, маршал Франции. В 1792 г. поступил в батальон волонтеров, выделился в итальянских походах 1796—1797 гг., сопровождал Бонапарта в Египет в 1798 г., в войну против Австрии в 1800 г. одержал победу при Монтебелло, участвовал в кампаниях 1805, 1806 и 1807 гг. В войну 1809 г. с Австрией смертельно ранен в сражении при Асперне, где ядро раздробило ему обе ноги (стр. 80, 99, 101, 102, 103, 112, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 135, 137, 143, 158, 161, 162, 163, 164, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176).

ЛАСАЛЬ, Антуан (1775—1809), граф, французский кавалерийский генерал, особенно известный в качестве начальника авангарда. Начал службу при республике в 1793 г. солдатом, отличился в египетской экспедиции 1798 г. и во многих войнах в Европе; в 1806 г. заставил Гогенлоэ капитулировать при Пренцлау; убит в сражении под Ваграмом (стр. 123, 143, 175, 176).

ЛОМБАРД, Иоганн (1767—1812), прусский государственный деятель, происходил из французской гугенотской фамилии, выселившейся в Пруссию. В 1800 г. был назначен тайным кабинет-советником (Geheimer Kabinettsrat) и много способствовал нерешительной политике короля Фридриха Вильгельма III. Ломбард являлся сторонником союза с Францией. После катастрофы 1806 г. он был уволен в отставку и, по инициативе королевы Луизы, даже арестован в Штеттине, но затем освобожден по приказу короля. Меринг говорит, что «Ломбард открыто играл роль шпиона французского посла, доставлял ему чистосердечные донесения о всех заседаниях кабинета и открыто получал от него вознаграждение в Париже» (стр. 33, 44, 45, 46, 47, 53, 60, 61, 65).

ЛУИ ФЕРДИНАНД, принц прусский (1772—1806), племянник Фридриха Великого и брат принца Августа. В кампанию 1806 г. принц командовал авангардом князя Гогенлоэ и перед сражением при Иене вступил в бой при Заальфельде (10 октября) с превосходными силами французов, потерпел поражение и был убит (стр. 29, 30, 31, 32, 33, 34, 98, 99, 100, 101, 102, 150, 151, 157, 161).

ЛУККЕЗИНИ, Жироламо (1751—1825), маркиз, итальянец родом, прусский дипломат. Он был приглашен Фридрихом Великим на место библиотекаря по рекомендации знаменитого энциклопе-

диста д'Аламбера. При Фридрихе Вильгельме II Луккезини был послом в Варшаве и Вене, а при Фридрихе Вильгельме III — послом в Париже (1802—1806). Вместе с Ломбардом он проводил политику союза с Наполеоном. После Иены был уволен в отставку и уехал в Италию (стр. 59, 72, 74, 81, 91).

МАССЕНБАХ, Христиан (1758—1827), барон, прусский полковник. Один из псевдоученых офицеров прусского генерального штаба. По словам Меринга, «они целиком погрузились в стратегические и тактические представления, являвшиеся лишь пережитками давно исчезнувшей действительности». Совершенно не понимая практического военного дела, Массенбах придавал главное значение на войне не живой силе, а элементу местности. В политике он был сторонником союза Пруссии с Францией и в 1805 г. советовал королю сразу примкнуть к Наполеону. В кампанию 1806 г. Массенбах был назначен начальником штаба к князю Гогенлоэ, командовавшему армейской группой у Иены. Массенбах приобрел неограниченное влияние на этого недалекого и безвольного полководца, подавал ему весьма неудачные советы. Немецкий писатель Леттов-Форбек называет поведение Массенбаха «близким к государственной измене». После войны Массенбах вышел в отставку и написал несколько оправдательных сочинений, не достигших своей цели. В 1817 г. он обратился к прусскому двору с требованием уплатить ему известную сумму денег, угрожая в противном случае разоблачениями в печати. В ответ на такой шантаж его предали суду и приговорили к заключению в крепости на 14 лет. В 1826 г. он был помилован, но вскоре умер (стр. 25, 26, 29, 35, 36, 37, 39, 82, 84, 89, 90, 91, 92, 93, 102, 104, 107, 137, 138, 139, 160).

МЕЛЛЕНДОРФ, Рихард (1724—1816), прусский фельдмаршал, принимал участие еще в Семилетней войне. Во время третьего похода против Французской республики (1794) Фридрих Вильгельм II назначил его главнокомандующим вместо отказавшегося герцога Брауншвейгского. В сентябре он имел удачные бои с французами у Кайзерслаутерна, главным образом, благодаря Блюхеру, но в конце концов вернулся за Рейн. В кампанию 1806 г. Меллендорф, которому уже исполнилось 82 года, сопровождал короля Фридриха Вильгельма III в качестве советника (стр. 16, 20, 25, 26, 73, 81, 91, 116, 122, 123, 160, 166, 167, 168, 169).

МОРТЬЕ, Эдуард (1768—1835), герцог Тревизский, маршал Франции. В 1791 г. поступил в армию и сражался в войнах республики и империи. В 1808—1811 гг. действовал в Испании. В 1812 г. участвовал в походе на Россию, причем при отступлении из Москвы Наполеон приказал ему взорвать Кремль, что, однако, не удалось. В 1813—1814 гг. Мортье командовал молодой гвар-

дией. При реставрации Людовик XVIII дал ему звание пэра. В 1815 г. перешел на сторону Наполеона. В 1830 г. король Луи Филипп назначил его послом в Петербург, в 1834 г. он сделался военным министром и министром-президентом (стр. 144, 158, 177).

МЮРАТ, Иоахим (1771—1815), маршал Франции, король Неаполитанский. В 1791 г. получил чин лейтенанта в полку конных егерей. Участвовал в качестве кавалерийского начальника в итальянской кампании 1796—1797 гг. и в египетской экспедиции 1798 г., оказал самую энергичную помощь Бонапарту при перевороте 18 брюмера (9 ноября 1799 г.) и на следующий год женился на его сестре Каролине. Принимал выдающееся участие в войнах консульства и империи. В 1806 г. — великий герцог Бергский, в 1808 г. — король Неаполитанский. Во время похода в Россию в 1812 г. командовал всей кавалерией великой армии, но после сражения при Лейпциге (1813) изменил Наполеону, вернулся в свое королевство и в январе 1814 г. заключил союз с Австрией. Однако, когда на Венском конгрессе было принято неблагоприятное для него решение, Мюрат, воспользовавшись возвращением Наполеона с острова Эльбы, перешел в марте 1815 г. в наступление в Ломбардию и провозгласил независимость всей Италии. Разбитый австрийцами при Толентино, он бежал во Францию, откуда перебрался на Корсику. Наконец, в сентябре 1815 г. с 250 приверженцами он высадился в Калабрии с целью снова завоевать Неаполь, но был взят в плен и по приговору суда расстрелян (стр. 97, 99, 103, 107, 112, 113, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 137, 143, 162, 163, 169, 170, 172, 173, 175, 176, 178).

МЮФФЛИНГ, Карл (1775—1851), барон, прусский фельдмаршал, участвовал в походах против Французской республики (1792—1794) и в кампании 1806 г. против Наполеона. Впоследствии был губернатором Берлина и председателем государственного совета (стр. 82, 91, 92, 100).

НАПОЛЕОН I (1769—1821), император французов (стр. 29, 38, 42, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 72, 75, 79, 88, 90, 91, 97, 99, 101, 102, 105, 106, 108, 111, 112, 114, 123, 124, 142, 152, 157, 159, 160, 161, 162, 165, 168).

НЕЙ, Мишель (1769—1815), герцог Эльхингенский, князь Московский (de la Moskowa), маршал Франции. В 1788 г. поступил солдатом в гусарский полк и во время революционных войн возвысился до генерала. В 1805 г. победой над австрийцами при Эльхингене способствовал капитуляции Мака под Ульмом, участвовал в кампаниях 1806 и 1807 гг. и в испанской войне 1808—1811 гг. Во время похода против России в 1812 г. особенно отличился в сражении при Бородино. При отступлении из Москвы командовал

арьергардом великой армии, затем сражался в 1813 и 1814 гг. Во французской армии называли Нея «храбрейшим из храбрых». Король Людовик XVIII сделал его пэром и в 1815 г. вверил ему командование войсками против Наполеона, вернувшегося с острова Эльбы, но, поддавшись общему настроению, Ней перешел на сторону императора. В сражении при Ватерлоо он лично вел старую гвардию в последнюю атаку на английский центр. При второй реставрации Ней был арестован, предан суду и расстрелян (стр. 80, 99, 103, 112, 123, 124, 125, 126, 143, 161, 162, 163, 164, 169, 170. 172, 177, 179).

ОЖЕРО, Пьер (1757—1816), герцог Кастильоне, маршал Франции. В 1792 г. поступил волонтером в армию. Во время итальянской кампании 1796 г. в качестве дивизионного генерала особенно отличился при Кастильоне. В 1797 г. командовал войсками в Париже при подавлении восстания роялистов 18 фрюктидора. В 1799 г. примкнул к Бонапарту при перевороте 18 брюмера. Участвовал в кампаниях 1806 и 1807 гг., отличившись при Иене и Прейсиш-Эйлау.

Действуя в Испании в 1809—1810 гг., оказался неспособным к самостоятельному командованию и был заменен Макдональдом. В 1813 г. сражался под Лейпцигом, в 1814 г. защищал Лион. При реставрации Бурбонов Ожеро одним из первых выразил Людовику XVIII свою преданность и получил звание пэра. Встретив низложенного императора, отправлявшегося на Эльбу, он его оскорбил. Несмотря на это, по возвращении Наполеона в 1815 г. он не замедлил явиться к нему с предложением своих услуг, но был отвергнут (стр. 80, 86, 87, 99, 102, 103, 112, 123, 124, 125, 126, 143, 158, 162, 163, 164, 170, 171, 174, 177).

ПИТТ, Вильям (1759—1806), английский государственный деятель. Непримиримый враг французской революции, он создал три коалиции против Франции, но не смог помешать победам республики и империи (стр. 58).

ПФУЛЬ, Карл (1757—1826), барон, прусский полковник и русский генерал. Перед кампанией 1806 г. он был начальником одного из трех отделов прусского генерального штаба. Упрямый доктринер, не желавший совершенно считаться с жизнью. Отправляясь в поход против Наполеона, Фридрих Вильгельм III в числе других советников взял с собой и его. После разгрома пруссаков под Иеной и Ауэрштедтом Пфуль перешел на русскую службу в Петербург. Тут он продолжал заниматься своей схоластикой и за шесть лет пребывания в России не только не научился говорить по-русски, но даже, по свидетельству Клаузевица, не ознакомился с организацией русской армии. Тем не менее император Александр поручил ему составить план оборонительной войны на случай нашествия Наполеона на Россию. Собственно говоря, такой план уже

существовал, так как военный министр Барклай-де-Толли еще в 1810 г. представил государю доклад «О защите западных пределов России», в котором рекомендовалось отступать совокупными силами внутрь страны, уклоняясь от решительного столкновения и опустошая оставляемую местность. Взамен этого простого и естественного плана Пфуль сочинил другой план, тоже отступательный, но составленный по стратегическому рецепту известного маньяка Бюлова, которого так зло осмеял Наполеон. В начале войны 1812 г., после того как от этого плана, едва не погубившего русскую армию, пришлось отказаться, Пфуль выехал в Англию (стр. 36, 81, 82, 91, 93, 104).

РЮХЕЛЬ, Эрнст (1754—1823), прусский генерал, был флигель-адъютантом Фридриха Великого. Слепой приверженец его тактики и стратегии, не допускавший в них никаких изменений. Перед кампанией 1806 г. был настроен необычайно воинственно, но под Иеной, командуя отдельным корпусом в 15 000 человек, не проявил инициативы и вступил в дело уже тогда, когда сражение было безвозвратно проиграно (стр. 20, 25, 26, 27, 33, 83, 87, 89, 90, 91, 92, 93, 98, 99, 100, 102, 103, 108, 113, 114, 115, 122, 133, 163, 164).

САВАРИ, Рене (1774—1833), герцог Ровиго, французский генерал, министр полиции во время первой империи (стр. 143, 179).

СУЛЬТ, Николя (1769—1851), герцог Далматский, маршал Франции. Участвовал в войнах республики, в 1805 г. отличился под Аустерлицем, в 1806 г. командовал правым крылом французов при Иене. С 1808 г. все время сражался в Испании, причем в 1813 г. был оттеснен Веллингтоном за Пиренеи в Южную Францию, где продолжал обороняться до заключения мира. Людовик XVIII назначил его военным министром, но в 1815 г. он перешел на сторону Наполеона и во время кампании в Бельгии был его начальником штаба. После этого Сульт жил в эмиграции до 1827 г., когда получил звание пэра и вернулся во Францию. При июльской монархии он был военным министром с 1830 по 1834 гг., министром иностранных дел и министром-президентом — в 1839 г. и, наконец, снова военным министром — с 1840 по 1847 гг. (стр. 80, 99, 103, 112, 118, 123, 124, 125, 126, 128, 129, 136, 143, 158, 161, 162, 163, 164, 169, 170, 172, 178, 179).

ТАЛЕЙРАН-ПЕРИГОР, Шарль (1754—1838), князь Беневентский, французский дипломат. Происходил из знатного рода. При старом режиме, в 1788 г., — епископ Отенский. После революции, в 1790 г.,—председатель национального собрания, а затем—министр иностранных дел директории, консульства и империи. При реставрации он опять примкнул к Бурбонам и играл выдающуюся роль на Венском конгрессе. Талейран обладал выдающимися диплома-

тическими способностями, но был человеком совершенно беспринципным; он служил всем правительствам, существовавшим во Франции, и получал огромные взятки от иностранных держав (стр. 55, 59, 75).

ТАУЭНЦИН, Богислав (1750—1824), граф Виттенбергский, прусский генерал. В кампанию 1806 г. был начальником авангарда князя Гогенлоэ и под Иеной потерпел полное поражение. В войну 1813—1814 гг. победил при Госсбеерене и Денневице и взял крепости Торгау, Виттенберг и Магдебург (стр. 98, 99, 100, 101, 102, 103, 105, 106, 112, 114, 159, 161, 163, 165).

ФРИДРИХ II ВЕЛИКИЙ (1712—1786), король прусский, выдающийся политик и один из великих полководцев мировой истории (стр. 9, 11, 15, 23, 27, 31, 32, 33, 34, 44, 49, 65, 66, 89, 106, 116, 130, 157, 162, 163, 171).

ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ II (1744—1797), король прусский (стр. 10, 11, 16, 41, 43, 44, 50, 51, 152).

ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ III (1770—1840), прусский король. Желая извлечь выгоду из войны Наполеона с третьей коалицией, он запутался в своей политике, был разгромлен под Иеной и Ауэрштедтом и по Тильзитскому миру (1807) потерял половину своих владений. После освобождения Пруссии в результате войны 1813—1814 гг. Фридрих Вильгельм попал в вассальную зависимость от русских самодержцев Александра I и Николая I (стр. 10, 11, 12, 13, 16, 23, 24, 25, 28, 33, 34, 40, 43, 44, 46, 47, 53, 54, 60, 80, 81, 82, 83, 85, 89, 90, 92, 93, 116, 118, 122, 123, 129, 130, 157, 158, 159, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 172).

ШАРНГОРСТ, Гергард (1755—1813), прусский генерал, начал службу в Ганновере артиллерийским офицером, в 1801 г. перешел в прусскую армию подполковником и через два года зачислен в генеральный штаб. В кампанию 1806 г. был начальником штаба у герцога Брауншвейгского. После разгрома прусской армии под Иеной и Ауэрштедтом при отступлении к Любеку попал в плен. В 1807 г. назначен директором военного департамента (военное министерство), начальником генерального штаба и председателем комиссии по реорганизации армии. Провел военную реформу в связи с общей реформой Штейна для создания в случае войны многочисленной армии. В 1810 г. по требованию Наполеона Шарнгорст был уволен от должности директора военного департамента, но остался начальником генерального штаба. Весной 1813 г. им была произведена подготовка войны против Наполеона и подписан в Калише союзный договор с Россией. С открытием военных действий Шарнгорст сделался начальником штаба у главнокомандующего Блюхера, но в первом же бою при Гросгершене, близ

Люцена, был смертельно ранен (стр. 27, 33, 35, 36, 42, 81, 82, 83, 91, 92, 97, 104).

ШВЕРИН, Курт (1684—1757), граф, прусский фельдмаршал. В Силезской войне одержал над австрийцами победу при Мольвице (1741). В Семилетнюю войну был убит в сражении при Праге (стр. 116, 127, 151).

ШТЕЙН, Карл (1757—1831), имперский барон, прусский государственный деятель. После Тильзитского мира, в июле 1807 г., Штейн был назначен министром с широкими полномочиями. Несмотря на ожесточенное сопротивление юнкеров, он провел л и ч н о е освобождение крестьян от крепостной зависимости (без наделения их землей) и другие умеренно либеральные реформы. По требованию Наполеона он был уволен в отставку в декабре 1808 г. и выехал в Австрию. В 1812 г. император Александр пригласил его к себе в качестве советника. По окончании войны Штейн вернулся в Пруссию, но от дальнейшей политической деятельности отказался (стр. 33, 47).

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Сдано в производство 28.4.1937 г.
Подписано к печати 11.8.1937 г.

Формат бумаги 72×110/16
Объем 12¼ п. л. + 1¾ п. л. вклеек, авт. л. 12,87
В бумажном листе 80.640 знаков

Уполномоч. Главлита № Г—7.288
Издательский № 192. Заказ № 208

Цена книги 3 руб. 50 коп., переплета 1 руб. 50 коп.

Текст отпечатан на бумаге Вишерского бумкомбината
Лидерин Щелковской фабрики «Союзтехноткань»

Адрес издательства: Москва, Орликов пер., д. 3.

Отпечатано в 1-й типографии Государственного военного издательства
Наркомата обороны Союза ССР
Москва, ул. Скворцова-Степанова, д. 3.

Общие схемы к походу 1806 г. до сражений под Иеной и Ауэрштедтом

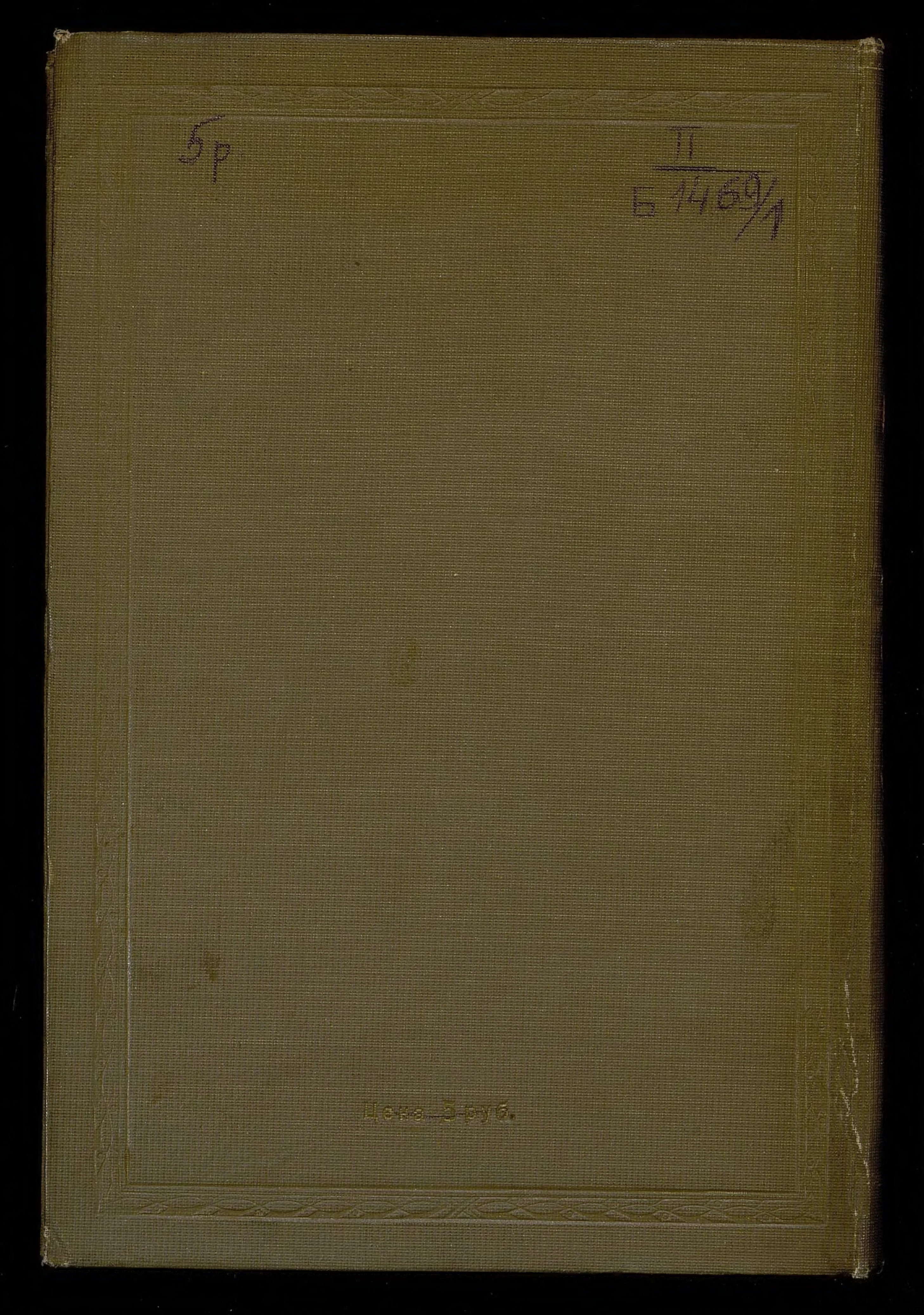

Клаузевиц. Зак. 208 — 37 г.

Общая схема кампании 1806 года, с 14 по 28 октября 1806 г.

Клаузевиц. Зак. 208—37 г.

5р
II
Б 1469/1
Цена 3 руб.